

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Д. Е. ЕРЕМЕЕВ

ЭТНОГЕНЕЗ ТУРОК

(происхождение и основные
этапы этнической истории)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

902.7

E70

Ответственный редактор

М. С. ИВАНОВ

Работа посвящена сложной проблеме этногенеза и этнической истории турецкого народа. На основе исторических, антропологических, лингвистических и этнографических данных автор освещает происхождение турок, образование турецкой феодальной народности, особенности формирования турецкой нации.

1-6-2

64-71

Дмитрий Евгеньевич Ермeев

ЭТНОГЕНЕЗ ТУРОК

*(происхождение и основные
этапы этнической истории)*

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор М. И. Штемпель

Художник Е. В. Бекетов

Художественный редактор Э. Л. Эрман

Технический редактор М. М. Фридкина

Корректоры В. В. Воловик и М. К. Киселева

Сдано в набор 21/V 1971 г. Подписано к печати 10/VIII 1971 г. А-11242
Формат 84 × 108^{1/32}. Бум. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,36
Тираж 2400 экз. Изд. № 2722. Зак. № 568. Цена 97 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Памяти моего учителя, выдающегося исследователя турецкой истории, этнографии и филологии, академика Владимира Александровича Гордлевского

О Т А В Т О Р А

Происхождение турок, как и происхождение почти любого народа, любой этнической общности,— сложный исторический процесс. Этнические процессы, обладая определенными общими закономерностями, в то же время имеют в каждом конкретном случае свои особенности. Например, одной из особенностей этногенеза турок был синтез двух основных крайне отличавшихся один от другого этнических компонентов: переселившихся на территорию современной Турции тюркских кочевников-скотоводов и отдельных групп местного оседлого земледельческого населения. В то же время в образовании турецкой народности проявилась и одна из закономерностей этнической истории — ассимиляция турками, при их преобладающей численности и социально-политической гегемонии, части покоренных ими народов.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть все особенности этногенеза турок, образования турецкой народности, а затем и турецкой нации, выделив при этом общее и особенное. Базой для такого анализа послужили исторические факты — письменные источники, а также данные антропологической и этнографической науки.

В «Обзоре основных источников и литературы внимание уделено характеристике источников, а также главным направлениям и критике турецких этногенетических исследований. В главе I дается краткая географическая характеристика территории современной Турции — того ареала, где происходило образование турецкой народности и нации. Здесь же описан этнический состав анатолийского населения до начала массового переселения

тюрок в Анатолию и приведены факты о первоначальном проникновении тюркских элементов на Балканы и в Малую Азию. Эта глава носит вводно-обзорный характер, составляя введение к изучению этнических процессов, происходивших в Турции с XI по XX в.

Глава II посвящена анализу массового переселения тюркских племен в Анатолию в эпоху сельджукских и монгольских завоеваний, этнической истории этих племен. В главе III рассматриваются особенности образования турецкой народности, в главе IV — история формирования турецкой нации. Глава V содержит сведения о численности турецкой нации, ее расселении, основных занятиях, классах и социальных группах, антропологических типах, языке и специфике культуры и быта. Особое внимание в главе удалено тем антропологическим, лингвистическим и этнографическим чертам турок, которые проливают свет на особенности их происхождения и этнической истории. Иначе, говоря, эта глава — не всеобъемлющий этнографический очерк турецкого народа, а попытка анализа некоторых этнических черт для уточнения и иллюстрации этногенетических выводов, сделанных в предыдущих главах.

Основное исследование содержится в главах II—V. При этом в главах II—IV вначале дается краткая обобщающая характеристика политического, экономического и социального положения Турции рассматриваемого периода и только после этого анализируются особенности формирования турецкого этноса.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники. Хронологически исходной точкой в этногенетическом процессе, приведшем в итоге к образованию турецкого народа, можно уверенно назвать конец XI в., когда началось массовое переселение тюрksких племен, преимущественно огузов и туркмен, в Малую Азию. Более ранние проникновения тюрок на эту территорию, которые, конечно, нельзя совсем не принимать во внимание, носили эпизодический характер и были количественно незначительны, чтобы решающим образом повлиять на этнические процессы в Малой Азии. Стало быть, этногенез тюрок, образование турецкой народности происходили в период позднего средневековья (XII—XV вв.), сравнительно хорошо освещенный нарративными источниками. Эта особенность и определила основную базу данной работы — письменные источники. Широко привлекать археологический материал не имело смысла: он относится к гораздо более ранним историческим периодам, завершившимся задолго до появления первых тюрок в Малой Азии, и служит источником для анализа этногенеза не тюрок, а древних малоазийских народов — хеттов, фригийцев, лидийцев, греков, армян, грузин, курдов и др. Поэтому археологические данные используются лишь в редких случаях. Антропологические материалы также привлечены мало: турецкие исследования в этой области отличаются тенденциозностью (подробно о них см. ниже), а другие работы и тематически, и по количеству антропометрических данных носят очень ограниченный характер. К тому же антропологический материал может дать лишь косвенное подтверждение этническим процессам, свидетельствует, скажем, о сме-

шении антропологических типов, их распространении и т. п. Его нельзя рассматривать как прямой этногенетический источник без всяких оговорок.

Наряду с письменными источниками использованы данные сравнительного языкоznания, ономастики (топонимики, антропонимики и этнонимики), отдельные тюркоязычные эпические памятники, произведения сельджукского и османского искусства (архитектура, орнаментика и т. п.), фольклорные и этнографические материалы.

Для периода сложения турецкой нации, которое завершилось буквально в наши дни — в первые десятилетия XX в.— основными источниками послужили свидетельства путешественников, сообщения современников — очевидцев интересующих нас событий, а также ряд архивных документов Османской империи в публикациях турецких исследователей, переписи населения и другие официальные документы Турецкой Республики.

Очень ценные указания, непосредственно относящиеся к особенностям начавшегося формирования турецкой нации, имеются в статьях К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликовавшихся в газете «Нью-Йорк дейли трибюн» в период наибольшего обострения «восточного вопроса» — соперничества великих держав в борьбе за раздел Османской империи (1853—1855) [1; 2; 5]. Острые полемические, эти статьи содержат вместе с тем глубокий научный анализ внутреннего положения Турции и ее отношений с великими державами. Огромное методологическое значение имеют многие произведения В. И. Ленина, особенно те, где он разработал теоретические вопросы образования народности и нации, особенностей национальной культуры и национальных взаимоотношений [см., например, 6].

Из ранних письменных источников наибольшее значение имеют, пожалуй, армянские. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.), армянской «Географии» VII в. сохранились сведения о проникновении первых тюркских племен в Закавказье и восточные районы Малой Азии [см.: 170; 20]. О связях суваров и хазар с закавказскими и малоазийскими народами повествует «История агван» Мовсеса Қаганкатваци [169]. В XI—XIII вв. в армянских источниках появляются сведения об огузах и туркменах, вторгшихся во время сельджукских завоеваний в Малую Азию. Среди этих источников нужно прежде всего на-

звать хроники Аристакэса Ластивертци (XI в.), Матфея Эдесского (ум. в 1144 г.), Мхитара Айриванкского (XIII в.) [см.: 17; 275; 262; 9, стр. 26]. Армянские источники по истории турок и других тюркских народов X—XII вв. рассмотрены в работе Х. Д. Андреасяна, изданной в Турции на турецком языке [373]!¹

Из сирийских источников следует упомянуть хронику Михаила Сирийца (XII в.) и труд по всемирной истории Абу-л-Фараджа (1226—1286). Михаил Сириец особое внимание уделяет переселению тюрок в страны Западной Азии [см.: 276; 67; 197]. Интересные сведения о сельджукских племенах есть и в грузинских летописях [см.: 9, стр. 27].

Очень много сведений о тюркских племенах, об их проникновении на Балканы и в Малую Азию содержат византийские источники. Первые сведения об узах (огузах) были приведены в сочинении Константина Багрянородного в X в. [214; 325, стр. 204—228]. Среди более поздних источников нужно назвать труды авторов XI—XIII вв. Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары, Михаила Пселла, Никифора Вриенния, Никиты Хониата и особенно Анны Комниной, сочинение которой изобилует сведениями как о тюрках-сельджуках, так и о других тюркских племенах — печенегах, половцах и пр., переселявшихся на земли Византии [34, 178; 206; 15]. Сведения византийских источников о тюркских народах и тюркских языках систематизированы в труде венгерского ученого Дьюлы Моравчика, что очень облегчает пользование этими источниками [325; 326]. Большой интерес представляют и «Византийская история» Дуки, где описаны события, связанные с одним из первых этапов истории османского государства [74; 282; 411].

Большое место среди источников занимают также сочинения на арабском, иранских и тюркских языках. Интересны сведения об огузах в «Книге Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.» [105; 106; 302]. Богатый материал об этническом составе населения Малой Азии, его занятиях, взаимоотношениях

¹ Почти все письменные источники, связанные с этнической историей турок, давно введены в обиход исторической науки и получили подробные характеристики в работах В. В. Бартольда, В. А. Гордлевского, И. Ю. Крачковского, А. С. Тверитиновой, С. Г. Агаджанова, Б. Н. Заходера, Я. Н. Любарского и др.

между народами приводит Ибн Баттута, совершивший путешествие по Анатолии примерно в 1331—1334 гг. [301]. Среди источников этого круга следует упомянуть трактат визира при сельджукских султанах Алп-Арслане (1063—1072) и Мелик-шахе (1072—1092) Низама ал-Мулька «Сиясет-намэ» [210]. В трактате содержатся сведения не только о структуре империи Сельджукидов, но и о проникновении тюркских элементов в Западную Азию еще при халифе Мутасиме (833—841), о численности сельджукского войска, о положении туркменских племен. Ныне, наряду с персидским оригиналом, известен и средневековый турецкий перевод этого труда [9, стр. 19]. Некоторый материал дают также сочинения Захира ад-Дина Нишапури (XII в.) «Сельджук-намэ» [204] и Фазлалаха Рашид ад-Дина (1247—1318) «Джами ат-таварих» [205].

Из сельджукских хроник, написанных непосредственно в Малой Азии, большое значение имеет труд Ибн-Биби об истории сельджукского государства (1188—1282). Есть перевод персидского оригинала на старотурецкий язык [435, 436]. Отметим также хронику Аксараи, охватывающую период после монгольского нашествия [369; 370], и воспоминания дервиша ордена мевлеви Афляки (ум. в 1359 г.) [246].

Одним из ранних произведений османской историографии является «Огуз-намэ», или «Сельджук-намэ», написанное Языджиоглу Али в 1423 г. [523]. В этом произведении использованы труды Рашид ад-Дина, Ибн Биби и Раванди, а также огузские исторические предания [9, стр. 34]. Из хроник XV—XVI вв. примечательны сочинения Ашик-паша-заде [379], Оруджа бин Адиля [481], Мехмеда Нешри [321; 327; 473], Мюнеджим-бashi [475], а также анонимная османская хроника «Теварих-и Ал-и Осман» [281; 499; 216]. Среди источников более позднего времени особого внимания заслуживает «Книга путешествия» турка Эвлия Челеби (XVII в.) [242; 419]. Автор подробно описывает население Анатолии, его занятия, города (Стамбул, Бурсу, Измит, Трабзон, Сивас, Эрзурум, Van).

Для характеристики тюркских кочевых племен Анатолии (юрюков и туркмен) второй половины XVI—XVIII вв. большое значение имеют архивные документы Османской империи, подобранные и опубликованные

турецким историком А. Р. Алтынаем. В них содержатся, в частности, сведения о расселении этих племен, их этнонаимах, политике султанского правительства по отношению к кочевникам [371].

Наконец, очень важные сведения об этническом составе населения Анатолии, его занятиях мы находим в сочинениях европейских путешественников Гильома де Рубрука (средина XIII в.), Марко Поло (конец XIII в.), Ж. де Северака (начало XIV в.), Бертрандона де ля Брокьера (XV в.) и др. [119; 200; 208; 261; 304].

Данные о населении Турции XII—XV вв. содержатся также в сочинениях участников крестовых походов С. де Сэн-Кантэна [377], Тагенона [49, стр. 125], в дневнике путешествия Р. Г. де Клавихо [122].

О пребывании в Турции в 1591 г. оставил свои записки чешский автор В. Вратислав [37]. Положение в Турции в 70-е годы XVII в. освещено французскими путешественниками Ж. Колле [277] и М. Фэбром [286]. Из источников XVIII в. интерес представляют описание путешествия О. Ч. Бюсбека [264], сообщение о нравах и обычаях турок М. Гюэ [292] и мемуары Ф. де Тотта [348].

Источниками такого рода изобилует XIX в. Интерес западных держав к Турции, вызванный борьбой за «ottomанское наследство», проникновение иностранного капитала в Османскую империю — все это сопровождалось довольно подробным изучением состояния дел в Турции со стороны иностранных путешественников, консулов, дипломатов, разведчиков. В своих отчетах они приводят и богатый материал об этническом составе населения Турции, о процессах религиозной и языковой ассимиляции турками других народов, о национальных взаимоотношениях и т. п. Среди подобных трудов можно назвать сочинения Дж. М. Киннейра, совершившего путешествие по Турции в 1813—1814 гг. [308]; В. Фонтанье (1829 г.) [288], воспоминания Г. Мольтке (1835—1839) [323], путевые записки В. Ланглаа (1852—1853) [312], описания Турции А. Убичини и П. де Куртейля (1854—1876) [228; 229], консульские отчеты В. Дж. Пальгрэва (1869 и 1872 гг.) [190], описание Турции на основе личных наблюдений К. Мак-Коана (1879 г.) [151], отчет об экспедиции в Восточную Анатолию и Северную Сирию И. Черника (1872—1873) [243], наблюдения К. Гумана [62] и другие источники.

Из сочинений XX в. следует отметить «Путешествие по Азиатской и Европейской Турции» Г. Гроте в 1902 г. [60], большой труд немецких специалистов, работавших в Турции во время первой мировой войны, д-ра Фрайлиха и инженера Раулига о турецких кочевых племенах [420] и, наконец, сравнительно недавнюю работу В. Сперко «Турки вчера и сегодня», воспоминания о его пребывании в Турции в 30—50-х годах XX в. [338].

Видное место среди источников по этнической истории турецкого народа занимают сочинения русских путешественников и очевидцев. Вообще, интерес к Турции и туркам возник в России очень давно. Уже взятие Константинополя османцами в 1453 г. описано в замечательном документе «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера [177]. А в 1497 г. в Стамбул прибыл первый русский посол стольник М. А. Плещеев [176]. В XV—XVII вв. через Турцию пролегали «хождения» многих русских купцов. Здесь, правда, очень недолго, бывал знаменитый тверитянин Афанасий Никитин, автор «Хожения за три моря» (1466—1472). Московский купец Ф. А. Котов оставил о своем путешествии в 1623 г. сочинение «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят»; другое произведение — «Проскинитарий Арсения Суханова» относится к 1649 г. Из ранних сочинений назовем также «Описание Турской империи, составленное русским, бывшим в плену у турок в XVII веке» (1669—1674) [см. 28, стр. 5].

Из сочинений XVIII в. необходимо отметить в первую очередь описание путешествия В. Г. Барского-Плаки-Албова, монаха-странника, вышедшее в свет в 1778 г., «Поденные записки во время прошедшей с турками войны» П. А. Левашова, «Цареградские письма о древних и нынешних турках» (1789 г.), «Плен и страдания россиян у турков», автора под инициалами П. Б. (1790 г.) [193].

На рубеж XVIII—XIX вв. падает «Путешествие Рафаила Данибегашвили», грузинского дворянина, выполнившего поручения грузинских и русских царей в странах Азии, в том числе в Турции [69]. Из источников такого рода, относящихся к XIX — началу XX в., следует назвать сочинения М. П. Вронченко, составившего очень детальное географическое и этнографическое описание

Малой Азии [38]; И. Н. Казбека [114], Д. В. Путяты [202], Ю. Кази-Бека [115], А. В. Елисеева [76; 77], П. Томилова [223], И. И. Голобородько [46], Н. Я. Марра [157], А. Тырковой [227], П. И. Аверьянова [13].

Среди русских источников советского периода очень ценные сведения содержатся в докладе М. В. Фрунзе о поездке в Анкару [234] и воспоминаниях советского посла в Турции С. И. Аラлова [16].

К числу официальных османских и турецких документов нужно отнести в первую очередь переписи населения, которые дают определенный материал о протекавших в Турции во второй половине XIX — первой половине XX в. этнических процессах (первая перепись в Османской империи была проведена в 1831 г. [450]). Однако при этом нужно подчеркнуть, что до 20-х годов нынешнего столетия эти переписи не дают точных и достоверных данных о численности и этническом составе населения Турции. Статистика в Османской империи была поставлена вообще плохо, а кроме того, в переписях допускалась и прямая фальсификация — сознательно уменьшалась численность христианского населения. Главное же, в переписях подменялась национальная принадлежность конфессиональной. Например, турки, курды, арабы и другие мусульманские народы учитывались лишь как мусульмане, без выделения их по национальному признаку. В число «греков», т. е. приверженцев так называемой греко-православной церкви, записывались наряду с настоящими греками и представители других национальностей, исповедующие православие (например, гагаузы). Часть армян негригорианского вероисповедания попадала в общее число католиков (армяне-католики) или протестантов (армяне-протестанты) и т. п. Поэтому при определении численности отдельных народов в разные периоды дореспубликанской Турции приходится пользоваться оценочными данными [86, стр. 14]. Эти данные выводились обычно путем комбинирования сведений из османских переписей, армянских и греческих источников, подсчетов путешественников и исследователей [8, стр. 115; 13, стр. 3]. Среди таких попыток определения численности и этнического состава населения Турции в XVIII—XIX вв. можно назвать работы А. Ерицова [100], А. Д. Мордтмана [172] и Николы Михова [168].

В республиканской Турции переписи населения были поставлены уже лучше. Первая перепись была проведена в 1927 г., а с 1935 г. они проводятся регулярно через каждые пять лет [см.: 422; 423; 424]. Однако большим недостатком этих переписей является то, что они учитывают не национальную принадлежность жителей, а их родной язык. Понятно, что это дает несколько искаженную картину национального состава населения Турецкой Республики.

Из других документов можно упомянуть «Собрание законов, связанных с национально-освободительной борьбой и реформами», принятых в республиканской Турции. Эти законы касаются взаимоотношений между обычным правом мусульман (шариатом) и светской властью, ликвидации халифата, реформ в области быта, одежды, введение григорианского календаря, разработки уголовного кодекса, создания светских школ и других буржуазно-националистических преобразований в Турции в 20—30-е годы XX в. [474]. Интересные цифровые данные о социальном составе турецкой нации содержит проект второго турецкого пятилетнего плана на 1968—1972 гг. [442].

Очень большой круг источников относится к области лингвистики, этнографии и фольклора. Сравнительный анализ турецкого языка, выделение в нем иноязычных заимствований, произошедших в процессе этногенеза турок, облегчается наличием словаря тюрksких диалектов, составленного Махмудом Кашгари в 1074 г. Этот словарь в то же время и ценный источник по этнографии и истории тюрок, главным образом огузов и туркмен XI в. [386; 22]. Прекрасные источники для исследований этнолингвистического характера — словари А. З. Будагова [31] и В. В. Радлова [203], а также вышедший недавно в свет «Древнетюркский словарь» [73]. Происхождение многих слов современного турецкого языка из других языков отмечают «Турецко-русский словарь». Д. А. Магазаника [149] и «Толковый словарь турецкого языка», изданный в Турции [505].

Источником по турецкой топонимии служит опубликованный в Турции в 1928 г. свод названий всех деревень в Анатолии и Восточной Фракии [469].

Очень большой материал по этнографии турок собран русскими учеными (В. А. Гордлевский, П. М. Жуковский и др.), западноевропейскими и американскими

(Ж. П. Ру, Кс. де Пляноль, В. Эберхард, Дж. Э. Пирс, П. Стирлинг и др.) в результате непосредственных наблюдений во время экспедиций и полевых исследований в Турции [см. библиографию]. Много ценного фактического материала по этнографии турок содержат и турецкие этнографические работы (о них будет сказано ниже):

В главе V использованы и личные наблюдения автора настоящей книги во время его командировки в Турцию в 1956 г., а также информация, полученная в 1958—1968 гг. от турецких граждан, с которыми ему приходилось встречаться и работать — ученых, журналистов, дипломатов². Весь этот материал при сопоставлении его с этнографическими фактами, наблюдаемыми у других народов, позволяет сделать интересные заключения об этногенезе и этнической истории турок.

Большим подспорьем при изучении этногенеза турок является и фольклорный материал, особенно эпические тюркоязычные памятники, которые (с определенными, конечно, оговорками) можно рассматривать и как исторические источники. Это, прежде всего, «Книга моего деда Коркута» [125; 429; 291], «Сказание о Мелике Даннышменде» [39], эпос о Сейиде Баттале-гази [421; 309; 285], а также публикации турецкого фольклора [53; 54; 57; 58; 212].

Литература. В исторической литературе нет работ, которые были бы специально посвящены этногенезу и этнической истории турок. Однако отдельные вопросы этой проблемы, а также некоторые периоды турецкой этнической истории освещены в ряде исследований.

Отечественные исследования. В русской литературе вопрос о происхождении турецкого народа был поднят в труде Н. А. Аристова об этническом составе тюркских племен и народностей. Этот выдающийся тюрколог наметил и основное решение вопроса — он рассматривал турок как этнический сплав пришлых тюркских племен с местным населением [18]. Н. Я. Марр высказал мысль о большом вкладе в культуру турок курдов, о сильном курдском влиянии на турецкий этнос [156], что блестяще

² В связи с этим автор приносит искреннюю благодарность турецким гражданам Т. Илькану, Т. Селлиоглу, А. Башарелю, Т. Учозу, С. Сюпхандаглы, Э. Г. Сандалджи, С. Ясытлы, Д. Мутлуяю, О. Асланапе и многим другим, всегда охотно и подробно отвечавшим на его вопросы об особенностях быта, материальной и духовной культуры турецкого народа.

подтвердилось позднейшими исследованиями³. Отдельные замечания об этнической истории турок имеются в работах А. Е. Крымского [136, 137].

Из советской исторической литературы, посвященной определенным вопросам этнической истории турок, в первую очередь нужно отметить капитальную работу В. А. Гордлевского «Государство Сельджукидов Малой Азии» [49], где, наряду с другими вопросами политического и социально-экономического характера, исследуется начальный этап турецкого этногенеза. Много моментов этнической истории турок и влияния на них местного малоазийского и балканского населения рассмотрено в работах А. С. Тверитиновой о кемалистской историографии средневековой Турции, об аграрном строе Османской империи [217; 218; 219]. Ряд особенностей этнических процессов в сельджукскую эпоху отмечен в работах Р. А. Гусейнова [63; 64; 65; 66; 67]. Очень кратко, на двух страницах, основные вехи этногенеза турок прослежены А. Д. Новичевым в этнографических очерках «Народы Передней Азии» (глава «Турки») [184]. Некоторые этапы этнической истории турок рассмотрены в других статьях [89; 90].

Кроме этих работ, имеющих прямое отношение к исследуемой теме, следует отметить и труды по истории, экономике, идеологии, литературе и культуре, а также этнографии Турции, без чего невозможно было бы пытаться решить многие вопросы этнической истории турецкого народа. Это — работы по истории Турции А. Ф. Миллера [163; 164; 165], А. Д. Новичева [181; 185], А. М. Шамсутдинова [238; 239] и других авторов; работы по экономике Турции накануне и во время первой мировой войны А. Д. Новичева, в которых, в частности, исследуется сложение единого рынка и развитие капиталистических отношений в Турции, что прямо связано с образованием турецкой буржуазной нации [182; 186]; исследования Э. Ю. Гасановой и других авторов о турецком буржуазном национализме [40; 41; 42; 43; 44; 83].

³ Примечательный факт непосредственной связи турецкой орфографии (на основе арабской графики) с курдской, которая в свою очередь принципиально отличается от персидской, подметил О. Л. Вильчевский [35, стр. 146]. Очень много курдов влилось в тюркские племена, переселившиеся в Малую Азию; сильнейшее курдское влияние испытали на себе сохранившиеся до наших дней турецкие кочевники — юрюки и т. д.

84]; работы об истории турецкой литературы, искусства и культуры [14; 101; 102; 166; 81], о национальном составе населения и об этнических процессах в Турции [8; 30; 86]. Среди этнографических работ о турках надо назвать уже упомянутую выше главу А. Д. Новичева «Турки», его статью о турецких кочевниках в современной Турции [183], ряд работ В. П. Курылева и других авторов [130; 131; 132; 133; 134; 135; 80; 85; 87; 88; 93; 94; 95; 96; 97]. Работы В. П. Курылева отличаются попыткой связать некоторые этнографические особенности турецкого народа с его этнической историей, объяснить специфику турецкого этноса историческими причинами, например большим влиянием местного малоазийского субстрата. Этнографический материал был использован и в работах, посвященных частным вопросам общей проблемы происхождения турецкого народа — проникновению тюркских племен в Малую Азию [92] и этнической истории юрюков и туркмен Турции [91]. Юрюки и туркмэны, являющиеся этнографическими группами в составе современной турецкой нации, представляют собой в основной массе потомков тюркских племен, главным образом огузов и туркмен, переселившихся в Анатолию в XI—XIII вв. Они сравнительно мало подверглись смешению с местным оседлым населением, так как сохранили кочевой и полукочевой образ жизни. Юрюки, правда, сильно смешались с кочевыми курдами. Тем не менее обе эти группы в какой-то степени можно рассматривать как остатки прежних тюркских племен. Поэтому выяснение их происхождения имеет важное значение для решения одного из частных вопросов проблемы этногенеза турок, а именно — какие племена участвовали в тюркизации местного населения Малой Азии.

Прекрасным пособием при использовании обширнейшей литературы на русском языке, посвященной Турции и турецкому народу, служит двухтомная «Библиография Турции», составленная А. К. Сверчевской и Т. П. Черман под редакцией Б. М. Данцига. Первый том включает книги и журнальные статьи за 1713—1917 гг., второй том — издания советского периода с 1917 по 1958 г. [28; 29]. С точки зрения этнической истории турок наибольший интерес в этой работе представляют разделы «Население», «Этнография», «Путешествия»,

«Путевые очерки», «Национальный вопрос», «Религия», «Просвещение», «Искусство».

В советской историографии глубоко и всесторонне исследованы проблемы истории и этнографии огузов и туркмен средневековья. Эти племена явились одними из предков турецкого народа, сыграли решающую роль в тюркизации Анатолии. Естественно, что изучение этнических особенностей этих племен имеет прямое отношение к проблеме происхождения турок. Среди работ этого характера необходимо отметить капитальные труды В. В. Бартольда [24; 25], исследования А. Ю. Якубовского [245], Ф. И. Успенского [230], С. П. Толстова [222], А. Н. Кононова [127], А. А. Рослякова [207], С. Г. Агаджанова [9] и др. Из этих работ хочется особо выделить монографию С. Г. Агаджанова «Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.». Она написана на основе глубокого и подробного анализа широкого круга первоисточников; кроме вопросов истории и этнографии огузов и туркмен, в ней затронуты и вопросы, связанные с переселением части этих и других тюркских племен в Малую Азию и их дальнейшая история [см: 9, стр. 46, III, 129, 158—159 и др.].

При изучении этнической истории важное значение имеют исследования по сравнительному языкознанию той группы или семьи языков, к которой относится язык изучаемой этнической общности. Во-первых, язык является одним из основных этнических критериев, а во-вторых, эти исследования позволяют выделить то особенное, что присуще именно данному языку в отличие от других родственных ему языков, т. е. определить влияния иных языков, в частности, языковых субстратов, а также конструировать исходное ядро данного языка, например тот диалект, который впоследствии возобладал и лег в основу сформировавшегося языка. Среди таких работ первое место занимают труды Н. А. Баскакова [26]. Отметим также исследование С. С. Майзеля об арабских и персидских заимствованиях в турецком языке [150], работы Л. А. Покровской о терминах родства в тюркских языках [199], А. М. Щербака о названиях животных в этих языках [241], сравнительно-исторические исследования по грамматике и лексике тюркских языков С. Е. Малова [152], Э. В. Севортияна [209], И. А. Батманова [27], С. Г. Кляшторного [124] и др.

Среди исследований о турецком и тюркском фольклоре, в частности эпосе, непосредственное отношение к изучению турецкого этногенеза имеют работы В. А. Гордлевского [53; 54; 57; 58], В. Д. Смирнова [211; 212], а также исследования В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского и В. М. Жирмунского об эпосе «Деде Коркуд» [125, прил.], В. С. Гарбузовой о малоазийском тюркоязычном памятнике «Сказание о Мелике Данышменде», записанном в самом начале XIII в. [39].

Западноевропейские исследования. Среди работ западноевропейских авторов по истории Турции, которые имеют отношение и к вопросам этногенеза турок, можно выделить большую группу исследований, посвященных сельджукскому периоду. Еще в 1848 г. была опубликована статья французского ученого М. Дефремери «История Сельджукидов» [280]. В 1913—1933 гг. выходят в свет работы Ж. Лорана о Румском султанате [313], тюрках-сельджуках и их взаимоотношениях с Византией [314], об эмирах Данышмендах [315]. Эти работы основываются главным образом на византийских источниках. В 1932—1952 гг. большое внимание сельджукской истории уделяет П. Виттек [357; 360]. Анализируя восточные хроники, он исследует отдельные вопросы этнической истории турок и в своей работе об анатолийском княжестве Ментеше (XIII—XV вв.) [358], в частности миграцию тюркских племен в Малую Азию после монгольского нашествия. Эта книга была переведена с немецкого языка на турецкий и издана в Турции в 1944 г. [527]. Одна из его статей посвящена истории Анкары в средние века [361]. Очень серьезные и аргументированные исследования о тюрках-сельджуках Малой Азии, истории Румского султаната, об этнических процессах в Анатолии в XI—XIII вв., об историографии сельджукского периода принадлежат перу французского востоковеда Клода Каэна [265; 266; 267; 268; 269; 270; 271; 272; 273]. Одна его статья опубликована на русском языке в «Вестнике истории мировой культуры» [121]. Все работы этого автора основываются на тщательном изучении первоисточников — восточных, византийских и др. К сожалению, он иногда пытается идеалистически объяснять некоторые исторические события. Так, причины сельджукского движения, по его мнению, заключались в принятии тюркскими племенами ислама. Однако сам же он пишет, что

«туркмен привлекали новые пастбища» [269, стр. 8—9]. И действительно, сельджукское движение было обусловлено стремлением тюркской кочевой знати к захвату новых пастбищ, к грабежу чужих народов. Ислам же лишь идеологически прикрывал это вполне «материальное» стремление.

Из других работ, относящихся к первому этапу турецкого этногенеза, назовем статью В. Дж. Брайса о тюркской колонизации Анатолии [260] и монографию Тамары Тэлбот-Райс о малоазийских сельджуках [344], в которой основное внимание уделено анализу сельджукского искусства, его этнических корней. В книге Т. Тэлбот-Райс хорошо показаны различные культурные влияния на сельджуков, особенно роль в создании сельджукской культуры местных малоазийских и соседних народов. Автор — русская по происхождению, в ее работе чувствуется неплохое знакомство с исследованием В. А. Гордлевского о Сельджукидах Рума, однако ссылки на него, даже при явном заимствовании, даются не всегда⁴.

Периоду образования османского государства посвящены две работы П. Виттека [356; 359].

Стоит еще раз подчеркнуть, что все эти исследования не имели своей основной темой и задачей освещение этнической стороны истории турецкого народа и, естественно, вопросы этногенеза турок затрагиваются в них лишь во вторую очередь, так сказать «по ходу действия».

Из работ более общего характера, но также имеющих и отдельные аспекты, важные для изучения этнической истории турок, следует упомянуть «Мусульманско-турецкую историю» И. Леунклавиуса, изданную во Франкфурте-на-Майне в 1595 г. [316], «Историю турок» П. Рико (1687 г.) [335], многотомные труды по истории Османской империи И. М. д'Оссона [328] и И. фон Хаммера-Пургштадля [294], страноведческие работы Дж. Рейда [334], Э. Банзе [253; 254], историко-этнографическое исследование Ф. В. Хэслака, посвященное главным образом положению этнических и религиозных групп в

⁴ Например, стр. 90 в работе Т. Тэлбот — Райс [344] и стр. 160 у В. А. Гордлевского [49], где рассматривается происхождение имени сельджукского принца — Кайсаршах.

Османской империи [295], «Историю османских турок» Э. С. Кризи [279].

Иноязычные заимствования в турецком языке и другие аспекты турецкой грамматики и лексики, анализ которых проливает свет и на этническую историю турок, исследуются в трудах Г. Мейера [322], В. Керестеджяна [307], А. Титце [345; 346]. Греческое влияние в турецких легендах и эпических произведениях отмечено К. Биттелем [259], Ф. В. Хэслаком [296], Х. Эте [285], С. П. Кириакидесом [309]. Отдельные вопросы истории турецкого национализма, непосредственно связанные с формированием турецкой буржуазной нации, исследованы Ф. Тачау [342; 343]. Заслугой этого автора является четкое разграничение им пантюркизма младотурок и национализма кемалистов.

В зарубежной литературе есть две статьи, судя по названиям которых можно было бы предположить, что они относятся как раз к теме происхождения турок, точнее — к вопросу образования турецкой нации. Это — статья Д. Бюргнуда «Формирование турецкой нации и характер ее патриотизма», опубликованная во французском этнопсихологическом журнале [263], и популярная заметка «Рождение турецкой нации» в израильском журнале «Нью аутлук» [258]. Однако обе эти работы излагают не складывание турецкой нации как этнический процесс, а становление турецкой государственности, историю образования Турецкой Республики. В статье Д. Бюргнуда содержится также краткое изложение известных фактов истории древних тюрок, не вносящее ничего нового в тюркологию. Серьезное возражение вызывает вольное или невольное изображение автором турок как единственных продолжателей тюркской истории, игнорирование им истории других тюркоязычных народов после средневековья.

*Турецкие исследования*⁵. Наибольшее число работ об этногенезе, этнической истории турок, как и о других вопросах, тесно связанных с этой проблематикой, имеется — и это вполне понятно — в турецкой исторической литературе. Поэтому на этом разделе зарубежной ли-

⁵ В советской и западноевропейской литературе есть ряд работ, посвященных как истории турецкой этнографической науки вообще [82; 305], так и турецким этногенетическим исследованиям, их истории, методологии, идеологическим позициям их авторов [79].

тературы, относящемся к теме данного исследования, следует остановиться более подробно.

В период подъема Османской империи (XV—XVI вв.) турецкие историографы проявили некоторый интерес к происхождению турок-османцев. В их сочинениях изложены родо-племенные структуры тюркских племен, главным образом сельджукских, т. е. огузо-туркменских, их обычное право, отдельные моменты этнической истории. Основными источниками при этом служили огузские сказания, к которым турецкие историки того времени относились, конечно, совершенно не критически. Часто подобные изыскания они проводили лишь с целью доказать законность власти османских султанов. Именно в турецких исторических трудах XV в. появляется версия о происхождении племени османлы, положившего начало османской государственности (как и самих османских султанов), из недр огузского племени кайы. В дальнейшем, вплоть до начала XX в., османская историография почти не интересуется происхождением турок, сводя всю турецкую историю к тому, как из племени османлы возникла османская держава, к пересказу событий, связанных с султанской династией, описанию завоеваний и других фактов политической истории. Равнодущие турецких историков к этнической истории турок проистекало и из господствовавшей в империи идеологии ислама, для которой этнические и национальные различия не играли существенной роли, а главным была религиозная принадлежность, деление всех народов на мусульманские и немусульманские.

Вновь интерес к проблеме происхождения турок, причем интерес весьма повышенный, возник в Турции лишь с первыми зачатками национального самосознания. По мере развития турецкого национализма этот интерес все более рос в среде турецких историков и этнографов. Переживая определенный подъем после образования Турецкой Республики, турецкая историческая наука в вопросах этногенеза турок не избежала болезней роста, что выразилось в возникновении необоснованных этногенетических концепций, выдвижении неоправданных гипотез и т. п. За последнее время, однако, наметился отход от излишнего увлечения поспешными выводами в сторону более объективного подхода к проблеме этногенеза турок. Для того, чтобы яснее представить себе,

какими путями развивалась турецкая этногенетическая школа, необходимо кратко охарактеризовать ее историю.

В 1919—1920 гг., в условиях борьбы против иностранного империализма, за национальную независимость, в Турции родилось идеологическое течение — кемализм. Кемализм отражал интересы турецкой национальной буржуазии. После победы над иностранными интервентами кемалисты основной своей задачей считали создание единого национального государства — турецкой буржуазной республики. Перед турецкими учеными была поставлена задача научно обосновать право турок на территории Малой Азии, в частности доказать автохтонность анатолийских турок.

Увлечение кемалистами историей было не случайным — они преследовали определенные политические цели. Турецкий историк Э. Акургал пишет, что те силы, которые толкнули греков-интервентов в 1919—1922 гг. на захват турецких земель в Анатолии, прибегли для оправдания агрессии к антинаучному толкованию истории. Они заявляли, что Западная Анатolia должна принадлежать Греции, так как там в древние времена существовала греческая цивилизация. Итальянский империализм также претендовал на территорию Малой Азии, особенно на Средиземноморское побережье. Итальянские войска оккупировали Южную Анатолию в 1919—1921 гг. Итальянские фашисты, рассматривая Средиземное море как «внутреннее море Италии» (Маре ностра), тоже ссылались на те далекие исторические времена, когда Анатолия входила в состав Римской империи. Кемаль Ататюрк и кемалисты осуждали такое использование истории в захватнических целях, а для того чтобы выбить почву из-под подобных спекуляций, призывали турецких ученых искать предков современных турок среди древнейших обитателей на территории Турции, например хеттов [368, стр. 583].

Эта концепция легла в основу многих трудов турецких авторов по этногенезу турок. Необходимо сразу оговорить, что в тезисе об автохтонности турецкого народа есть доля истины. Действительно, современные турки — преемники и продолжатели истории всех тех народов Малой Азии, которые населяли ее до прихода сюда тюркских племен и вошли впоследствии в состав турецкой народности и нации. Турки являются в опреде-

ленной степени и потомками древнего населения Малой Азии, во всяком случае с антропологической точки зрения турки стоят близко к древним наследникам Анатолии, сохраняя почти неизменными их физические типы. В самых общих чертах на это обратил внимание еще русский антрополог А. В. Елисеев, писавший о портретном сходстве турок с древними изображениями обитателей Малой Азии [77, стр. 1]. Турки в определенной степени восприняли и древнюю культуру народов Анатолии. Этнографы и лингвисты выявляют в турецкой нации все больше этнографических и языковых особенностей, восходящих к древним, ныне исчезнувшим народам Малой Азии (хеттам, фригийцам и др.) и сохранившимся до наших дней (армянам, курдам, грузинам, грекам и т. д.).

Однако турецкие ученые не стали исследовать, как и какие элементы древних этнических общностей Малой Азии влились в состав турецкого народа. Они избрали в корне неверный путь: решили доказать исконность, извечность обитания турок как этнической общности в Анатолии по крайней мере со времен неолита.

Первыми в этих попытках были турецкие антропологи. Причем их теории были не оригинальны. Как отмечает Т. А. Трофимова, в этногенетических построениях турецких авторов использовались выводы различных антинаучных направлений буржуазной науки, эклектически соединяемые в одно целое. Так, с одной стороны, они опирались на идеи некоторых французских антропологов, связывающих распространение неолитических и позднейших культур в Европе с короткоголовой (брахицефальной) альпийской расой, якобы вышедшей из Центральной Азии; с другой — брали на вооружение высказывания отдельных английских авторов, в частности Э. Смита, о тюркоязычии древних альпийцев [224, стр. 247].

Концепция этногенеза турок, в основе которой были эти выводы западных ученых, впервые изложена в докладах Рашида Галиба, Афет Ипан и Ш. А. Кансу на I турецком съезде историков [506]. Основная мысль этой концепции такова: колыбелью мировой культуры была Средняя Азия (в географическое понятие «Средняя Азия» Афет Ипан включает также Алтай и Памир [506, стр. 30]), турки появились здесь как культурная раса в IX тысячелетии до н. э.; это была «белая» (т. е. европе-

пеоидная) и брахицефальная раса, которая в мезолите, а главное в неолите, вытеснила долихоцефальную (длинноголовую) менее культурную расу; победители говорили на едином языке (различные тюркские языки, или диалекты, по определению А. Инан, возникли позже); правильнее называть эту расу «турецкой», а не туранской или урало-алтайской; из Средней Азии эта раса расселялась в разных направлениях — именно она привнесла высшую культуру в Иран, Индию, Малую Азию и Европу; одной из ветвей этой расы были хетты, которые заселили Анатолию⁶.

На II своем съезде (1937 г.) турецкие историки представили и оригинальные исследования. Но их методология и выводы остались прежними: связывались неразрывно раса и язык, турками объявлялись все древнейшие народы Малой Азии. Например, М. С. Энгин, сопоставляя хеттский и греческий пантеоны, исходил из такой предпосылки: Анатолия начала превращаться в турецкую родину после палеолита, в энеолите и бронзовом веке этот процесс усилился, а в досельджукскую эпоху произошла сплошная туранизация Анатолии [416, стр. 775]. Он даже ввел в оборот новое определение — «хеттские турки», «турки-хетты» (эти тюрклеры) [416, стр. 780]. Р. О. Арык в своем докладе призвал искать предковprotoхеттов в Центральной Азии [377, стр. 874]. Ш. А. Кансу в докладе об антропологическом исследовании скелетов тюрок-сельджуков также пытался доказать, что Малая Азия была заселена турками еще в древнейшее время [488]. Исходя из того, что сельджуки были брахицефалами, т. е., по его мнению, представителями альпийской расы, и что альпийская раса распространялась в Анатолии еще в доисторические времена с территории Средней Азии, он предположил, что сельджуки лишь повторили уже в историческое время путь, проделанный до них другими «альпийцами», т. е. прототурками.

Надо отметить, что гипотезу о принадлежности турок

⁶ Другой древний народ Западной Азии — сумеров, турецкие ученые — сторонники автохтонности анатолийских турок также считают тюрками. В этом смысли же не оригинальны: они развили необоснованную гипотезу немецкого исследователя Ф. Хоммеля о родстве тюркских языков с сумерским, выдвинутую им на основании лишь фонетического сопоставления нескольких сумерских слов с тюркскими [297, стр. 21].

к альпийской расе резко критиковал на II турецком съезде историков известный французский антрополог А. В. Валлуа. «Ш. А. Кансу и другие, — говорил он, — связывают современное население Анатолии с альпийским типом Средней Европы, однако я не вижу причин заходить так далеко. Действительно, все брахицефалы Западной Азии имеют более высокий рост, более высокое лицо и более высокую голову, чем „альпийцы“». Он подчеркнул, что нельзя основывать подобные выводы только на одной брахицефалии, ибо, например, брахицефалами являются такие далекие одна от другой группы, как монголоидная раса и альпийский тип европеоидной расы [516, стр. 478—479].

Тенденция связывать происхождение турок с альпийской расой брахицефалов, якобы вышедшей из Центральной Азии, характерна и для более поздних работ турецких антропологов. На III съезде турецких историков (1943 г.) она прослеживается в докладах М. С. Шеньюрека о палеоантропологии Анатолии [493, стр. 212] и Ш. А. Кансу о роли Анатолии в развитии мировой цивилизации (основной тезис последнего доклада: прототурки появились в Анатолии в эпоху энеолита и меди, это — брахицефальные хетты; все последующие миграции в Малую Азию повышали процент брахицефального населения — у хеттов в железный век брахицефалы составляли 50%) [447, стр. 313].

В 1947 г. в Турции была издана книга Афет Инан «Антропологические черты народа Турции и турецкая история» [439]. В работе собран огромный фактический материал — результаты антропологического исследования 64 тыс. человек, которое было проведено при содействии министерств здравоохранения, просвещения и обороны. Однако основным недостатком исследования было то, что все жители того или иного района обследовались без учета их национальной принадлежности. При анкетировании Турция была разделена на 10 районов, но это деление было проведено механически, без учета расселения национальных меньшинств и этнографических групп. Автор книги пишет, что это было сделано сознательно, дабы показать расовое единство населения Турции [439, стр. 182]. Иначе говоря, обследовались не только турки (а в некоторых районах, где преобладают национальные меньшинства, и не столько турки), а все

многонациональное население Турции — и курды, и лазы, и арабы, и грузины и т. д. Это, конечно, совершенно обесценивает для этнической антропологии даже фактический материал обширнейших таблиц, помещенных в книге, не говоря уже об итогах такого исследования.

Вывод А. Инан не нов: турки, по ее мнению, принадлежат к альпийской расе с примесью динарской. Данные анкеты, главным образом брахицефалию, автор сопоставила с черепным указателем ископаемых черепов. Развив гипотезу швейцарского антрополога Э. Питтара о приходе в Европу брахицефальных культурных народов из Западной Азии [332], она заявила, что «высококультурная раса брахицефалов» пришла в Европу через Анатолию из Средней и Центральной Азии. Начиная с медного века, пишет А. Инан, народ, населяющий Турцию, имеет одинаковые антропологические черты, и отдельные группы его пришли из Средней Азии в разное время. За исключением монголов, пришельцы позднего периода (сельджуки, османцы) — братья по расе жителям древнегреческих колоний Малой Азии [439, стр. 56; 59—60].

Все эти выводы несостоятельны, поскольку, во-первых, в Средней Азии, как и в Анатолии, антропологический тип древнейшего населения характеризовался длинной формой черепа, современный же среднеазиатский тип отличается от малоазийского [188; 189; 225, стр. 478—528]; во-вторых, тюрки-сельджуки и тюрки-османцы не являются, строго говоря, «пришельцами из Средней Азии». Османские турки сформировались как этническое целое в самой Анатолии, а тюрки-сельджуки (особенно их западная, малоазийская ветвь) вобрали в себя много этнических компонентов Западной Азии.

На основе сопоставления антропологических данных о хеттах и турках А. Инан пыталась доказать и тюркское происхождение хеттской культуры, что в корне неверно, так как между расой и культурой нет никакой закономерной связи. Она стремилась также отыскать в хеттской культуре турецкие этнографические параллели, например сходство между хеттскими геометрическими орнаментами и узорами турецких ковровых рисунков [439, стр. 42], исключая почему-то возможность простой преемственности элементов культуры, что и имело место в данном случае. (Естественно, турки переняли эти

Элементы не непосредственно от хеттов, исчезнувших задолго до появления в Малой Азии первых тюркских племен, а через посредство других малоазийских народов — армян, грузин, курдов, предки которых в свою очередь заимствовали эти элементы у хеттов.)

Таким образом, огромный фактический материал обесценен в книге А. Ибан ненаучной интерпретацией. Она пыталась доказать, что турки или родственные им народы жили в Анатолии еще до прихода туда тюркских племен и что в нынешней Турции нет национальных меньшинств. Автор путает антропологическую общность с этнической. Сходство антропологических черт у прежних и современных обитателей Анатолии она объясняет не тем, что пришельцы-турки, смешавшись с местным, отнюдь не тюркским населением и тюркизировав его в отношении языка и, в меньшей степени, в отношении культуры, почти не повлияли на его антропологический тип, а тем, что близкородственные туркам народы обитали на территории современной Турции почти испокон веков. Все эти утверждения противоречат историческим фактам.

Вообще, основная методологическая ошибка турецких антропологов заключалась в том, что они решили отыскать несуществующую «турецкую» или «туркскую» расу⁷, неправильно связав языковое родство с расовым. Причем главным признаком «турецкой расы» они объявили брахицефалию. Появление где бы то ни было брахицефальных элементов объяснялось ими как проникновение и распространение «турецкого» антропологического типа и соответственно турецкого этноса. Так, например, ссылаясь на то, что в могильниках Аладжа-Хёюка, Эскишехира, Трои и других древних культурных центров долихокранные черепа постепенно сменяются брахикранными, и объясняя эти факты вытеснением долихокефальных элементов брахицефальными, турецкие ученые считают, что брахицефалы-хетты (по их мнению, прототурки) вытесняли долихокефалов — прежних наследников Анатолии [см.: 449, стр. 190—195; 495, стр. 299; 494, стр. 1—10].

⁷ «Тюрк» по-турецки имеет значение: «турок» и «турк» (имя существительное), «турецкий» и «туркский» (имя прилагательное). Название языка «туркче» тоже значит «турецкий язык» и «туркский язык». Лишь иногда для уточнения употребляются термины «Тюркские тюрклери», т. е. «турки Турции», что равнозначно понятию «турки», и «Тюркские тюркчеси», т. е. «туркский язык Турции», или, иначе говоря, «турецкий язык».

Наиболее четко этот тезис сформулирован в работах М. С. Шеньюрека. Исследуя материал из раскопок Трои, Бабакёя, Кусуры (Западная Анатолия), Ахлатлыбеля, Аладжа-Хёюка, Алишара (Центральная Анатолия), Дюндартепе (Северная Анатолия), Арелантепе (Юго-Восточная Анатолия), Тилькитепе (район оз. Ван, Восточная Анатолия), он приходит к выводу, что большинство населения Анатолии в энеолите и медном веке составляли долихокефалы, а меньшинство — брахицефалы. Население Анатолии этих периодов он подразделяет на три антропологических типа: два долихокефальных (средиземноморский и евроафриканский) и один брахицефальный (альпийский). Последний тип М. С. Шеньюрек связывает с позднейшими пришельцами-завоевателями, а именно с хеттами. Постепенную брахицефализацию анатолийского населения в древности он объясняет исключительно распространением хеттов. Правда, в этих работах М. С. Шеньюрек нигде не подчеркивает, что хеттов нужно рассматривать как непосредственных прототипов [340, стр. 55; 341, стр. 614].

Судя по фактическому материалу, население древней Западной Азии действительно пережило процесс брахицефализации [354, стр. 181]. Но появление на определенной территории брахицефальных типов на смену долихокефальным вовсе не обязательно свидетельствует о миграции и распространении носителей этих типов. Брахицефализация населения может происходить и без притока извне брахицефальных типов, спонтанно. Поэтому гипотезы Шеньюрека о миграции, построенные на смене долихокрании брахикранией, неубедительны.

Тем не менее, несмотря на неверные выводы, обусловленные стремлением видеть во что бы то ни стало в хеттах и других древних народах Малой Азии тюркские этнические общности, работы многих турецких антропологов по ископаемым черепам и скелетам представляют все же своим фактическим материалом интерес для исследователей, особенно для тех, кто занимается изучением происхождения народов Малой Азии и соседних стран. Задача состоит в том, чтобы правильно оценить и истолковать этот материал.

Турецкие археологи связали происхождение турецкой (турецкой) цивилизации с развитием культур крашеной керамики. Они полагают, что эти культуры распростра-

нились в Китай, Индию, Западную Азию, Европу и Африку из Средней Азии (культура Анау) [472; 431; 483]. Этот вывод они сделали на основании повторения отдельных мотивов в изображениях и форм предметов, найденных в Анау и других древних культурных центрах (Троя, Сузы, Махенджо-Даро и т. п.). Но это сходство можно объяснить взаимовлиянием культур. К тому же факты подтверждают как раз преобладающее влияние развитых цивилизаций Средиземноморья, Западной Азии и Индии на культуру Средней Азии, а не наоборот. Самое же главное в том, что культура Анау достигла расцвета при ираноязычном населении значительно раньше появления там тюрок. Эта культура, которую турецкие археологи пытаются выдать за тюркскую, является на самом деле иранской, а не тюркской, т. е. сама исходная точка в построениях турецких авторов этой гипотезы совершенно не выдерживает критики. Естественно поэтому, что в работах турецких археологов научный интерес опять-таки представляют лишь материалы раскопок, а не их интерпретация, особенно в связи с проблемой этногенеза турок. Археологические же изыскания проводятся в Турции широко, их результаты всемирно известны (например, раскопки в Аладжа-Хёюке, бывшей столице хеттов, в Чатал-Хёюке и др.).

Турецкие лингвисты создали свою гипотезу о происхождении языка — так называемую солнечную теорию. Суть ее сводится к следующему: исходя из того, что первым религиозным культом был кульп солнца, света и что самый простой звук человеческой речи — *a*, турецкие лингвисты объявили турецкое слово *ag* (свет, белый) изначальным словом всех языков мира. От этого «празвук» произошли, по их мнению, все другие звуки и их комбинации, обозначающие различные понятия. Например, слово *ari* (ариец) произошло от слияния *ag* и *ar* (*ar* сопоставляется с турецким *эр* — мужчина, человек)⁸. Это дало повод создателям «солнечной теории» связать арийцев с турками, арийскую культуру с

⁸ Не говоря уже об общей надуманности этой гипотезы, отметим, что слово *арий* как название индоевропейских племен, перекочевавших в Индию, появилось за несколько тысячелетий до появления первых тюрок на арене истории. Сам компонент его *ар/up/эр* несомненно иранского (а возможно, и шире — индоевропейского) корня: географическое название Иран, древняя Ариана и т. п.

турецкой и перенести прародину арийцев в Среднюю Азию [409, стр. 86, 90]. Подобных работ в турецком языкоznании появлялось, к сожалению, немало⁹.

Вообще, турецкие языковеды, зачастую основываясь только на фонетических уподоблениях, строят далеко идущие заключения в отношении родства различных языков с турецким, пытаются доказать тюркское происхождение многих народов мира. И. Х. Измирли в своей работе «Следы тюркской культуры на Аравийском полуострове до ислама» приравнивает арабские племенные названия «эвс», «хазредж» и «хузaa» к тюркским «ус», «хазар» и «уз» и исключительно на этом основании ищет черты тюркской культуры среди древних арабских племен [441]. А. Л. Мансель считает ахейцев тюркским племенем aka из Средней Азии, пришедшем в Грецию во II тысячелетии до н. э. через Анатолию, аргументируя этот вывод единственно сходством звучания этонимов [471]. Многие другие работы посвящены отысканию связей между турецким языком и языками хеттов, сумеров, хурритов. Причем единственным обоснованием выводов служит лишь сомнительное совпадение звучаний отдельных терминов и некоторых частных аналогий в грамматическом строе. Так, М. С. Ар сопоставляет аффикс турецкого родительного падежа *-ин* с аналогичным окончанием в хеттском языке *-ан*, турецкий аффикс прилагательных *-ли* с хеттским *-ил*, турецкий аффикс множественности *-лар/-лер* с хеттской приставкой *ле-* [375; 376]. На подобных примерах Х. З. Кошай попытался даже отыскать параллели между языками тюрок и басков, доказать исторические связи между этими народами [455; 456].

Другой существенный порок части турецких исследований в области этногенеза тюрок состоит в том, что ряд ученых поддался сильному влиянию национал-шовинизма, в который выливался нередко турецкий буржуазный национализм, и многие работы этих авторов написаны с предвзятых позиций превосходства тюрок над другими народами.

⁹ Отрицательную роль в этом сыграл и Н. Я. Марр, который в своем докладе, прочитанном в Турции в 1934 г., назвал прародиной тюрок (тюрок) Средиземноморье и говорил о связях хеттского, сумерского и других языков с турецким (туркским) «в их последовательном развитии» [158, стр. 55, 56, 62, 97].

После кемалистской революции многие турецкие историки выдвинули тезис о пересмотре истории Турции. В этом они были правы: нужно было критически подойти к историографии Турции, писавшейся ранее в основном западными учеными, очистить ее от тех извращений, которым она подверглась в их субъективном освещении, затемненном реакционными идеями расизма, колониализма и империализма, приведшими многих из них к высокомерному отношению к народам Востока. Так, турецкий историк М. Ф. Кёпрюлю в своем выступлении на I съезде турецких историков вскрыл корни расизма в колониализме и империализме, разоблачил расистские теории некоторых западных ученых, связывавших происхождение и развитие всех восточных цивилизаций исключительно с арийским элементом. Относительно «избранности» арийской (индоевропейской) расы он говорил: «Есть индоевропейская семья языков, но нет индоевропейской расы, которую некоторые европейские ученые хотели бы выдать за высшую, создавшую цивилизацию и современную культуру» [506, стр. 45]. М. Ф. Кёпрюлю отметил также тенденциозность европейских историков в толковании ряда событий турецкой истории. Эта тенденциозность, по его словам, появилась еще в историографии времен крестовых походов. В частности, он критиковал немецкого востоковеда Т. Нёльдеке за то, что тот рассматривал образование государства Сельджукидов лишь как шаг назад в истории Западной Азии, лишь как результат завоевания варваров. В заключение М. Ф. Кёпрюлю привел призыв К. Ататюрка к турецким ученым «создать вновь турецкую историографию» [506, стр. 47].

Однако в осуществлении этого призыва многие турецкие ученые не были последовательны: борясь против арийского расизма, некоторые из них не нашли ничего лучшего, как противопоставить ему свой, турецкий, расизм и национал-шовинизм. Так, ряд работ по исторической этнографии проникнут духом шовинизма. Р. С. Атабинен превозносит культуртрегерскую роль тюрок в мире [383], Ш. Алтундаг пытается объяснить завоевания османских турок их якобы высшей культурой [372], И. Х. Данышменд приписывает тюркам изобретение штанов, пиджака и носового платка [403] (хотя штаны были широко распространены, например, у скифских народов

задолго до появления на исторической арене тюрок), И. Кафесоглу отводит тюркской культуре явно преувеличенную роль в истории цивилизации [446] и т. д.

Среди работ такого характера стоит, пожалуй, отдельно остановиться на книге Р. С. Атабинена «Вклад тюрок в этнос и цивилизацию Восточной Европы», опубликованную в Стамбуле в 1952 г. на французском языке.

По утверждению Р. С. Атабинена, все в истории Восточной Европы исходит от тюрок. Иначе говоря, вместо того, чтобы объективно оценить вклад тюркских народов в развитие культуры Восточной Европы, наряду с вкладом других народов, автор чрезмерно преувеличивает роль тюрок и совершенно игнорирует другие народы, хотя роль последних была гораздо значительнее и качественно и количественно. При этом Р. С. Атабинен произвольно толкует факты, отождествляет с тюрками многие нетюркские народы, приписывает тюркам культурные достижения других народов. Так, скифы объявлены им тюрками [249, стр. 21], хотя древние авторы называли этим именем самые различные народы, а исторические и лингвистические исследования убедительно свидетельствуют о принадлежности если не всех, то подавляющего большинства скифских племен к ираноязычному кругу народов. Боснийцы и помаки рассматриваются автором, вопреки фактам, не как славяне, принявшие ислам после османских завоеваний на Балканах, а как ославянившиеся тюрки [249, стр. 55]. Тюрки, пишет Р. С. Атабинен, принесли культуру и венграм, и славянам, вообще всем народам от Дуная до Эгейского моря и Адриатики [249, стр. 56—57]; турки-османцы научили народы Фракии и Македонии «есть, строить, наводить у себя порядок и жить»; их обычай, их фольклор — от турок [249, стр. 67]. Современные турки Болгарии, по мнению Р. С. Атабинена, не переселенцы из Анатолии в османскую эпоху, а булгарские тюрки, «вернувшиеся в лоно своего этноса» [249, стр. 60]. Р. С. Атабинен либо не знаком, либо делает вид, что не знаком с исследованиями по этногенезу болгар болгарских и советских ученых. В этих исследованиях чегка говорится, что одним из компонентов болгарского народа были булгары или протоболгары, тюркское племя, переселившееся на территорию современной Болга-

рии в VII в. Однако затем булгары славянизировались в среде более многочисленного местного населения, слились с ним, образовав новый этнос — болгарский народ, в котором от булгар-турок сохранились лишь отдельные черты культуры и их прежний этноним.

Р. С. Атабинен резко критикует западных историков за их «христианский фанатизм», отрицающий вклад тюркских народов в мировую культуру и искусство. Но тут же впадает в противоположную крайность, утверждая, что можно проследить на протяжении 1200 лет характерные черты тюркской архитектуры от Китая до Марокко и от Индии до Балтики [249, стр. 122, 123].

Некоторые народы Кавказа также объявлены этим автором тюркскими, например, чеченцы и ингуши [249, стр. 158]. Казаки Запорожья и Дона, по его мнению, тоже тюрки, так как этноним «казак» — тюркского происхождения [249, стр. 137—143]. Но ведь этнический облик народа определяет не этноним, а вся совокупность этнических черт. Например, современные болгары — бесспорно, славянский народ, хотя и имеет тюркское по происхождению самоназвание. Кроме того, тюркское происхождение слова «казак» нельзя считать доказанным. Оно, возможно, восходит через «кайсак» к названию «касог», которое носили явно нетюркские племена Северного Кавказа.

Русские князья Олег и Игорь — кстати, их неславянское (варяжское) происхождение не оспаривает советская историография — причисляются Атабиненом к тюрокам (Олег — Улуг, а Игорь — Угур) [249, стр. 135].

Другая работа Р. С. Атабинена «Тюрки в Константинополе с V по XV в.», изданная в 1956 г., также содержит много тенденциозного, но в то же время является хорошей сводкой фактов постепенного и все усилившегося проникновения тюрок на земли Византии [250]. В этой книге заслуживает внимания и одна интересная мысль автора. Проникновение тюрок в Византию, пишет он, было аналогично завоеванию Западно-Римской империи варварами, но с той разницей, что тюрки обладали уже высокоразвитой цивилизацией, какой не было у варваров, разрушивших Рим. Поэтому варвары были ассимилированы побежденными римлянами, тогда как тюрки устояли перед греческим влиянием [250, стр. 123]. Этот тезис, однако, нуждается в уточнении.

нии. Действительно, тюрки (сельджуки и османцы), положившие конец Восточно-Римской (или иначе, Византийской) империи, исповедовали ислам, монотеистическую религию (монотеистические религии — христианство, ислам были для той эпохи шагом вперед по сравнению с более примитивными религиями), и, главное, обладали довольно развитой восточной культурой средних веков — арабо-персидской, в основном, — освоенной ими после принятия ислама и развитой дальше в сельджукское и раннеосманское время. Варвары же, завоевавшие Рим, вряд ли могли противопоставить римской цивилизации что-либо существенное в области духовной культуры. Поэтому большинство их было вначале христианизировано, а затем и романизировано по языку. А турки устояли перед византийской цивилизацией — сохранили тюркский язык, исламскую (в основе — арабо-персидскую) культуру, хотя греческая культура Византии, как мы увидим ниже, очень повлияла на культуру турок, а греческий язык оказал влияние на турецкий.

Как шовинистические или крайне националистические можно характеризовать и работы, написанные с позиций непризнания в Турции наличия национальных меньшинств. В качестве примера может служить книга К. Кемаля «Восток и юго-восток Анатолии» [451]. Автор преследовал цель доказать, что все население этих областей — турки, хотя, как известно, здесь проживает основная масса курдского национального меньшинства Турции и другие этнические группы (арабы, лазы, грузины и т. п.). Да и сам К. Кемаль пишет, что лишь половина здешнего населения говорит по-турецки, другая же половина — на других языках. Тем не менее, вывод автора таков: все жители Восточной и Юго-Восточной Анатолии — турки [451, стр. 8]. «Настоящими турками» объявляет он и всех здешних кочевников [451, стр. 19]. К «туранским народам» отнесены им хетты и мидяне; Урарту названо тюркским государством; местные гидронимы (Тигр и Евфрат или, по-турецки, Диджле и Фырат) рассматриваются как тюркские; основание древних городов — Эрзинджана, Эрзурума и других приписано тюркам еще до распространения ислама и т. п. [451, стр. 10, 16]. Доказывая тюркское происхождение курдов, он совершенно неправильно трактует этнографические факты. Например, то, что одна из ветвей

курдского племени балабан (основная масса которого обитает между Дерсимом и Эрзинджаном и говорит на диалекте заза) расселена в Западной Анатолии (район Сефери-Хисар — Доган-бей) и говорит на турецком языке, а также что среди названий курдских племен встречаются тюркские и в курдских диалектах есть слова тюркского происхождения — той (свадьба), калан (кальым), он объясняет не поздней тюризацией (туркизацией) отдельных групп курдов в сельджукскую (и османскую) эпоху, а их исконным тюркским происхождением [451, стр. 22—23, 37, 44—45].

Часть турецких работ по этногенезу и этнической истории турок, а также и других тюркских народов, испытала на себе пагубное влияние пантюркистских идей. Пантюркизм широко распространился в Турции при младотурках, особенно с начала 10-х годов XX в. Эта доктрина, представлявшая собой уродливое развитие турецкого буржуазного национализма, была крайне национал-шовинистической и агрессивной. Она призывала к подчинению Турции всех тюркских народов, отрицала право на существование в Турции нетюркских народов. После кемалистской революции кемалисты, и особенно сам К. Ататюрк, выступили против крайностей пантюркизма. Однако многие пантюркисты из числа бывших младотурок, признав на словах ошибочность своих идей, продолжали на деле вести пропаганду пантюркизма. Поэтому влияние пантюркистской идеологии оказывалось в общественно-политической жизни Турции и после кемалистской революции. Особенно сильно оно было в исторической науке и научно-популяризаторской деятельности различных общественных организаций, например «турецких очагов», преобразованных впоследствии в «народные дома». Занимаясь просветительской деятельностью, изданием ценных трудов о тюркских народах, их обычаях, культуре и истории, эти организации вместе с тем пропагандировали пантюркистские идеи, имевшие целью противопоставить турок другим народам и особенно подчеркнуть значение турок как нации, якобы призванной объединить все тюркские народы.

Однако до второй мировой войны пантюркизм не играл сколько-нибудь заметной роли в политике турецкого государства. Одна из статей нового устава «турецких очагов», принятого 26 апреля 1927 г., даже гласила,

что «очаги» как организации турецкой нации разрывают с политикой пантюркизма [21, стр. 263]. Это, безусловно, было сделано под влиянием К. Ататюрка, отрицательное отношение которого к проявлениям пантюркистских идей вытекало из несовместимости кемалистской идеологии с экстремистскими установками пантюркистов.

К. Ататюрк неоднократно выступал с осуждением идей пантюркизма. Еще в 1919 г. в меморандуме американскому генералу Харборду, направленном от имени «Общества защиты прав» (так называлась политическая организация, возглавившая национально-освободительную борьбу турецкого народа), он писал, что рассматривает пантюркизм как «очень вредную идею» [396, стр. 665—666]. В 1921 г. К. Ататюрк критиковал пантюркизм и панисламизм с трибуны меджлиса. (Последнюю доктрину, призывающую к объединению всех мусульман мира в одном государстве, также использовали пантюркисты, стараясь играть и на религиозных чувствах тюрок, подавляющее большинство которых — мусульмане). В частности, он заявил, что политика Большого национального собрания Турции (парламента) направлена на защиту независимости нации «в пределах определенных национальных границ», что пантюркисты и панисламисты — «фальсификаторы, увлеченные иллюзорным величием», и что турецкая нация будет защищать свое существование и свою независимость, но не будет посягать на захват чужих территорий [385, стр. 193—196]. На II съезде Народно-республиканской партии (НРП) в 1927 г., опять выступая против пантюркизма, К. Ататюрк заявил: «Объединение... всех тюрок в одном государстве — задача неосуществимая. Из опыта истории видно, что политика панисламизма или пантюркизма не может иметь успеха... Политическая доктрина, которую мы считаем осуществимой,— национальная политика» [384, стр. 3].

Нужно отметить, что и понятия о нации кемалистов и пантюркистов существенно отличались одно от другого. Пантюркистское определение нации было сформулировано З. Гёкалпом: «Нация, — писал он, — совокупность людей, имеющих общий язык, религию, нравы и культуру, т. е. получивших одинаковое воспитание» [425, стр. 15]. Кемалисты же в программе НРП, принятой в 1935 г., дают следующее определение нации: «Это — по-

литическая и социальная общность, объединяющая соотечественников, связанных единством языка, культуры и идеала» [400, стр. 3; 389, стр. 6]. Таким образом, кемалисты исключили из определения нации общность религии, нужную пантюркистам и панисламистам для обоснования объединения тюрок-мусульман. И хотя обе формулировки идеалистичны (в них нет, например, такого материалистического критерия, как общность экономической жизни), у кемалистов все же подразумевается общность территории — она дана в завуалированной форме «общность соотечественников» (юртташлардан бюютон). В журнале «Анадолу» (Анатолия) в 1924—1925 гг. группа студентов Стамбульского университета опубликовала свою концепцию понятия о нации. В отличие от З. Гёкалпа, они включили в это понятие идею родины, отечства, т. е. общность территории. Без общего отечства, как и без общей культуры, писали студенты, нация не существует. Полемизируя с пантюркистами, они выступали против утверждения о том, что все тюрки — одна нация. Эти их рассуждения, кое в чем, безусловно, неверные (например, нет тюркской расы, а есть тюркская этно-лингвистическая общность, общность тюрksких или тюркоязычных народов), все же весьма характерны для националистических воззрений кемалистов, ограничивавших, вопреки мнению пантюркистов, рамки турецкой нации национальными границами Турции и не признававших существования «турской нации». «Тюрк — это не имя нации, — утверждали они, — это имя расы, включающей в себя много наций: анатолийцев, азербайджанцев... туркестанцев и т. д. Все это, несомненно, тюрки. Но это не одна нация. Для того, чтобы они стали одной нацией, им необходимо иметь общую культуру и отечество. Однако их отечства различны, как и их культуры» [343, стр. 167]. Именно из среды этой студенческой группы исходил призыв назвать турецкое государство не «Турецкой республикой», а «Анатолийской республикой» (т. е. вместо «Тюркские джумхуриети» — «Анадолу джумхуриети»). «Мы анатолийцы, Анатolia — наша родина; наша нация — анатолийская нация... Туризм (т. е. пантюркизм. — Д. Е.) не может быть целью и идеалом для анатолийской нации» [343, стр. 168]. В стремлении видеть Анатолию родиной турок оказались и идеи об автохтонности турец-

кого народа, разделявшиеся кемалистами, о чем уже говорилось выше.

Кстати, с критикой гипотезы об автохтонности турок, в частности против утверждения о принадлежности турок к альпийской расе европеоидов, выступали именно те турецкие ученые, которые придерживались пантюркистских взглядов. Историк З. В. Тоган в своей книге «Монголы, Чингиз и тюркский мир» [500] полемизирует с учеными, которые отрицают родственную связь турок с монголами и ссылаются при этом на наличие монголоидных признаков у турецких кочевников — юрюков. Такая позиция пантюркистов понятна, ибо они включали в сферу «туркского мира» территории, населенные и монголоязычными народами.

Если при жизни К. Ататюрка пантюркистские идеи не играли важной роли в турецкой исторической науке, а политически были осуждены, то после его смерти, и особенно в годы второй мировой войны, положение изменилось. Агрессивно настроенные реакционные круги Турции все настойчивее влияли на правительство, ориентируя его во внешней политике на фашистскую Германию. Оживились старые связи пантюркистов с германским империализмом, который, как известно, используя в своих интересах пантюркистские замыслы младотурок о захвате Закавказья и Средней Азии, втянул Османскую империю в первую мировую войну, приведшую ее к разгрому и гибели. А главное — завязались новые связи — с фашизмом. Пантюркисты начали открытую пропаганду присоединения к Турции территорий с тюркским населением [138]. В июле 1941 г. их журнал «Бозкурт» («Серый волк») опубликовал статью «Пантюркизм ждет» и карту «Великой Турции», включавшую многие территории Советского Союза. Пантюркистская пропаганда продолжалась и в 1942—1943 гг. Лишь в мае 1944 г., когда стал ясен исход войны, члены пантюркистской организации были арестованы, а их печатные органы закрыты.

После 1946 г., когда американский империализм взял курс на обострение международной обстановки и втянул в орбиту своей политики Турцию, пантюркисты снова активизировали свою деятельность, особенно в период правления Демократической партии (1950—1960). Появилось много новых трудов по истории, проникнутых

идеями пантюркизма. Основной особенностью пантюркистских работ является то, что вся история тюркоязычных народов рассматривается в них как пирамида, основание которой охватывает все тюркские народы древности и средневековья, а на вершине стоят турки как квинтэссенция всей тюркоязычной семьи [480; 501, 374]. Такое толкование истории тюркских народов нужно пантюркистам для того, чтобы обосновать объединение этих народов под властью Турции.

В 1952 г. была переиздана книга главного идеолога пантюркистов З. Гёкалпа «Основы пантюркизма» [425]. В 1959 г. она вышла в США и Англии на английском языке [290]. Пантюркизмом начинают усиленно интересоваться в США и других западных странах. В 1957 г. в Нью-Йорке и Лондоне была опубликована книга Ч. В. Хостлера «Пантюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели» [298]. Автор — полковник ВВС США, член военной миссии в Турции в 1948—1950 гг. — предлагает взять идею объединения тюрок под эгидой Турции на вооружение в борьбе против СССР. Эти же мысли изложил он и в 1958 г. на страницах журнала «Миддл Ист Джорнел» [299]. В 1960 г. его книга была издана на немецком языке в Западной Германии [300].

В 1953 г. в Турции была издана книга А. Энгина «Ататюркизм и борьба между московским и тюркским миром» [415]. Основная задача автора — доказать связь Ататюрка с пантюркизмом, его положительное отношение к пантюркистским идеям, а также обосновать антинаучную этногенетическую концепцию, согласно которой все тюркские народы — единая нация. В качестве доказательств причастности К. Ататюрка к пантюркистским идеям А. Энгин приводит лишь следующее. Во-первых, он передает со слов Х. Баюра разговор К. Ататюрка с советскими языковедами А. Н. Самойловичем и Н. Я. Марром, во время которого К. Ататюрк назвал тюрками узбеков, туркмен, татар, киргизов и других представителей народов тюркской языковой группы. Но советские ученые и советская наука вовсе не отрицают того непреложного факта, что все эти народы являются тюрками, т. е. говорят на тюркских языках и имеют много общего в культуре. А. Энгин же пишет, что между К. Ататюрком и советскими языковедами разгорелся спор: А. Н. Самойлович и Н. Я. Марр якобы не при-

зывали эти народы тюркскими [415, стр. 22]. Во-вторых, А. Энгин цитирует несколько обращений К. Ататюрка к турецкому народу, которые начинались словами: «Тюрк миллети» (турецкая нация), почему-то трактуя этот термин как «турецкая нация» [415, стр. 74]. Хотя содержание этих обращений совершенно ясно говорит о том, что К. Ататюрк под именем «Тюрк миллети» имел в виду именно турецкую нацию, турецкий народ, а не всех тюрок. Таким образом, попытки А. Энгина приписать К. Ататюрку пантюркистские идеи больше чем несостоятельны, что и понятно, так как это противоречит всем действиям и высказываниям К. Ататюрка.

В освещении А. Энгином вопросов этногенеза цариг путаница и эклектика. Отдельные положения автора не увязываются друг с другом. Например, с одной стороны, он отождествляет хеттский язык с турецким, называя и тот и другой индоевропейским (арийским), с другой — пишет о якобы существующем едином языке для всех тюрок, высказывая мысль о том, что тюркские языки (А. Энгин называет их диалектами) более близки между собой, чем славянские, романские, кельтские и т. д. Иными словами, рассуждения А. Энгина приводят к абсурдному выводу: турецкий язык одновременно индоевропейский и тюркский [415, стр. 18]. Он относит тюрок (и всех тюрок) к «альпийской расе брахицефалов» [415, стр. 93]. В то же время отвергает расовый критерий при определении единства тюрок, видимо помня, что среди тюркских народов есть и долихоцефалы (туркмены) и монголоиды (киргизы, казахи, якуты), которых никак нельзя считать представителями альпийской расы. Признав же, что нет «чистых» рас, он выдвигает иную разновидность расизма — «культурный расизм» [415, стр. 71].

Мы подробно остановились на пантюркизме, нанесшем огромный вред турецкой исторической науке, еще и потому, что эти идеи продолжают существовать по сей день в среде крайних турецких националистов.

Итак, при анализе трудов турецких авторов по вопросам этногенеза тюрок выделяются три группы очень тенденциозных работ: националистические, национал-шовинистические и пантюркистские. Националисты стоят на позиции автохтонности малоазийских тюрок, считая древние народы Малой Азии тюркскими этническими общностями. Национал-шовинисты видят почти в лю-

бом проявлении культурного развития человечества «турецкий дух». Пантюркисты объявляют всех тюрок единой нацией и соответственно рассматривают исконным ареалом этой нации всю территорию, заселенную тюркоязычными народами.

Однако научное освещение этногенеза турок не имеет ничего общего с фальсификаторскими этногенетическими построениями пантюркистов и национал-шовинистов. Такому освещению противоречит и односторонний автохтонизм националистически настроенных исследователей. При решении вопросов этногенеза турок требуется строго объективный подход к тому сложному процессу, который имел в своей основе слияние двух различных этнических пластов — местных малоазийских народов и пришедших в Малую Азию тюркских племен.

Анализ этого этногенетического процесса должен исходить, во-первых, из характеристики этнического состава населения Малой Азии ко времени проникновения туда тюркских племен, а, во-вторых, из этнической характеристики этих переселявшихся племен. Только тогда можно будет проследить основные исторические этапы слияния и консолидации этих двух крупных и очень различных по своим особенностям этнических пластов, приведшие в итоге сначала к сложению турецкой народности, а затем и к образованию турецкой нации, и при этом выяснить, привлекая сравнительные данные языкоznания, этнографии и антропологии, каким образом участвовали те или иные этнические компоненты в формировании турецкой народности, а впоследствии — нации, какие из них и почему исчезали, а какие получали преобладание. Конечно, при этом необходимо учитывать и влияние других этнических групп, например соседних народов Балкан, Кавказа и Западной Азии, обусловленное историческими причинами сложения турецкой народности и нации.

Помимо работ, написанных с тенденциозных идеологических позиций крайнего национализма, в турецкой исторической литературе есть исследования, которые лишины этой тенденциозности или мало подверглись ее воздействию. И хотя среди них нет трудов, посвященных специально проблеме этногенеза и этнической истории турок во всем ее объеме, во многих из них эта проблема так или иначе затронута или рассмотрены ее отдель-

ные вопросы. Естественно, этим исследованиям присущи многие пороки идеологического и методологического характера, свойственные вообще буржуазной исторической науке. Например, напрасно было бы и ожидать от турецких ученых разработки проблемы образования турецкой феодальной народности или турецкой буржуазной нации. Это могут сделать лишь ученые, стоящие на марксистских позициях.

Среди наиболее важных и серьезных исследований, касающихся проблемы происхождения турок, в турецкой исторической науке много ценного принадлежит перу видного историка и этнографа М. Ф. Кёпрюлю. Еще в 1925 г. были опубликованы его работы об огузских племенах [465; 466]. Затем выходят исследования о турецких княжествах в Анатолии [462], о происхождении Османской империи [311], в последнем, в частности, приведены сведения из восточных источников о наличии в Анатолии, кроме огузов и туркмен, племенных групп кыпчаков и канлы, а также о пестром этническом составе анатолийского городского населения [311, стр. 52, 93]. Значительным вкладом в изучение истории заселения Анатолии огузскими и туркменскими племенами является статья М. Ф. Кёпрюлю «Вопросы этнического происхождения Османской империи» [468]. Правда, заглавие ее неудачно: вряд ли можно говорить об этническом происхождении государства, к тому же в статье затрагиваются лишь вопросы, касающиеся Анатолии, а не всей территории Османской империи. Формально эта работа посвящена критике гипотезы немецкого ученого И. Маркварта о том, что туркменское племя кайы, от которого впоследствии, если верить историческим преданиям, отпочковалось племя османлы, положившее начало османской государственности, не что иное, как тюрканизированное монгольское племя кай [252]. Автор опровергает также сходную точку зрения историка-пантюркиста З. В. Тогана, который отождествлял эти племена, чтобы доказать этническое единство тюрок и монголов, монгольское происхождение османских турок [347]. Сам М. Ф. Кёпрюлю тоже не был свободен от пантюркистских взглядов. Так, на I съезде турецких историков он высказал мысль о том, что единая «турецкая нация» существует по крайней мере с VI в., поскольку в это время в китайских хрониках упоминается

туркское государство Ту-кью [506, стр. 42]. Но полемизируя с И. Марквартом и З. В. Тоганом и опираясь на исторические факты, М. Ф. Кёпрюлю осветил в этой статье многие важные вопросы заселения Малой Азии тюркскими племенами и дал его периодизацию. С этой темой связана и другая работа М. Ф. Кёпрюлю — «Новые заметки о племени кай» [464]. Интересный материал по этнической истории турок содержит его исследования о местных источниках по истории анатолийских сельджуков [463] и об образовании османского государства [467].

Необходимо отметить капитальные труды по истории Османской империи И. Х. Узунчаршылы [508; 509].

Теме заселения Анатолии огузо-туркменскими и другими тюркскими племенами посвящена книга М. Х. Йынанча «История Турции. Сельджукидский период» [526]. В ней обобщен большой фактический материал, который автор собирал в течение 22 лет, изучая исторические хроники, архивные документы, данные топонимики, нумизматики, эпиграфики и т. п. Книга свободна от идей шовинизма и пантюркизма. М. Х. Йынанч признает существование в Анатолии нетюркских этнических групп (армян, курдов, греков) задолго до прихода туда тюркских племен. Тем не менее, объясняя причины быстрой, по его мнению, тюркизации Малой Азии, он в числе прочих доводов ссылается на то, чтоprotoхетты были прототюрками, т. е. повторяет необоснованные идеи крайних автохтонистов [526, стр. 161]. Отдельные исторические явления М. Х. Йынанч пытается объяснить с идеалистических позиций, например основной движущей силой сельджукских завоеваний считает «войну за веру» — войну за распространение ислама — джихад (газават) [526, стр. 7, 35]. Недостаток книги и обычное для турецкой историографии, как, впрочем, и вообще для многих работ в буржуазной исторической науке, увлечение внешней стороной событий и явлений, без анализа их причин: автор лишь фиксирует перемещения племен, образование, распад, изменение границ феодальных княжеств, перипетии междоусобной борьбы...

История тюркских племен сельджукского и османского периодов исследуется во многих работах. Так, С. Четинтурк исследовал на основе архивных материалов расселение юрюков в Румелии в XV—XVIII вв., структуру их военно-племенной организации, сделал вы-

воды об их численности [402]. История юрюков, в частности их роль в турецкой колонизации отдельных балканских областей и туркизации части местного населения,— тема исследования М. Т. Гёкбильгина [426; 427].

В 1948—1949 гг. вышли работы Ф. Демирташа о туркменах Анатолии, восходящих к огузским и туркменским племенам, перекочевавшим в Малую Азию в XI—XIII вв. [406; 407; 408]. Они написаны на материале фискальных переписей Османской империи. В одной из этих работ — о кочевом объединении Боз-улус — автор не ограничивается простым изложением фактов, а старается проанализировать их. В результате он хорошо показал, что переселение в XVI—XVII вв. части туркмен Анатолии из восточных районов в западные и их последующее оседание было вызвано социально-экономическими условиями, в частности сильным налоговым бременем, захватом феодалами племенных паствищ, упадком кочевого скотоводства.

Расселению отдельных огузо-туркменских племен в Анатолии посвящены статьи Ф. Сюмера о племенах йыва, дёгер, авшар, каракоюнлу [487; 488; 489; 491], а в 1967 г. вышла его обобщающая работа — «Огузы (туркмены). История, племенная организация, эпос» [490]. Этот фундаментальный труд подробно проанализирован в рецензии Р. А. Гусейнова [65], где отмечены и его основные недостатки. Так, возражение вызывает отождествление огузов и туркмен: туркмены являются более поздней по времени образования этнической общностью, чем огузы; отличаются они от огузов и этнически, так как вобрали в себя гораздо больше нетюркских элементов, например ираноязычных групп кочевого и оседлого населения Средней Азии и Ирана. Слишком часто строит Ф. Сюмер свои далеко идущие выводы лишь на данных топонимики, не сопоставляя их с другими историческими фактами. Совершенно не критически относится он к сообщениям тюркских сказаний и легенд и т. п. Но вместе с тем этот труд представляет собой еще один шаг вперед в изучении этнической истории огузов и туркмен, оказавшихся в итоге исторических событий XI—XIII вв. в Малой Азии.

Отдельные аспекты этнических процессов в Анатолии сельджукского периода, например исламизация части местного населения, рассмотрены О. Тураном [351;

352]. Кроме уже известных источников он привлекает рукописи, хранящиеся в библиотеках Турции, — вакуфные записи, хроники, материалы из архивов Сельджукидов. Отдельные его исследования посвящены именно такого рода источникам [503; 504]. Вскрывая социальные корни исламизации отдельных групп анатолийского населения, например материальную заинтересованность при переходе в ислам, и показывая ее роль в последующей тюркизации этих групп, О. Туран, однако, подходит к этническим процессам в Сельджукидском государстве с точки зрения того, что тюрки обладали якобы высшей культурой по сравнению с другими народами, а ислам имел превосходство над другими религиями. Этот национал-шовинистический и исламистский подход портит местами интересное в целом исследование.

В работах И. Кафесоглу и М. А. Кёймена, посвященных более общим вопросам истории Турции сельджукидского периода, затрагиваются и аспекты этнической истории тюркских племен [443; 444; 445; 470]. В работах Х. Иналджика об османских завоеваниях XV—XVI вв. анализируются и пути турецкой ассимиляции местного населения (через исламизацию, переселение больших групп покоренного населения в среду турок, набор мальчиков и юношей из числа христиан в военные школы по подготовке янычар и др.) [303; 437]. Отметим также работы об анатолийских тюркских княжествах, возникших на племенной основе, в которых рассмотрены и некоторые вопросы этнической истории отдельных тюркских племен [365; 366; 510; 513; 525].

Среди этнографических работ, имеющих прямое отношение к изучению этногенеза и этнической истории турок, важны труды по этнографии племен юрюков, туркмен Анатолии, а также других этнографических групп турок (тахтаджей, алавитов и др.) [517; 518; 519; 520; 398; 380; 381; 382; 433]. Книга А. Р. Ялгына о туркменах и юрюках Южной Анатолии цenna тем, что написана на базе полевых материалов автора, который около десяти лет занимался изучением кочевых племен. В ней много фотографий, рисунков и планов, наглядно демонстрирующих особенности материальной культуры этих племен. Ее недостаток — отсутствие какой-либо систематизации материала. Это скорее полевой дневник, опубликованный почти без всякой обработки. Но именно

благодаря этому книга служит отличным этнографическим источником. Монография К. Гюнгёра о юрюоках Южной Анатолии также основана на полевых исследованиях. Автор приводит антропометрические данные о юрюоках (абсолютные измерения и индексы — головной указатель, кубический индекс и т. п.), морфологические сведения (форма глаз, профиль носа и черепа, цвет волос, кожи, глаз). При этом К. Гюнгёр констатирует, что юрюоки отличаются от турок наличием долихоцефалии и мезоцефалии (головной указатель у юрюоков равен, по К. Гюнгёру, 76, 46, тогда как у турок — 83—84), более высоким ростом и более смуглой кожей. В книге подробно описаны материальная культура (пища, одежда, жилище) и отдельные черты духовной культуры (обычаи, обряды, поверья, фольклор). Недостаток книги, как и большинства турецких этнографических работ, — ее описательно-объективистский характер. Но собранный автором фактический материал весьма ценен.

Огромный фактический материал содержится в многочисленных исследованиях о различных областях культуры турецкого народа. Среди них можно назвать отчеты об этнографических экспедициях [438], этнографические монографии описательного характера об отдельных городах и районах страны [452; 428; 395; 521; 453; 454], монографий о сельскохозяйственных орудиях [399], об одежде [524], пище [460], жилищах [363; 367], обычаях и верованиях [394; 512], о турецкой свадьбе [405; 459; 391; 392; 414], обрядах, связанных с рождением ребенка [362], о турецкой народной медицине и связанных с ней поверьях [393; 514; 353], о тамгах для таврения скота [522], об орнаментике турецких ковров [410], о топонимах Анатолии, связанных с тюркской племенной этнонимией [364; 478; 479]. К сожалению, почти все эти работы грешат описательством, объективизмом.

Наконец, для понимания некоторых особенностей сложения турецкой буржуазной нации интересный материал дают исследования Н. Беркеса, М. Эриширгиля, Р. О. Арыка, Ш. Айкута и других авторов по истории турецкого национализма [256; 378; 389; 417; 404]), в которых, например, приводится много фактов, показывающих довольно существенное различие между национализмом кемалистов и пантюркизмом.

Глава I

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ АНАТОЛИИ ДО МАССОВОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН

В данной работе название «Анатолия» равнозначно понятию «Азиатская Турция»: оба термина обозначают азиатскую часть современной Турецкой Республики. Такого толкования придерживается в последнее время большинство географов в СССР и за рубежом (в том числе и в Турции) [160, стр. 13; 147, стр. 5; 71, стр. 10].

Анатолия охватывает 97% территории современного турецкого государства. Лишь около 3% площади страны находится в Европе, занимая небольшой район окраины Балканского полуострова. Это — Европейская Турция, иначе Восточная Фракия или Восточная Румелия. В XV—начале XX в. турецкое государство — Османская империя — занимало гораздо большую площадь в Азии и Европе, имело владения и в Африке¹. Однако образование ядра турецкой народности, а в дальнейшем и формирование турецкой нации происходило в Анатолии. Поэтому для исследования этнической истории турок

¹ В период своего наибольшего территориального распространения (XVI—XVII вв.) Османская империя включала кроме Анатолии Грецию, Болгарию, Сербию, Далмацию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Трансильванию, Албанию, Македонию, Фракию, Молдавию и Валахию, Подолию, северное побережье Черного моря до Кубани и часть его восточного побережья, Азов, Крым, Южную Грузию, часть Армении и Курдистана, Сиргию, Ливан, Палестину, Месопотамию, Аравию, Триполитанию и Киренаику, Алжир, Тунис, Египет, о-ва Крит и Кипр. Однако турецкая колонизация, за исключением некоторых районов Балкан, не носила характера массового переселения турок, ограничиваясь размещением турецких гарнизонов или войск местных вассалов султана.

важно прежде всего рассмотреть, хотя бы кратко, географические особенности именно этого ареала.

Анатолия расположена на стыке Европы и Азии. Это как бы естественный мост, соединяющий Балканы со странами Ближнего и Среднего Востока. Такое положение всегда благоприятствовало экономическому развитию Анатолии — через нее шло большинство путей сообщения между Востоком и Западом, что способствовало, в числе прочих причин, расцвету таких держав средневековья, как Византия, государство Сельджукидов Малой Азии, Османская империя (на ранних этапах ее истории).

И только с середины XVI в., когда после известных географических открытий произошло перемещение великих торговых путей, Анатолия стала терять свое былое значение для мировой торговли. Последнее явилось одной из важных причин постепенного отставания Турции в социально-экономическом развитии от многих стран Европы, а впоследствии и Америки.

Анатолия географически подразделяется на полуостров Малая Азия (иначе Анатолийский полуостров), Армяно-Курдское нагорье и западную оконечность Сирийско-Месопотамского плато. Иногда, впрочем, термин «Малая Азия» приравнивается и к названию «Анатолия».

Полуостров Малая Азия омывается Черным, Мраморным, Эгейским и Средиземным морями, водами проливов Босфор и Дарданеллы. Посреди полуострова расположено Центральноанатолийское плоскогорье, окаймленное с юга хребтами Тавра, а с севера — Понтийскими горами. Горные цепи тянутся в широтном направлении, и береговая линия Черного и Средиземного морей изрезана мало и не имеет больших и удобных гаваней. Зато Эгейское побережье, наоборот, исключительно благоприятно для навигации: здесь море заходит глубоко в долины, образуя бесчисленные заливы, которые хорошо связаны с внутренними районами Западной и Центральной Анатолии. Изобилие на западном побережье Малой Азии хороших естественных портов облегчило грекам еще в глубокой древности колонизацию Западной Анатолии.

Армяно-Курдское нагорье на востоке Анатолии представляет собой бессистемное сочетание высоких плато,

горных хребтов, отдельные вершины которых достигают 4000—5000 м над уровнем моря, с глубокими долинами, ущельями и впадинами. Южнее нагорья расположена турецкая часть Сирийско-Месопотамского плато — слегка приподнятая над уровнем моря равнина (около 500 м) с небольшими возвышенностями.

Азиатскую Турцию отличает разнообразие климатических условий. Это зависит в основном от особенностей рельефа страны. Долины, имеющие теплый климат, чередуются с горными хребтами и плоскогорьями, где климат более суров. Мягкий средиземноморский климат западных районов сменяется в центре и на востоке Анатолии резко континентальным, а на побережьях Черного, Мраморного, Эгейского и Средиземного морей во многих местах имеются оазисы субтропического климата.

Наряду с прекрасными условиями для пастбищного скотоводства, существующими в сухих степях Центральноанатолийского плоскогорья и на яйлах (альпийских лугах) Тавра и Армяно-Курдского нагорья, в Азиатской Турции есть и все условия для развития самых различных видов земледелия: хорошо орошаемые долины с плодородными почвами, а также равнины, где, правда, часто необходима искусственная ирригация. Такое разнообразие природных условий позволило тюркским кочевникам, переселявшимся в Анатолию с XI в., длительное время сохранять скотоводство как основу хозяйства и постепенно осваивать земледелие, которым издавна занималось местное население [184, стр. 303].

Для развития путей сообщения и передвижения населения рельеф Анатолии во многих местах мало благоприятен. Особенно много труднодоступных районов на востоке страны. Так, северная причерноморская окраина Восточной Анатолии отгорожена от остальной Турции высокими горами (свыше 3000 м). Здешнее население, по преимуществу лазы, всегда жило в относительной изоляции: связи с другими районами страны поддерживались лишь по горным ущельям, перевалам и морским путем. На Армяно-Курдском нагорье также есть много труднодоступных районов, окруженных горными хребтами. Живущие здесь курды и сейчас с трудом поддерживают связь с остальной частью страны. Эта относительная изолированность Восточной Анато-

лии сыграла не последнюю роль в этнических процессах: именно здесь долго сохранялись компактные и многочисленные этнические общности Турции, с трудом поддававшиеся ассимиляции с турками,—армяне, айсоры, ассирийцы, а курды, лазы и грузины сохранились до наших дней.

Анатолия — область древнейшей цивилизации. По развитости культуры и древности населения Малая Азия соперничала с другими областями Ближнего Востока. Археологические раскопки в Чатал-Хёюке и Хаджиларе (Южная Анатолия) показали, что уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. здесь существовали постоянные поселения, где жили люди с довольно высокой культурой. Они знали оседлое земледелие (сеяли ячмень, пшеницу, горох, чечевицу) и скотоводство (разводили овец, коз, коров, свиней). Высокого уровня достигло у них искусство — скульптура и живопись. В Центральной Анатолии в XIX—VIII вв. до н. э. существовало хеттское рабовладельческое государство, не уступавшее по уровню своего развития Египту и Междуречью. Хетты остались после себя самые древние тексты, зафиксировавшие индоевропейскую речь. Им была знакома культура не только злаковых, но и виноградной лозы. Они создали довольно развитую систему ирrigации, остатки которой сохранились до наших дней. П. М. Жуковский считал Малую Азию прародиной многих культурных растений [103].

В Западной Анатолии, как и в Восточной Фракии, в I тысячелетии до н. э. сложились рабовладельческие общества — Фракия, Фригия, Вифиния, Мизия, Лидия, Кария, Ионийский союз городов-республик и др. Население их принадлежало отчасти к аборигенам, отчасти к грекам, колонизовавшим страну с IX в. до н. э. и в дальнейшем ассимилировавшим коренных жителей. Все эти государства были тесно связаны с античной Грецией.

В VI—IV вв. до н. э. Анатолия входила в состав Персидской державы Ахеменидов, потом была завоевана Александром Македонским и впоследствии стала частью эллинистических государств — преемников империи Македонского. К этому времени почти все население Анатолии (за исключением восточных и некоторых центральных районов) было греческим по языку и культуре:

его составляли ассимилировавшиеся друг с другом переселенцы-греки и эллинизированныеaborигены. Затем, на рубеже старой и новой эры, Западная и Центральная Анатолия была поглощена Римской империей, а после ее распада вошла в состав Византии. Римское господство почти не наложило отпечатка на этнический состав населения, которое по языку и культуре осталось греческим². В византийское время оно было почти полностью христианизировано, причем господствующей формой христианства стало православие. Византийская Малая Азия была богатейшей сельскохозяйственной областью с цветущими городами — центрами ремесла и торговли.

Более сложной, особенно с этнической точки зрения, была история Восточной Анатолии. Северо-восток Анатолии с древнейших времен был заселен дчанами или лазами — племенами картвельской языковой группы (лазский язык, как и грузинский, входит в картвельскую группу кавказской языковой семьи, он особенно близок мегрельскому диалекту). Этноним «дchan» сохранился в Турции до наших дней в названии хребта Джаник в Понтийских горах. Этноним «лаз» дал в древности название стране этого народа — Лазика, которое турками было переделано в Лазистан. Раннее расселение дчанских и лазских племен, как считает Н. Я. Марр, занимало обширную площадь не только в глубь страны, но и на запад вплоть до р. Кызыл-Ирмак, первоначальное название которой — Галис объясняется по-дчански как нарицательное имя — «река» [157, стр. 607]. Помегрельски слово «гали» также значит «река».

В IX—VIII вв. до н. э. в Джанике и Лазике, в их приморской части, появились отдельные греческие колонии: Гераклей, Синопа, Трапезус и др. Господство персов, затем македонян мало коснулось этого края, обособленного от остальной части Малой Азии Понтийскими горами. После распада Македонской империи здесь образовались независимые рабовладельческие государства — на западе Пафлагония, на востоке — греко-лазское Понтийское царство. С IV в. до н. э. греческая

² Латинский язык в Малой Азии при римском владычестве употреблялся лишь как государственный (официальный). Но уже в VII в. он был окончательно вытеснен греческим из всех сфер государственной деятельности [143, стр. 112].

колонизация усилилась, что привело, особенно в западных районах, к распространению эллинистической культуры. Но в Лазике лазы преобладали в численном отношении над греческими колонистами. В III—VI вв. н. э. лазы, сбросив римское господство, образовали царство Эгриси, которое простиравось от р. Ешиль-Ирмак до Рионской низменности. В VI в. оно было завоевано византийцами. В X в. Лазика воссоединилась с грузинским царством, западная же часть — Пафлагония — осталась в пределах Византии. В начале XIII в. в Лазике при поддержке Грузии образовалось греко-лазское государство — Трапезундская империя под властью племянников грузинской царицы Тамары Алексея и Давида Комнинов. Это государство существовало до 1461 г.

Восточная Анатolia, большую часть которой составляет Армяно-Курдское нагорье, принадлежит к числу древнейших очагов человеческой культуры в Западной Азии. В ее северной части было расположено государство Урарту (XI—VII вв. до н. э.), чья высокая самобытная культура была впоследствии унаследована и развита армянским и грузинским народами. В конце VII — начале VI в. до н. э. в восточной части Малой Азии появились племена арmenов, которые заняли постепенно все нагорье. Пережив господство Ахеменидов и Селевкидов, Армения приобрела независимость. При царе Тигране II (95—55 гг. до н. э.) Армения стала огромным и могучим государством, по уровню развития сельского хозяйства она представляла собой передовую страну того времени. Армяне возделывали культуру не только многих злаковых и плодовых растений, но и знали даже кормовые (клевер, люцерна, вика). В 387 г. Армения была разделена между Византией и Парфией. В конце VII в. ее завоевали арабы. Господство халифата над Арменией продолжалось до 885 г. При Багратидах (885—1045) Армения переживала хозяйственный и культурный подъем. Изделия ремесла и произведения искусства, найденные при раскопках, показали, что культурная жизнь городов Армении была на более высоком уровне развития, чем в средневековых городах Западной Европы [153, стр. 38]. В южной части Армяно-Курдского нагорья и Верхней Месопотамии еще в III тысячелетии до н. э. существовало рабовладельческое государство Субарту. В XVIII в. до н. э. на его территории воз-

никло другое государство — Митанни, завоеванное в XV в. до н. э. Ассирией. Затем здесь господствовали Ахемениды, Селевкиды, древний Рим, Парфия, Византия, сасанидский Иран. После завоевания края арабами, особенно в X в. н. э., в южной части Армяно-Курдского нагорья стали расселяться курдские племена. Еще ранее, в VII—VIII вв., арабы застали курдские племена горных районов Верхней Месопотамии как определенную этническую общность, несмотря на ее сильную племенную раздробленность, а курдский язык выделился из круга других иранских языков в самостоятельный уже в VI—VII вв. [35, стр. 114—115].

Особо нужно упомянуть о существовании в Юго-Восточной Анатолии, в Киликии, еще одного армянского государства. В начале XI в. в Киликию переселились армяне-колонисты, основавшие в 1080 г. в горной части края свое государство, просуществовавшее до 1375 г., когда оно было завоевано Египтом. Под властью Египта Киликия оставалась до 1516 г. Население Киликийского армянского государства состояло из армян, ассирийцев (айсоров), греков, в меньшей степени — евреев и арабов [162, стр. 16].

Такова вкратце история Анатолии до массового переселения на ее территорию тюрksких племен, которые, начав заселять Анатолию с XI в., встретили там древнее население с высокоразвитой культурой. На западе Анатолии и в приморских районах это были в основном греки. А на востоке этнический состав населения был гораздо сложнее: там помимо греков обитали лазы, грузины, армяне, курды, арабы, ассирийцы. Языковая пестрота — тут были и индоевропейские языки (греческий, армянский, курдский), и семитские (арабский, ассирийский), и кавказские (лазский, грузинский) — сопровождалась разнообразием хозяйственно-культурных типов. Здесь жили оседлые земледельцы и скотоводы, горожане с древними традициями городской жизни (армяне, греки, грузины, ассирийцы), кочевники-скотоводы (курды, часть арабов), рыбаки и мореплаватели (часть греков и лазов, живущих в приморских районах). Религиозный состав также был сложным — христиане и мусульмане были представлены разными толками и сектами. Христиане делились на православных (греки), армян-григориан, несториан и яковитов (ассирийцы), другие более мелкие

группы. Среди мусульман преобладали сунниты (основная часть курдов и арабов), но были и шииты.

На этот разноязыкий и разнообразный по типу хозяйства и культуре субстрат должен был, по воле истории, наслиться тюркский пласт, что в итоге и породило сложный этнический сплав — турецкий народ.

Проникновение тюркских элементов на территорию современной Турции происходило задолго до XI в. Об этом свидетельствуют письменные источники — римские, византийские, сирийские, арабские, армянские и др. Тюрки проникали в Малую Азию многими путями: не только с востока — через Иран и Кавказ, но и с запада — через Балканы, а также с севера — через Черное море.

Уже в III—IV вв. тюркские племена, бесспорно, представляли собой многочисленных и постоянных соседей народов Малой Азии, Кавказа и Балкан, они проникали в эти области все более и более активно. Дербентская стена была построена именно для защиты от набегов этих первых тюркских переселенцев из Центральной Азии. Армянский историк Агафангел (V в.) упоминает о гуннах во времена царя Хосрова I (217—238) [192, стр. 20—21]. Другой армянский автор V в.—Фавстос Бузанд — сообщает, что гуны в 30-х годах IV в. жили на Северном Кавказе и побережье Каспийского моря [231, стр. 14—15].

Первоначальное проникновение тюркских элементов в Малую Азию, а также на Балканы началось в конце IV в. В 375 г. огромные массы кочевых племен во главе с гуннами двинулись на запад из прикаспийских степей. Началось так называемое Великое переселение народов. Об этом сообщают многие римские историки (Авзоний, Аврелий, Виктор, Аммиан Марцеллин и др.) [142, г. II, стр. 315—337]. Византийские хронисты упоминают о гуннах в связи с Малой Азией, Арменией и Фракией в IV—V вв.: Филосторгий, например, сообщает о появлении гуннов во Фракии, Месопотамии, Сирии, Киликии в 395 г. [325, стр. 291], Созомен — об их вторжении в пределы Византии в том же году и о набегах на Фракию в 404 г. [325, стр. 317], Олимпиодор пишет об их вторжении во Фракию в 415 г. [325, стр. 288].

Гуны, как известно, разгромили алан, значительная часть которых была подчинена ими, вошла в союз

гуннских племен и была постепенно тюркизирована. В состав гуннов входили также булгары, савиры (сувары), сарматские племена и др.

Император Феодосий нанес гуннам во Фракии тяжелое поражение, большая масса гуннов попала в рабство, а оставшиеся были расселены в разных местах [142, т. II, 2, стр. 344]. В начале V в. гунны кочевали во Фракии [240, I, 2, стр. 90].

После кратковременного упадка гунны снова объединились и в первой половине V в. обосновались в Паннонии. Во главе гуннов стал Аттила, его правление ознаменовалось наивысшим расцветом гуннской племенной федерации (433—453). В это время гунны несколько раз вторгались во Фракию [142, т. I, стр. 821]. После смерти Аттилы гуннская федерация и держава распались (кстати, предполагают, что он сам был убит в Византии [324, стр. 116]). Основная масса гуннов откочевала в Северное Причерноморье. Однако некоторая часть перешла в пределы Византии и разделилась на отдельные улусы [109, стр. 118—119]. Византийский историк Феофан пишет об участии гуннов в войнах на стороне Византии против Ирана, о гуннах, живших во Фракии и на Босфоре [325, стр. 335]. Таким образом, какая-то часть гуннов попала во Фракию и, возможно, даже в Малую Азию, осела там и смешалась с местным населением. Вероятно, именно с тех пор этноним гуннов «хун» сохранился в балканской и византийской антропонимии (например, венгерская фамилия Хуньяди, имя византийского летописца Никита Хониат).

С VI в. гунны сошли с исторической арены, уступив место булгарам, суварам, аварам и хазарам. Скорее всего, эти племена входили прежде в гуннскую федерацию племен, но их собственные племенные названия были перекрыты именем «хун», ставшим на время общим для всех племен, входившим в гуннское объединение. В гуннский период булгары, например, участвовали в походе на Западную Европу, о чём, в частности, свидетельствует сообщение лангобардского историка Павла Диакона [330, стр. 47, 56].

В V в. в Приазовье сложился союз племен во главе с булгарами. Теперь уже этноним «булгар» начал преобладать над наименованиями отдельных племен и стал общеполитическим термином обширной федерации пле-

мен Северного Причерноморья. Об этом много сведений содержится в византийских хрониках [201, стр. 385, 388, 434, 437; 180, стр. 363; 232, стр. 262], которые в это время наиболее часто упоминают о булгарах (конец V — начало VI в.) [307, стр. 50]. Булгарские племена находились в активной связи с Византией: нередко выступали ее союзниками, воевали в рядах ее войск, селились во Фракии [12, стр. 149—151]. В 530 г. часть булгар была поселена Византией в Анатолии (районы Трапезуса, рек Чорох и Верхний Евфрат) [526, стр. 167].

В VI в. многие события в Малой Азии и на Кавказе связаны с именем савиров (сувар, субар, сибир)³, которых Феофилакт Симокатта причислял к гуннским племенам, жившим на Северном Кавказе [233, стр. 160]. Во время гуннских походов они остались в стороне от главного пути движения на Запад. Источники называют их также «белыми гуннами». В сирийской хронике Иешу Стилита (начало VI в.) приведен факт вторжения белых гуннов в Западную Азию, «когда вся Сирия находилась в их руках» [197, стр. 39—40]. Кроме Сирии, сувары совершили походы в Армению и Малую Азию, доходя до Каппадокии [232, стр. 126]. Сувары занимались также на византийскую военную службу.

В 568 г. сувар разгромили авары. После этого основная масса сувар переселилась в Албанию (Азербайджан). Как сообщает Менандр, Хосрой Ануширван перебил большую часть их, а оставшиеся 10 тыс. человек поселил между Араксом и Курой [34, стр. 411—412]. В 60-х годах IV в. на Дунае образовался Аварский каганат, ядро которого составляли тюркские племена. Хронисты Византии упоминают об аварах еще с 552 г. [325, стр. 41, 105, 111, 122, 355, 365]. Иоанн Малала сообщает об их появлении в Константинополе в 557—558 гг. [325, стр. 187]. В годы правления хана Баяна авары совершили нападения на Византию, которая одно время даже платила им дань. Авары осаждали Константинополь в 619 г. и, вместе со славянами, в 626 г. [250, стр. 127, 220, стр. 229]. Известно также, что Византия привлекала авар на свою сторону как военных союзников [197,

³ Махмуд Кашгари (конец XI в.) отмечал, что сувары и булгары говорят по-туркски [386, стр. 30] и что они, а также «емеки и кыфаки» расселены до «стран Рус и Рум» [386, стр. 32], т. е. до Руси и Византии.

стр. 139]. Им были отведены земли для поселения к югу от Дуная, между реками Савой и Дравой. По сообщению Менандра, в 565 г. в Константинополь прибыло первое посольство от хана Баяна [325, стр. 254]. В 577 г. император Юстиниан II поселил в Восточной Анатолии аварских воинов для защиты границ от персов. Император Ираклий последовал его примеру в 620 г. [526, стр. 167]. Некоторая часть авар осела на Дунае. К концу VIII в. Аварский каганат распался. Интересно отметить, что имя «авар» сохранилось в балканской антропонимии, например в сербской княжеской фамилии Обреновичей: славяне называли авар обрами (сами авары себя называли абар), в Древней Руси даже бытовала поговорка «Погибуша, аки обре», ее употребляли, когда хотели подчеркнуть непонятное исчезновение чего-то большого и некогда могущественного.

В конце VI в. булгары и сувары оказались под властью Тюркского каганата, объединившего многочисленные племена на обширной территории от Китая до Ирана и Византии⁴. В 568—569 гг. в Константинополь прибыли два посольства тюрок. В 576 г. Византия в свою очередь направила посольство в каганат. Причем византийский посол взял с собой 106 тюрок, жителей Константинополя [250, стр. 127]. Это говорит о том, что в Константинополе существовала значительная колония тюрок (авар, булгар, сувар, возможно, и хазар). Однако в этом же году между Византией и тюркским каганатом началась война [34, стр. 370—382]. Византия сблизилась с булгарами, и они начали совместную борьбу против каганата. В итоге булгары образовали свою державу — Великую Булгарию.

В VII в. часть булгар переселилась на Дунай⁵. В 755 г. какое-то число их было переселено Византией в Южную Анатолию [526, стр. 167]. В 778 г. булгарский

⁴ Центром каганата был Алтай, на востоке его территория доходила до Желтого моря, в Средней Азии в его состав входили Согд и междуречье Сырдарьи и Амударьи. В 588 г. он распался на Восточный каганат (в Монголии) и Западный (Восточный Туркестан и Семиречье).

⁵ В последующие века дунайские булгары слились со славянами и образовали новую этническую общность — уже славяноязычную, но сохранившую прежний тюркский этнический, а также некоторые древнетюркские черты, правда, очень незначительные, в культуре и языке [179; 112].

князь Телерих крестился со своей свитой, женился на кузине византийского императора и стал византийским патрицием [250, стр. 129]. Возможно, к этим булгарским поселениям восходит современный турецкий ороним на юге Турции «Булгар дагы» («Булгарские горы»). Из современных тюркских языков черты булгарского языка больше всего сохранил чувашский, но некоторые его черты имеются и в гагаузском языке [26, стр. 106, 117]. Последнее говорит о том, что не все переселившиеся на Дунай булгары были впоследствии славянанизированы, какая-то часть их долго существовала как тюркская этническая группа, передав некоторые свои элементы другим, более поздним тюркским пришельцам (печенегам, узам, половцам), принявшим участие в формировании гагаузской этнической общности⁶.

В VII в. в Малую Азию проникали также хазары [169]. В 626 г. византийцы заключили с хазарами союз против арабов [325, стр. 44]. В VII—VIII вв. связи Византии с хазарами очень расширились и укрепились. Византийские императоры вступали в брак с хазарскими принцессами. Юстиниан II (685—695) был женат на дочери хазарского кагана, получившей при крещении имя Теодора, Тиберий II тоже женился на дочери кагана и прибыл в Константинополь в 708 г. с хазарскими воинами [250, стр. 128]. Женой Константина V (741—775) также была дочь кагана, в христианстве Ирина [325, стр. 44]. Она тоже приехала в византийскую столицу со своей почетной охраной из хазар. Ее сын, император Лев IV, был прозван «хазаром». Часть хазар, прибывших в Константинополь, приняла христианство, но потом «ударила в ересь» и была сослана в Каппадокию (Южная Анатолия) [250, стр. 128—129]. В IX в. византийские императоры завели при дворе хазарскую гвардию. Об этом пишет Константин Порфирогенет (Багрянородный) в сочинении «О фемах» [325, стр. 228]. Многие хазары при византийском дворе возвысились. Так, Варданиос Туркос, хазар из Крыма, был произведен в стратега Анатолии [250, стр. 129].

Отдельно следует остановиться на сообщениях о проникновении тюркских племен в Закавказье и Малую

⁶ По данным археологии, отдельные группы булгар и других кочевников не слились с местным балканским населением даже до VIII — первой половины XI в. [215, стр. 3—5].

Азию, имеющихся в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, который большинством исследователей считается автором V в. Однако в его «Истории Армении» говорится не только о гуннах, но и о булгарах, хазарах, басилях. «Вагаршак (армянский царь II в. до н. э.—Д. Е.),— пишет Мовсес Хоренаци,— спускается на пастьбищные места близ владений Шарая, называемые древними Верхним или Безлесным Басианом; места, которые *впоследствии* (курсив наш.—Д. Е.) были заселены переселенцами Вехендур Булгара Венда, и по имени его названы Ванадом. Селения этих переселенцев до сих пор называются именами братьев и потомков его [Венда]» [170, стр. 81]⁷. Казалось бы, это переселение можно связать со временем царствования Вагаршака, т. е. со II в. до н. э. Однако слово «*впоследствии*», имеющееся в летописи, подсказывает отнести переселение булгар к более позднему времени. Но к какому? Кстати, сам факт этого переселения подтверждается тем, что в грузинских источниках тюркоязычный народ балкарцы, занимавшие Балкарское ущелье, назывались «басиани» [140, стр 56], что указывает на их связи с армянской областью Басеном (Басен, Басеан или Басиан, Фасиана древних, находится южнее Эрзурума). Этот топоним, видимо, сохранился в современном названии турецкого населенного пункта Пасинлер. В армянской «Географии» VII в. говорится, что в Вананде главный город — Карс [170, стр. 339].

Второе упоминание о булгарах в «Истории Армении» относится к годам царствования Аршака, сына Вагаршака (конец II в. до н. э.), когда «возникли большие смуты в цепи великой горы Кавказской в земле Булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и поселились в низовьях Коха — в плодоносных и хлебородных местах, в продолжение долгого времени» [170, стр. 87]. Многие исследователи считают такое раннее упоминание о булгарах (II в. до н. э.!) анахронизмом.

Анахронизмом выглядят и сообщения Мовсеса Хоренаци о хазарах, что убедительно показал Л. М. Ме-

⁷ Во втором издании «Истории Армении Моисея Хоренского» (1893 г.) имя главы переселенцев транскрибировано на русском языке как Вх'ндур Булгар Вун'д [стр. 56]. Имя «Булгар» транскрибируется и как «Булкар» [235, стр. 20].

ликсет-Бек [161]. Армянская историография начального периода (IV—VI вв.) пишет он, если не считать Мовсеса Хоренаци, совершенно не знает хазар. Агафангел, Фавстос Бузанд, Корюн, Газар Парбеци, Зеноб Глак, Егише не упоминают о хазарах. Но хазар и басилов одинаково знают Апания Ширакаци, автор армянской «Географии» VII в., и Мовсес Хоренаци. О хазарах довольно подробно говорил и другой историк VII в.—Мовсес Каганакатваци, а также и более поздние авторы. Так, Гевонд, историк VIII в., рассказывает о войне хазар с Арменией. Его сообщения повторяли в разной перефразировке Иоаннес Католикос Драсханакертци (X в.), Асохик Степанос Таронеци (Х—XI вв.), Киракос Гандзакеци (XIII в.) и др. [161, стр. 115—116]. Гевонд сообщает и о женитьбе императора Юстиниана II на дочери хазарского кагана (хакана), что повторяет и Киракос.

Асохик Степанос Таронеци сообщает также сведения о контактах византийцев с хазарами на рубеже VII—VIII вв., о том, как с помощью хазарского войска Юстиниан II вернулся в «царственный град Константинополь», как в его царствование хазары покорили Армению, Грузию и Албанию [161, стр. 116]. С этим перекликается сообщение грузинского летописца XI в. Леонтия Мровели о том, что после хазарского нашествия «в Картлии говорили на шести языках: армянском, грузинском, хазарском, ассирийском, еврейском и греческом» [161, стр. 117].

Итак, армянские историки V в. вовсе не знают хазар. Зато этих же хазар упоминают, не считая Мовсеса Хоренаци, армянские историки и другие писатели VII и позднейших веков, вплоть до XIII—XIV вв. Это понятно, так как хазары появились на арене истории не раньше VI—VII вв. В связи с этим Л. М. Меликset-Бек ставит вопрос о времени написания истории Мовсеса Хоренаци, предлагая в числе его решений и компромиссное, а именно: Мовсес Хоренаци — автор V в., а пассаж о хазарах, точно так же, как и прочие многочисленные анахронизмы и неполадки текста в наличных редакциях и списках его «истории Армении» — интерполяции со стороны позднейших переписчиков и редакторов [161, стр. 118]. Видимо, с этих же позиций нужно подходить и к сообщениям о булгарах в сочинении Мовсеса Хоренаци, ибо булгары тоже выступали на исторической сцене не раньше конца V — начала VI в.

Сделав эти оговорки, стоит все же привести те сведения о проникновении тюрок через Кавказ, которые содержатся в «Истории Армении». Так, нашествие «хазиров и басилов», которые, «соединившись, прошли через врата Джора (Дербентские ворота) ...перешли реку Кур (Куру) и рассыпались по сю сторону ее» [170, стр. 134], у Мовсеса Хоренаци датируется второй половиной II в. н. э. О подобных нашествиях у него имеется много сообщений и в более поздний период [170, стр. 170, 172]. Хазиров и басилов, бесспорно, нужно отнести к тюркским народам. Хазиры — это хазары: римские и византийские историки называли их иногда акацирами [325, стр. 301], а басилы — родственные им племена берсилов, которых византийский историк конца VI — первой половины VII в. Феофилакт Симокатта относит к гуннам [233, стр. 160].

Примечательно, что в «Истории Армении» говорится не только о набегах тюркских племен и войнах с ними, но и о мирных связях между армянами и тюрками (а также и с другими «северными» народами, аланами, например). Так, в царствование Арташеса (конец I в. н. э.) Арцехианы, родом из алан, были возведены в дворянское достоинство. Во время Хосрова, отца Грдата (конец II — начало III в.) они вступили в свойство с «одним из мужественных басилов, переселившихся в Армению (курсив наш.—Д. Е.)» [170, стр. 127].

О хазарах и басилах интересные сведения содержатся армянская «География» VII в.: «Басил или баслик — народ, живущий в Сарматии на берегах Этиля (Волги)», «рядом с ними живут хазиры» [170, стр. 293, 303]. Важно и такое известие: «Живут в Сарматии многие народы, которые суть: хазиры... (далее идет перечень народов.—Д. Е.)... до самого Каспийского моря, куда примыкает рукав (отрасль) Кавказа, где проведена стена Дарбанда... На севере от них (т. е. от упомянутых народов.—Д. Е.) — гунны и город их Варачан и прочие другие; царь севера (т. е. северных стран Каспийского моря.—Д. Е.) — хакан, т. э. владыка хазиров; а царица — жена хакана из (рода) басилов» [170, стр. 309]⁸. Таким обра-

⁸ Несколько иная редакция перевода «Географии» выглядит так: «В Сарматии находятся горы... и много рек, в том числе Атыль в 70 рукавов, где укрепилось племя басилов»; «В Сарматии обитает множество племен, каковы — хазиры... барсилы» и т. д. [20, стр. 35—37; 289, стр. 36].

зом, царь хазаров назывался хакан — тюркским термином, обозначавшим племенного вождя. Хакан (хаган) — так именуют византийские хроники конца VI — начала VII в. повелителей аваров, гуннов, других тюркских племен. У русских летописцев правитель хазар назывался «каган». Как известно, позднее слово «хакан» (хаган, каган) трансформировалось в «хан».

Интересно замечание армянских хроник и о неких ченах, появившихся в Армении в IV в. «Чены армянских хронистов,— пишет К. П. Патканов (Патканян),— ни в коем случае не были китайцами (имеется в виду созвучие слова „чен“ с названием Китая — „Чин“.— Д. Е.). Чены грузинской летописи называются просто турками (турками.— Д. Е.): они переселились с берегов Волги. Шираки и булгары переселились с Северного Кавказа в Карскую область». Армянская «География» подробно рассказывает о «поселениях болкар, ченов и др.». Там сообщается о таком факте: «Вагаршак назначил правителем западных областей мужа с грубыми чертами лица... *плосконосого* (курсив К. П. Патканова.— Д. Е.) Торка». Эпитет «плосконосый» напоминает описание армянскими писателями наружности первых татар, вторгшихся в Армению (т. е. этот Торк обладал монголоидными чертами.— Д. Е.)» [191, стр. 47—48].

Таковы исторические факты о проникновении тюркских элементов в Малую Азию и на Балканы в IV—VII вв. Однако это самое первоначальное проникновение тюрок носило эпизодический характер и не оставило следов в этнической истории Малой Азии. Оно было количественно очень незначительным. Проникавшие тюркские элементы быстро поглощались местным этносом, ассимилировались и растворялись в нем.

Период VIII—X вв. характеризуется уже более значительным переселением тюрок, причем из Средней Азии и Хорасана. В VIII в. почти все среднеазиатские тюркские племена в результате арабских завоеваний приняли ислам и на определенное время стали союзниками Арабского халифата. Аббасиды, пришедшие к власти в 750 г., стали привлекать для защиты своих границ, а также для расширения своей территории и набегов на «неверных» исламизированные тюркские племена [526, стр. 27]. Халифы отправили в Анатолию много тюрок из Ферганы, Балха, Хорезма, Самарканда и Герата. Они соста-

вили в Анатолии основную массу отрядов «гази» — «борцов за веру». Их поселения были сосредоточены в районах Тарсуса, Аданы, Мараша, Малатыи, Ахлата, Манцикерта (Маназкерта) и Эрзурума [526, стр. 19]. При халифе Мутасиме (833—841), который, как сообщают Масуди [318], первым взял к себе на службу тюркских наемников даже в Багдад⁹, тюркская армия сделалась основной военной силой в анатолийских пограничных провинциях Арабского халифата¹⁰. Эмиры здесь выбирались из вождей тюркских племен. Афшин, Итак, Менгюджюр, Буга — имена наиболее известных эмиров-турок [526, стр. 19]. В «Сиясет-намэ» о халифе Мутасиме сообщается: он «имел столько рабов-турок, сколько никто не имел. Говорят, что он имел семьдесят тысяч рабов-турок. Многих из своих гулямов он возвысил, возвел в чин эмиров» [210, стр. 51]. О многих тюркских военачальниках и их отрядах в Анатолии при Мутасиме и позже (IX—X вв.) рассказывается в турецком эпосе о Сейиде Баттале Гази [421]. Как отмечает Г. Г. Микаэлян, две армии халифата, усиленные наемными тюркскими войсками, в 837—838 гг. вторглись через Киликию и Армению в пределы Византии [162, стр. 42]. Византийские хронисты также упоминают о тюркских наемниках Арабского халифата, расселенных вдоль восточных границ Византии, впервые в IX в., например, Иосиф Генесий [325, стр. 64—65, 176], Иоанн Скилица [325, стр. 191] и другие авторы.

При халифе Мутаваккиле (847—861), который в своей политической борьбе с противниками опирался на военную силу тюркских наемников [159, стр. 159], пограничные провинции в Анатолии фактически перешли во власть тюркских племенных вождей. Вожди выбирали военачальника и сообщали о своем выборе халифу. Имена военачальников указывают на их тюркское происхождение: Васыф ат-Тюрки, Амачур, Билькачур, Яэмаз (Яzman?), Ахмед ибн Тоган, Рустам ибн Бурду, Хакан,

⁹ Мутасим, по словам А. Массэ, впоследствии покинул Багдад и перенес столицу в основанную им Самарру (835 г.), по всей вероятности из-за того, что жители Багдада «с трудом переносили присутствие этих иноземцев» [159, стр. 65].

¹⁰ Омейяды создали в Восточной Анатолии (район Тарсус — Малатья) две арабские пограничные провинции — сугур [526, стр. 19].

Ахмед ибн Кайы¹¹ [526, стр. 21]. Иногда эти военачальники становились независимыми местными князьями. Так, в 883 г. эмир Египта Ахмад Тулунид потерпел неудачу при осаде Тарсуса, где засел его военачальник Язман [162, стр. 43]¹². Вообще, роль тюрок в образовании и возвышении державы Аббасидов была велика [см. 430, стр. 177—225].

Больше того, в это время в Анатолию переселялись и целые тюркские племена, искавшие там убежища от своих противников. С. Г. Агаджанов, основываясь на сообщении Масуди [318, стр. 244—245], пишет, что четыре тюркских племени — печенеги, баджгарды, нукарда и баджна в результате ожесточенных сражений с огузами, кимаками и карлуками ушли из Приаралья и оказались в Малой Азии. Около 932—933 гг. эти племена вторглись в пределы Византии [9, стр. 129].

Видимо, на основании этих исторических фактов В. А. Гордлевский датирует первоначальное проникновение среднеазиатских тюрок в Малую Азию VIII—X вв. Он считает, что в это время там появились (правда, при этом он не ссылается на первоисточники) племена халадж, карлук, канглы, кыпчак [49, стр. 22]. В. А. Гордлевский отмечает, что переброшенные из Хорасана тюрки были поселены на большом пространстве к востоку от Тарсуса и Эрзурума, т. е. в юго-восточной части Малой Азии. Так подготовлено было, продолжает он дальше, завоевание Малой Азии Сельджукидами [49, стр. 22]. О проникновении тюркских элементов в Малую Азию задолго до сельджукского завоевания (даже начиная с IV в.) говорится и во вступительной статье Е. Ф. Лудшувейта к I тому избранных сочинений В. А. Гордлевского [146, стр. 14], а также в примечаниях к этому тому [50, т. I, стр. 491]. Однако, как мы видели, проникновение тюркских элементов в Анатолию в IV—VII вв. существенно отличалось от более позднего проникновения в

¹¹ Последнее имя говорит, возможно, о принадлежности к племени кайы (кайыг), что в какой-то мере подтверждает предположение М. Ф. Кёпрюлю о появлении в Анатолии отдельных групп огузов еще до вторжения сельджуков [468, стр. 247].

¹² Интересный факт, правда, относящийся к более позднему времени — 1031 г., приводит Аристакэс Ластивертци. Раб Саламай сверг мусульманского эмира в городе Эдессе (Урфа) и перешел на сторону византийцев [17, стр. 72]. Иоанн Скилица считает его тюром [17, стр. 150].

VIII—X вв., которое носило, несомненно, более массовый характер. Это необходимо иметь в виду.

Накануне сельджукского завоевания Анатолии и одновременно с ним тюрки проникали в Малую Азию и с северо-запада, с Балкан. Сначала это были племена печенегов. Махмуд Кашгари в своем труде неоднократно подчеркивает близость расселения печенегов к Византии: «беченег (печенёги.—Д. Е.) — самое близкое к Византии племя» [386, стр. 28, 488]; в другом месте он пишет даже, что печенеги живут в Византии [386, стр. 30]. При этом Махмуд Кашгари отмечает, что есть две группы печенегов — одна расселена рядом с Византией (эти печенеги как раз и переселились на Балканы, спасаясь от наступавших на них огузов), а другая — это одно из печенежских племен, которое осталось на своем прежнем месте обитания и вошло в состав огузов, сохранив свой прежний этоним «беченег» [386, стр. 488].

За печенегами появились узы. Так передают их само название византийские хронисты. Очевидно, что это — слегка измененный этоним «огузы». Действительно, это была часть огузов, ушедшая далеко на Запад. Русские летописцы называли их торками (т. е. тюрками). Их переселение на Балканы было вызвано поражением, нанесенным им кыпчаками, что довольно подробно освещено И. Марквартом [320, стр. 25—27]. Основная масса узов в 1064 г. переправилась через Дунай и оказалась в пределах Византии. Впоследствии часть узских племен признала над собой власть Византии. Многие из узов занимали потом в Византийской империи высокие посты [9, стр. 159—160]. После узов на Балканы переселились и куманы (kyпчаки или, по-русски, половцы.)

Все эти тюркские племена появились и обитали на Балканах примерно в одно время: печенеги — во второй половине IX—XI в., узы — в XI в., куманы — в XI — второй половине XII в. [325, стр. 46—47]. О печенегах и узах сообщают Константин Порфирогенет, Михаил Пселл («Хронография» последнего охватывает 976—1077 гг.), о печенегах на службе Византии много сведений дает Никифор Вриенний (1062—1118) [325, стр. 210, 267, 269], о куманах — Иоанн Зонара, живший в первой половине XII в. [325, стр. 198]. Часть этих племен, принявших христианство или еще исповедовавших шаманизм, Византия селила в пограничных провинциях. Такое переселе-

ние стало очень интенсивным в XI в., когда в Малую Азию вторглись с востока огузы и туркмены под предводительством Сельджукидов. Византийские императоры пытались тем самым преградить путь наступлению тюрок-сельджуков. Выполняя обязанности акритов (воинов-пограничников), византийские тюрки защищали страну от набегов. Много было тюркских наемников и в византийском войске. В битве при Манциерте в 1071 г. у императора Романа Диогена на правом фланге стояли узы, а на левом — печенеги. Увидев против себя огузо-туркменские войска и, видимо, услышав их тюркские военные кличи (ураны), они поняли, что противник близок им по языку и крови, и перешли на сторону сельджуков вместе со своими военачальниками, которые были скорее всего из их племенных вождей [49, стр. 23]. А еще одна часть византийского войска, которой командовал протостратор Михаил Тарханиот (имя «Тархан» указывает на его тюркское происхождение), отказалась сражаться на стороне византийцев [250, стр. 133]. Все это способствовало успеху Сельджукидов в этой битве.

Особенно много сведений о тюрах с Балкан содержится в произведении Анны Комниной «Алексиада» (в ней описаны события середины XI — начала XII в.). Анна Комнина писала не на разговорном греческом языке своего времени, а на выученном ею древнегреческом, часто придавая старым словам новые значения. Так, скифами она называет на античный манер кочевников¹³. Но, как видно из текста, это были кочевники-тюры — печенеги, узы, куманы [15, стр. 22, 45]. Гуннами, а иногда савроматами, Анна Комнина называет отдельно узов [15, стр. 201, 214]. Наряду с этим она употребляет и тюркские этнонимы — уз [15, стр. 214], печенег [15, стр. 208, 212, 213, 216, 217, 233, 235], куман [15, стр. 208, 213—215, 233—240, 266—274, 384, 394, 396, 397]. Любопытно такое свидетельство Анны Комниной: «Одно из скифских племен (как доказал Я. Н. Любарский, это — печенеги [см. 15, стр. 528, пр. 723]. — Д. Е.), которое подвергалось постоянным грабежам со стороны савроматов (т. е. узов

¹³ Сходное явление наблюдается и у армянского летописца Аристакеса Ластивертци, который, стремясь остаться в пределах классической лексики, зовет тюрок-сельджуков персами [17, стр. 88, 110, 117, 130, 131, 162].

[см. 15, стр. 529, пр. 724]. — Д. Е.), снялось со своих мест и спустилось к Данувиц (Дунаю. — Д. Е.). Переправившись через него, они «стали грабить соседние земли и захватили несколько городов. В дальнейшем, немного утихомирившись, они *стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу* (курсив наш. — Д. Е.)» [15, стр. 201]. Это свидетельствует прежде всего о том, что печенегов было довольно много (они захватили несколько городов), а затем — что печенеги оседали на землю и становились крестьянами.

В византийских войсках узы служили лучниками [15, стр. 170]. Многие тюрки стали выдающимися византийскими военачальниками, например полководец императора Алексея Комнина — Уза («его имя происходит от названия племени», — указывает Анна Комнина; т. е. он был уз) [15, стр. 170]. Другой полководец, Аргир Караджа (Караджа?), тоже был уз [15, стр. 209, 240, 274]. О полководце Монастре Анна Комнина пишет, что он был полуварвар и знал тюркский язык [15, стр. 297], т. е., видимо, имел смешанное греко-туркское происхождение.

Тюрок на военной службе у византийцев было очень много. После разгрома византийцами и союзными с ними куманами печенегов часть последних вместе с женами и детьми была поселена в Могленах (юго-западнее р. Вардар). Из них император составил особый отряд своего войска [15, стр. 543]. «Алексиада» буквально перстрит сообщениями о тюрках с Балкан, находившихся на службе у византийцев: «полуварвар, знающий скифский язык, воин у византийцев» [15, стр. 222], «скиф Татран перешел к византийцам» [15, стр. 224] (в «Слове о полку Игореве» упомянут народ татраны), «раб-скиф (т. е. уз, печенег или куман. — Д. Е.) по имени Дмитрий» [15, стр. 341], «крылатый скиф-скороход для сообщения важных вестей» [15, стр. 340]. Во время сражения византийского полководца Кантакузина с крестоносцами в его войске было много «скифов» (узов, печенегов, куман) [15, стр. 353]. Во время другого сражения, пишет Анна Комнина, — «скифы... (а их было немало в ромейском войске)... ринулись, как это принято у варваров, за добычей» [15, стр. 336].

Этнографические данные также свидетельствуют о проникновении тюркских элементов на Балканы и в Малую Азию с северо-запада. Так, население Балкан, а в

ряде случаев в Анатолии, сохранило черты, оставленные тюркскими племенами, пришедшими сюда из южнорусских степей. В Восточной Фракии еще в начале XX в. сохранялись турки-христиане, называвшиеся «сургучи». В. А. Мошков предполагает, что в этониме «сургуч» есть отголосок племенного имени «огуз» (сургуч — сургуз?) [173, стр. 410; 310, стр. 427]. В Анатолии, около г. Кайсери в XV—XVI вв., судя по архивным документам, жили турки-христиане, имевшие племенное название «кара-кечили» [526, стр. 167—168]. В списке жителей-христиан окрестных деревень г. Кайсери, относящемся к XIII в., обнаружены такие имена, как Юрюк-велиди Мехтар и Саркис-велиди Эймюр [503, стр. 68]. А «юрюк» и «эймюр» — это тюркские племенные названия. Поэтому вполне вероятно, что сургучи, кара-кечили и христиане с племенными именами — это остатки печенегов, узов и куманов, принявших христианство и поселенных Византией. Есть еще ряд этнических общностей, происхождение которых, возможно, связано с этим ранним тюркским пластом на Балканах. Таковы гагаузы, в этониме которых выделяется компонент «уз»¹⁴. Наиболее убедительная гипотеза происхождения гагаузов, опирающаяся на исторические и этнографические факты, связывает их этногенез с кочевыми тюркскими племенами, переселившимися на Балканы еще до османских завоеваний [см. 61].

В XI—XIII вв. на р. Вардар в Македонии жили турки, так называемые охридские турки или вардариоты, происхождение которых неясно. Может быть, что это тоже какая-то часть ранних балканских тюрок. Анна Комнина пишет, что над охридскими турками начальствовал Татикий, отец которого — Сарапин — был взят в плен византийцами [15, стр. 146]. Сарапин — это тюркское слово «сарычин», употреблявшееся как антропоним и этоним (сарычинами, например, называли часть половцев). Д. Моравчик также предполагает тюркское происхождение Татикия, видного полководца императора Алексея Комнина. Другие исследователи считают вардариотов

¹⁴ Еще в XVII в. на Балканах существовали турецкие административные единицы, в название которых входил компонент «уз» — Узи эялет и Узи санджак. В османских архивных документах XVI—XVIII вв. упомянуто юрюкское племя кара-уз [371, стр. 24]. Возможно, это остатки узов с Балкан.

потомками пленных венгров, поселенных на р. Вардар в Х в., с добавлением сельджукских элементов [15, стр. 494]. Однако с сельджуками византийцы столкнулись лишь в XI в. Что же касается венгров, то, действительно, византийские хронисты часто называли их турками (т. е. тюрками). Это объясняется, на наш взгляд, тем, что среди венгров в IX—X вв. было много еще не ассимилированных ими тюркских элементов, входивших в кочевые объединения мадьяров. К этим элементам, возможно, восходят секлеры, этнографическая группа венгров. В XI—XII вв. в состав венгров влились и куманы, тюркоязычный народ.

До наших дней сохранились на Балканах (в Болгарии и Греции) кочевники, говорящие по-гречески, — каракачаны (или, в грекизированной форме, саракацаны). Название «каракачаны» скорее всего тюркское. Однако не исключено, что это название было им дано уже турками-османцами. Тем не менее у каракачанов очень много тюркских элементов в материальной и духовной культуре [306, стр. 45, 75, 111, 136, 140, 275; 154, стр. 50, 54, 72, 81, 88, 111]. Этих грекоязычных, исповедующих православие кочевников можно рассматривать если не как прямых потомков тюркских племен, христианизированных и грекизированных в византийское время (кстати, первое упоминание о каракачанах связано с концом Византийской империи в середине XV в. [306, стр. 196]), то во всяком случае как включивших в себя много первоначальных тюркских элементов, которые напластовались, возможно, на какой-то дотюркский кочевнический субстрат.

Есть еще одна загадочная тюркоязычная этническая общность на Балканах — кочевые племена коньяров. Их происхождение обычно связывают с Коньей, столицей государства Сельджукидов Малой Азии [144, стр. 37; 426, стр. 10; 427, стр. 649], считая, что «коньяр» — это «кониец», житель Коньи. Но такое образование чуждо тюркским языкам. Например, по-турецки житель Коньи будет «коньялы» или, в старотурецком («османском» или «сельджукском» оформлении), «коневи». Кроме того, о коньярах нет упоминаний ни в сельджукских, ни в османских хрониках. Затем известно, что массовое переселение тюркских кочевых племен из Анатолии на Балканы началось лишь в османское время, со второй половины

XIV в.¹⁵. Коньяры же не входили в военно-племенную организацию кочевых племен (юрюков), сыгравшую важнейшую роль в этом переселении, хотя в эту организацию обычно включались другие родо-племенные группы переселенцев, например татары [426, стр. 12—13]. Таким образом, все данные говорят о том, что коньяры попали на Балканы раньше прихода туда турок-османцев (сельджукские же кочевые племена на Балканы вообще не попадали). Можно предположить, что коньяры — остатки печенегов, древнее самоназвание которых было «кангар». Византийские хроники также отмечают, что одно из печенежских племен называлось «кангар» [326, стр. 360]. Этот этоним мог трансформироваться в «коньяр». Во-первых, чередование звуков *g* — *й* часто встречается в тюркских языках, замена же звука *a* звуком *o* могла возникнуть под влиянием народной этимологии, связавшей позднее коньяров с Коньей. Во-вторых, в болгарском и сербско-хорватском языках слово «коньяр» значит «конюх», «табунщик», «любитель лошадей» (ср. русское жаргонное «лошадник»), но это чисто славянское образование (конь + суффикс *ap*). Тюркская народная этимология здесь как бы еще и перекрецивалась со славянской, видевшей в кочевниках коневодов, любителей лошадей, что, естественно, и было присуще тюркам-скотоводам. Наконец, переход звука *a* в *o* в славянанизированных тюркских заимствованиях вполне закономерен: так, тюркские племенные названия «кайы» и «баят» трансформировались в русских летописях соответственно в «коуй» и «боут».

Некоторые исследователи (К. Иричек, Т. Ковальский) считают, что турки Дели-Ормана (Болгария) включили в себя тюркские элементы, проникшие сюда с севера, из-

¹⁵ В сельджукское время кочевые тюркские племена из Анатолии на Балканы не переселялись. Были лишь переселения по политическим мотивам: отдельные тюркские военачальники, попавшие в немилость к султану, искали убежища в Византии. Они вместе со своими свитами и вооруженными отрядами принимали христианство и служили византийцам. Так, например, переселился в Византию сын султана Изеддина Кей-Кавуса, уведший с собой часть войск. Он принял христианство и женился на гречанке. П. Виттек даже усматривает в этониме «гагауз» искаженный антропоним «Кей-Кавус» [360]. Однако другие исследователи вообще отрицают факт переселения сельджукских тюрок из Анатолии на Балканы в XIII в. [см., например, 174].

за Дуная, еще до турок-османцев; антропологическим типом и языком они существенно отличаются от анатолийских турок, причем их язык очень близок к гагаузскому [310, стр. 425—427].

Данные тюркского языкоznания, в том числе диалектологии турецкого языка, также дают основание рассматривать северо-западную часть Малой Азии как область, где в этногенезе турецкого народа большую роль сыграли тюркские племена с Балкан. В самом деле, северо-западные диалекты турецкого языка отличаются от центрально- и восточноанатолийских диалектов общими особенностями, сближающими их с гагаузским языком. Кроме того, анализ огузского языкового пласта и сопоставление его частей в туркменском, азербайджанском, гагаузском и турецком языках дает более точное представление и об огузском этническом компоненте, о доле его участия в происхождении названных народов. Прежде всего выясняется, что огузский языковый пласт больше сохранился у турок и гагаузов, а у азербайджанцев и особенно у туркмен он подвергся сильным изменениям под воздействием кыпчакских языков. Так, Махмуд Кашгари отмечал, что для огузов характерны звонкие согласные в начале слова — *đ* (вместо *t*), *g* (вместо *k*), а также *b* (вместо *m*): *дeve* (верблюд), а не *тeve*, как у других тюрок, *гель* (*иди*), а не *кель*, *бен* (*я*), а не *мен* [386, т. I, стр. 31, 339, т. II, стр. 225; см. также 26, стр. 144]. Он отметил также такие особенности языка огузов, как наличие грамматической формы на *-асы* — *баراسы ер* (вместо, куда надо идти) [386, т. I, стр. 33], выпадение согласного звука *g* в аффиксе причастия настоящего времени — *бараган > баран* (*идущий*) [386, т. I, стр. 33], вариант утвердительного междометия «*эвет*» (*да*) [386, т. I, стр. 51]. У турок и гагаузов мы как раз находим наиболее полное сохранение всех этих особенностей: *дeve* (верблюд), *дам* (крыша), то же самое у азербайджанцев, но у туркмен — *тюе*, *там*; у турок и гагаузов — *гель* (*иди*), но у азербайджанцев и туркмен — *кель*; у турок и гагаузов — *бен* (*я*), но у туркмен и азербайджанцев — *мэн*; у турок и гагаузов — *эвет* (*да*), но у азербайджанцев — *бэли*, а у туркмен — *хавва*. Сохранилась у турок и грамматическая форма на *-асы*, а в аффиксе причастия настоящего времени отсутствует звук *g*. В лексике также существуют очень близкие параллели между

турецким и гагаузским языкам, не находящие себе аналогий в других тюркских языках даже огузской подгруппы: тур.—ана баба, гаг.—ана боба (родители), тур.—дайы, гаг.—дайын (дядя по матери), тур. и гаг.—кары (жена), тур. и гаг.—эниште (зять, муж сестры), тур.—дюнюр, гаг.—дюнюрджю (сват) [199, стр. 25, 49, 57, 58, 60, 65, 76], тур. и гаг.—тосун (бычок), тур. и гаг.—дюве (телка), тур. и гаг.—кузу (ягненок), тур. и гаг.—домуз (свинья), тур. и гаг.—копай (охотничья собака) [241, стр. 99, 101, 113, 124, 127]. Выясняется также, что северо-западные диалекты турецкого языка сильно сближаются с гагаузским языком фонетически: возникновение вторичных долгих гласных в результате стяжения сочетаний гласных и согласной *г* (*ага* > *аач*, *буздай* > *буудай*, *сырыр* > *сыыр*), ассимиляция согласных *нл* > *нн* (*онлар* > *оннар*, *анламак* > *аннамак*). Казалось бы, такое сближение гагаузского языка с турецким можно объяснить влиянием последнего на гагаузский в османское время, когда Балканы входили в состав Османской империи. Однако ряд фактов опровергает это предположение. Например, гагаузский язык сохранил древнетюркскую форму значения «внук» и «внучка» (*кызынын оолу* — внук от дочери; *кызынын кызы* — внучка от дочери; *оолунун оолу* — внук от сына; *оолунун кызы* — внучка от сына), то же сохранилось и в тувинском языке [199, стр. 20]. Турецкий же язык имеет для этого особое слово *торун*, заимствованное, видимо, из армянского языка (арм.—*тор*). Слово «сырыр» имеется в «Кодексе команикусе» [241, стр. 96], т. е. здесь также турецкое влияние исключено. Таким образом, влияние шло не от турок к гагаузам, а наоборот, от гагаузов, вернее, от тех древнетюркских племен, которые пришли на Балканы и вошли впоследствии в состав как гагаузов, так и турок.

Турецкий язык, особенно его северо-западные диалекты, и гагаузский — оба сближаются с печенежским языком: ср. переходы в печенежском языке *г/к* > *й* в конце слов (*бэг* > *бей*), *к/г* > *в* между гласными (*кёкерчи* > *кюверчи*), *т* > *ð* в начале слов (*таф* > *даф*)¹⁶, с полной аналогией в турецком и гагаузском языках: *бей*, *гюверджин*, *даф*.

Итак, гагаузский язык и северо-западные диалекты

¹⁶ Примеры по печенежскому языку взяты из [26, стр. 130].

турецкого языка сходны между собой в отношении наибольшего сохранения огузских особенностей. Поэтому можно предположить, что у этих языков был какой-то общий огузский компонент, усиливший их огузские черты или способствовавший их сохранению, и можно очертить его ареал районом Фракии и северо-запада Малой Азии. Определить этническую принадлежность этого компонента помогают исторические источники — византийские хроники и русские летописи, содержащие много сведений, как мы это уже видели, об узах и печенегах. Видимо, в диалектах этих племен и нужно искать тот компонент, который усилил огузские черты гагаузского и турецкого языков [98, стр. 72—74].

Антропологические данные также подтверждают, что определенная часть тюрок шла в Анатолию через Балканы. Так, у гагаузов [75, стр. 204], греков Фракии, славян Македонии, валахов, караакачанов и других обнаруживается монголоидный «налет» (крайне незначительный процент эпикантуса в сочетании со средним выступанием скул) [528]. У населения же Малой Азии, даже у турок, подобных монголоидных элементов гораздо меньше. Отсюда следует, что монголоидный «налет» принесен на Балканы тюркскими племенами скорее с севера, чем из Малой Азии.

Подводя итоги, можно констатировать, что проникновение тюркских элементов на территорию современной Турции началось задолго до сельджукского завоевания, в VIII—X вв. Эти тюрки (иногда это были целые племена), расселившись среди коренных обитателей страны, в определенной степени подготовили начало туркизации Анатолии и Восточной Фракии. В свете такого вывода интересен следующий исторический факт. В конце XI в. в византийских хрониках впервые упоминаются туркмены, проникшие в Малую Азию [325, стр. 109]. Анна Комнина называет их туркоманами [15, стр. 389]. После завоевания Малой Азии сельджуками, основную массу которых составляли туркмены, этот этноним надолго становится обозначением тюркских племен Анатолии во многих исторических источниках. Так, в хронике Ибн Биби, охватывающей период с 1188 по 1282 г., в отношении тюркских племен Малой Азии, как отметил В. А. Гордлевский, употребляется слово «туркмены» [49, стр. 44]; Гильом де Рубрук (середина XIII в.) также упоминает

о туркменах [119]; Марко Поло (конец XIII в.) тоже пишет о туркменах и Турцию называет Туркменией [200, стр. 56]; Ибн Баттута (30-е годы XIV в.) описывает Анатолию как страну туркмен [301, стр. 415, 417, 456]; Тимур в письмах к османскому султану Баязиду I Иылдырыму (конец XIV — начало XV в.) называет османских турок, очевидно по старой традиции, туркменами [295, т. I, стр. 139]; путешественники первой половины XV в. де ля Брокьер и Тафур называют Киликию Туркменией [304, стр. 161]. В позднейшее же время, как известно, народ, возникший в результате тюркизации коренного населения Малой Азии, стал называться этонимом «турк» (турок), а не «туркмен» или «огуз», т. е. получил общее самоназвание всех переселившихся сюда тюрок. Самоназвание «турк» охватывало, в частности, и узов (ведь русские летописи называли их торками). Стало быть, этот факт опять-таки свидетельствует о том, что в тюркизации Анатолии участвовали не только туркмены и огузы, но и другие тюрки, проникшие сюда с востока еще до огузов и туркмен (частично и вместе с ними) и с северо-запада, с Балкан. Самоназвание же «туркмены» осталось в Анатолии, причем в ее восточных районах, лишь у незначительного числа турецких туркмен, сохранившихся до наших дней. Наконец, А. А. Росляков пишет, что в Малой Азии для обозначения тюрок употреблялись три этонима: тюрки, туркмены, огузы. Первый был особенно хорошо знаком западным писателям [207, стр. 88]. Это также свидетельствует о том, что либо на западе Малой Азии преобладали именно тюрки (попавшие сюда с Балкан), а не туркмены и огузы, либо западные писатели сначала познакомились с этими балканскими тюрками, а потом уже с огузами и туркменами, но продолжали часто называть последних по-прежнему тюрками. Сходное явление распространено в истории. Например, поляки называют итальянцев влохами (т. е. валахами — румынами), перенеся это название с первого встреченного ими романоязычного народа на итальянцев, французы называют немцев альманами по германскому племени алманов/аламанов, которое соседствовало с их предками-франками, латыши до сих пор зовут русских кривичами (криэвияс) по названию одноименного и когда-то соседнего с ними племени, финны — венедами/вентами (венейен) и т. п.

Глава II

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН В АНАТОЛИЮ В XI—XIII вв. И ИХ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ОГУЗЫ И ТУРКМЕНЫ В РУМСКОМ СУЛТАНАТЕ

В XI в. в Малую Азию с востока хлынула мощная волна тюркских племен. Это были так называемые тюрок-сельджуки (их основную массу составляли огузы и туркмены), которые в 1040 г. вторглись в Иран, завоевав его к 1055 г. Затем они овладели Ираком, Сирией, Азербайджаном, частью Армении. На этих землях они создали огромное государство «Великих Сельджукидов». Династия Сельджукидов происходила из огузского племени кынык. Это подтверждается, как пишет С. Г. Агаджанов, рядом средневековых источников. На это указывают версии «Малик-намэ», «Огуз-намэ» и «Сельджук-намэ» Захира ад-Дина Нишапури. Об этом прямо говорит и Мухмуд Кашгари [9, стр. 165; 386, т. I, стр. 55].

Тюрок-сельджуки, начавшие еще в первой половине XI в. набеги на Анатолию¹, с 60-х годов того же века перешли к ее завоеванию. Предводимые Сельджукидами тюркские кочевники со своими семьями и стадами двигались из Хорасана, Азербайджана, Ирака и Сирии в Малую Азию. Так, по словам Аристакэса Ластивертци, сельджукский султан Тогрул-бек в 1054 г. «двинулся с многочисленным войском, слонами, колесницами и коня-

¹ В 1016 г. среднеазиатские тюроки совершили и первый набег на Армению [275, стр. 40—43]. С начала 30-х годов XI в. на Армению совершают нападения сельджукские отряды [10].

мъ, женами и детьми, с отличным снаряжением» [17, стр. 97, 164]. После победы под Манцикертом в 1071 г. над византийскими войсками уже ничто не могло преградить сельджукам дорогу в Анатолию. В 1085 г. они взяли Измир (Смирна), и почти вся Малая Азия оказалась в их руках [230, стр. 19; 167, стр. 7—8].

Одна из ветвей Сельджукидской династии основала в Анатолии Румский султанат², внешне признававший власть «Великих Сельджукидов», но фактически независимый [526, стр. 2].

Крестовые походы остановили дальнейшее продвижение Сельджукидов. Они даже потеряли свою столицу Изник (Никея). Но постепенно опять перешли в наступление и в 1116 г. завоевали Конью (Иконион), сделав ее своей столицей. Поэтому государство Сельджукидов Малой Азии называют иногда Конийским султанатом. В 1180 г. Румский султанат завоевал другое тюркское государство Малой Азии, основанное Данышмендидаами в 1067 г. со столицей в Сивасе (Себастия). Таким образом, на рубеже XII—XIII вв. сложилось крупное тюркское государство Сельджукидов, объединившее под своей властью почти всю Малую Азию и большую часть Армяно-Курского нагорья.

Причины быстрых побед Сельджукидов объясняются тем, что, во-первых, их основной противник — Византия была в это время очень ослаблена борьбой со своими врагами на Западе³ и, главное, внутренними противоречиями и междоусобицами⁴. Византийский феода-

² Рум — так называли тюрки-сельджуки, вслед за арабами, Анатолию. Это название, как отметил еще Ибн Баттуха [301, стр. 415], произошло от официального наименования Византийской империи, которая по традиции называлась Римской империей или Римом (латинское Рома, греческое Ромэ). Греки-византийцы (жители Малой Азии) также называли себя ромеями (римлянами), а не эллинами, как греки Греции. Имя «Ромэ» сохранилось позднее в турецком названии Европейской Турции — Румелии (тур. — Рум эли — Страна Рум).

³ Анна Комнина пишет об этом периоде: на «Ромейскую державу» ополчились «скиф с севера, кельт с запада, исмаилит с востока» [15, стр. 391]. Скиф — это тюрк с Балкан, кельт — западноевропеец, в частности, норманн, исмаилит — тюрк-сельджук.

⁴ Образно повествует об этом Аристакэс Ластивертци: «Когда страна греков (т. е. Византия. — Д. Е.) разделилась надвое (имеется в виду двоевладие 1057 г. — Д. Е.), тростниковая ветвь, как ассириец оскорбительно называл царство египтян, перебила железную палицу... и когда персы (т. е. сельджуки. — Д. Е.) прознали об

лизм переживал стадию разложения. Не было также единства между Византией и армянскими феодалами. Во-вторых, основной ударной силой Сельджукидов были кочевые огузские и туркменские племена [230, стр. 15], находившиеся на одной из ранних стадий развития феодализма и спаянные традиционной родо-племенной дисциплиной. Кроме своей многочисленности тюрки-кочевники обладали отличными воинскими качествами: каждый кочевник, в силу специфики кочевого хозяйства и быта, был прекрасно натренированным и хорошо вооруженным воином-кавалеристом. Этот фактор, как, например, и при монгольских завоеваниях, а также при завоеваниях арабов, у которых на первых этапах основной военной силой были кочевые бедуинские племена, также нельзя не учитывать. В-третьих, народные массы Анатолии, изнывавшие под гнетом византийской тирании, часто видели в сельджуках своих избавителей. В этом они, конечно, жестоко ошибались: сельджукские султаны и эмиры были не менее алчными захватчиками-феодалами, чем их противники византийцы.

Составной частью политики Сельджукидов было сознательное направление кочевых племен на границы — для войны с византийцами, армянами, грузинами [24, стр. 33]. Этим преследовались две цели: во-первых, внутренние районы государства освобождались от неспокойных кочевников, всегда готовых поднять мятеж против центральной власти, и, во-вторых, укреплялись границы, обеспечивались завоевания новых земель и поступление награбленной добычи. А аристократия кочевых племен с большой охотой шла на завоевание и грабеж чужих земель.

М. Ф. Кёпрюлю считает, что такая политика Сельджукидов в отношении кочевых племен вытекала из нехватки пастбищ для кочевников, а также из стремления султанов избавить оседлое население, которое было основным налогоплатильщиком, от разбоя и набеговnomadov [468, стр. 276]. Последнее могло играть свою роль, что же касается «нехватки пастбищ для кочевников», то за этой обезличивающей формулировкой скрыто социальное содержание сельджукского движения, выхо-

их смутах и взаимной вражде, они многократно обрушивались на нас, чем завершилась гибель нашей страны» [17, стр. 110].

лощена его классовая сущность. М. Ф. Кёпрюлю пытается также объяснить это движение чем-то вроде «нехватки жизненного пространства» и «перенаселением» [468, стр. 276]. На самом же деле пастбищ не хватало не кочевникам вообще, а кочевой знати, так как быстрый процесс концентрации огромных масс скота в ее руках (по свидетельству Ибн Фадлана, уже в начале X в. были огузские предводители, владевшие по 10 тыс. лошадей и 100 тыс. овец [302, стр. 83; 106, стр. 65—66]) требовал широкой экспансии в целях расширения пастбищных угодий [222, стр. 89, 101]. Собственно, это и было основной социальной причиной сельджукского движения.

Тюркские племена, увлекаемые вождями, двинулись на запад с захватническими целями. Инициаторами этого движения были не рядовые кочевники, а военная кочевая аристократия. Племена, принявшие участие в этих походах, оказались целиком во власти своей знати — богатых скотовладельцев. Новая религия — ислам, — принятая тюрками от арабов, как нельзя лучше отвечала интересам кочевой знати, объявляя угодным аллаху делом войну с «неверными», убийства, грабежи, захват чужих земель, прославляя каждого, кто пал в этой войне, как героя, достойного рая. Участвуя в походах на земли Малой Азии, эти кочевые племена принесли древним оседлым народам (армянам, грузинам, грекам) много бедствий. Главари племен, опираясь за алчную до добычи знать, воспитывали массы кочевников в духе ненависти к немусульманским народам, проповедуя газават («священную» войну против немусульман). Однако, как пишет С. Г. Агаджанов, несмотря на то, что покорение Сельджукидами Ближнего и Среднего Востока сопровождалось многочисленными насилиями и грабежами мирного населения, сельджукское завоевание объективно способствовало дальнейшему развитию феодальных отношений в Западной Азии. В этом заключалось главное историческое значение образования империи Сельджукидов [9, стр. 46]. Сельджукидские правители способствовали широкому распространению существовавшего еще при Буидах феодального института икта. Форма этого земельного держания вполне отвечала интересам сельджукской знати. Продолжая кочевую жизнь, беи имели возможность эксплуатировать и рядовых скотоводов-соплеменников, и оседлых крестьян, и

ремесленников. Именно поэтому феодальный институт икта получил широкое распространение в империи Сельджукидов [9, стр. 48].

Еще до сельджукских завоеваний, в конце X — начале XI в., огузы и туркмены, находясь в Средней Азии, как показал А. Ю. Якубовский, были обществом классовым, правда, с сохранением многих родовых институтов, которые служили прикрытием для эксплуатации и угнетения племенной аристократией трудящейся массы кочевников. Феодальная эксплуатация прикрывалась патриархальными обычаями [245, стр. 926]. А. Ю. Якубовский предполагает наличие у туркмен XI в. двух форм эксплуатации: первая — определенное количество скота доставлялось феодалу — главе племени или рода на убой и даже на убий; это была как бы продуктовая рента в условиях кочевого хозяйства; и вторая — в хозяйстве феодала использовалась рабочая сила кочевника (пастыба скота, заготовка продуктов, шерсти, кожи и т. п.), т. е. это была своего рода отработочная рента [245, стр. 927]. Как отмечалось выше, уже в начале X в. отдельные огузские предводители владели по 10 тыс. лошадей и 100 тыс. овец, в то же время этот же источник (Иbn Фадлан) говорит и об огузской бедноте и рабах [106, стр. 63; 9, стр. 108]. Естественно, что большую часть пастбищ, находившихся формально в общинном владении всего племени или рода, фактически использовали богатые скотовладельцы. Таким образом, скот (фактически и формально, так как он находился в частной собственности владельца) и пастбища (фактически) в основной своей массе были сосредоточены в руках знати. Этот класс кочевых феодалов присвоил себе основные средства производства кочевого скотоводческого хозяйства (скот и пастбища).

Главы племен имели дружины, игравшие все возраставшую роль в политической жизни племени: феодалы ходили с ними в походы за добычей, вместе охотились, пировали; опираясь на них, держали в повиновении эксплуатируемых рядовых кочевников. Совет рода-племенных старейшин состоял из богатой и знатной части племени [245, стр. 927].

Как и во всей империи «Великих Сельджукидов», земля в Румском султанате считалась государственной собственностью, но формально принадлежала султану. Сул-

тан, олицетворявший государство, раздавал сановникам (часто, особенно в начале образования султаната, это были вожди племен) крупные лены — икта⁵. Поэтому вождь племени, получая при завоевании новых земель или при других обстоятельствах ленное держание, выступал также в качестве феодала — иктадара — и по отношению к оседлому населению — крестьянам и горожанам (основную массу тех и других в Анатолии составляли вначале не тюрки и даже не мусульмане). Особой формой икта являлся при Сельджукидах удж (букв. «конец», «край», «граница») — ленный удел на границе государства, который давался обычно главам племен в обмен на их обязательства по защите границ от внешних врагов. Таким образом, Сельджукиды Рума в отношении кочевых племен продолжали политику «Великих Сельджукидов» — посыпали беспокойных кочевников к границам, направляя экспансивные устремления кочевой знати на грабеж других народов и захват чужих земель. Племена откочевывали сюда вместе с семьями, шатрами и стадами. Глава племени на удже получал титул уджбека (удж-бейи), т. е. «охраняющий границу», так как слово бей/бек имеет и значение «охранник», «защитник». Удж-бек имел право собирать и вносить в казну султана подать со всего населения уджа, в том числе и со своего племени. М. Ф. Кёпрюлю сравнивает удж-бека с маркграфом в Западной Европе средних веков [311, стр. 89]. Безусловно, между этими феодалами есть сходство как в самом титуле, так и по существу. Однако более близкий аналог удж-беку — иранский марзбан (марз — граница, бан — охраняющий), а сам термин удж-бек представляет собой кальку с этого персидского термина.

Несколько племен иногда составляли иль — племенной союз, во главе которого стоял иль-бashi [49, стр. 46], избираемый, видимо, из беев наиболее крупных и влиятельных племен. Иль-бashi выступал преимущественно как военный предводитель, по вызову султана он являлся с

⁵ Сходное явление было во многих феодальных державах средневековья. Так, в империи Карла Великого верховным собственником всей земли считался король, раздававший крупные лены графам (высшим должностным лицам) и герцогам (вождям племени). В Румском султанате, особенно в первое время, также наблюдалось различие между терминами «эмир» (сановник, высшее должностное лицо) и «бей» (вождь племени).

племенным ополчением [311, стр. 56]. Кроме того, из высших государственных сановников назначались удж-эмиры, начальники над удж-бяями [311, стр. 89].

У племен на уджах складывался своеобразный военно-кочевой быт. Часть кочевников всегда была в дозоре, разведке — легкая кавалерия, называемая «акынджи» (налетчики), высматривала врага. Прототипом для акинджи, возможно, послужили византийские акриты (пограничники из тюрksких племен, поселенных Византией на своих границах). Институт акритов сложился в результате длительной борьбы Византии с Арабским халифатом [311, стр. 88]. Но акинджи сходны и с акойли среднеазиатских туркмен. Другая часть племени пасла стада, занималась хозяйством. Все — даже женщины и дети — были вооружены [311, стр. 56]. На уджах были и крепости, и города — своего рода опорные пункты: население их было смешанным [311, стр. 93], большинство, особенно в городах, иногда составляли коренные жители.

Одна из особенностей кочевого феодализма — это отсутствие тех развитых феодальных отношений, которые складываются на базе оседлой земледельческой культуры (у кочевников — это, как правило, патриархально-феодальные отношения), поэтому у огузов и туркмен в Малой Азии, особенно в явлениях надстроичного характера, как и в самом государстве Сельджукидов Рума, сохранялось много пережитков рода-племенного строя.

Хотя Румский султанат был феодальной монархией, в нем сильно сохранились патриархальные пережитки [219, стр. 12]. Основы султаната были непрочны: не было экономической общности. Султанат представлял собой объединение полусамостоятельных княжеств, большинство которых возникло на племенной основе. Эти княжества (бейлики, эмирата) то признавали центральную власть, когда она усиливалась, то восставали против нее при каждом удобном случае. Основное, что объединяло княжества и племена, — совместные завоевательные походы против других государств в целях захвата новых земель и добычи, обогащавших главным образом племенную знать [219, стр. 13].

Первоначально в жизни государства важную роль играл и совет племенных старейшин — курултай; прав-

да, он отражал уже интересы феодализирующейся племенной знати, а не всех кочевников [219, стр. 12].

Наряду с мусульманским обычным правом (шариатом) применялось и обычное право огузов — тюре. В. А. Гордлевский, со ссылкой на Языджиоглу Али, отмечает, что султан Алаэдин I хорошо знал это право, изложенное в «Огуз-намэ», — мелочи придворного быта и тражданский суд были основаны на его указаниях [49, стр. 57]. Хотя обычаи при дворе султанов Рума сформировались в основном под персидским влиянием, старый быт огузов наложил сильный отпечаток на их придворный быт. При вступлении султана на престол устраивался пир (шёлен), на котором беи племен занимали места за обрядовым столом согласно установленному обычаями огузов «местничеству»: по порядку племен правого и левого крыльев⁶. Каждый бей получал полагавшийся ему обычаем кусок жертвенного мяса из определенной части туши. Съедая его, беи как бы присягали султану [11, стр. 155]. Барабан и знамя — символы власти Сельджукидов — перешли к ним от огузов [11, стр. 155].

Место аудиенции с султаном называлось капу (дверь, вход). Это шло от кочевого быта тюрок, когда знатные люди племени встречались сначала у входа в шатер племенного вождя, а затем уже входили внутрь. Название (но в арабско-персидском оформлении) перешло впоследствии и к османцам, у которых правительство называлось Бабы Али (Высокая Порта, Высокая Дверь) [344, стр. 85].

Как писал В. А. Гордлевский, «в самом султане долго жил кочевник» — на зиму султаны уходили кочевать к берегам Средиземного моря [52, стр. 2]. Описывая бракосочетание султана Иззеддина Кей-Кавуса I, Ибн Биби говорит о лестнице для невесты, сделанной для того, чтобы ей удобней было сесть на верблюда [52, стр. 4]. Это старый туркменский обычай устройства кеджебе — помоста на спине верблюда, на который садится невеста, закрытая покрывалом, при следовании в дом жениха.

Военная организация племенного ополчения также была занесена огузами и туркменами из Средней Азии:

⁶ В правое крыло входили племена: кайы, баят, алкырэвли, караэвли, языр, дюкер, дудурга, япарлы, авшар, кырык, бекдили, каркин; в левое — баяндур, беджене, джаулдур, джибни, салор, имюр, алаюнту, уркиз, икдыр, букудуз, иве, қынык [205, стр. 76].

деление на правое и левое крылья; во главе отрядов стояли онбashi (десятники), эллибashi (пятидесятники), юзбashi (сотники) и т. д. [49, стр. 50].

Хотя огузы приняли ислам, у них долго сохранялись остатки шаманизма (например, в обрядах погребения) [49, стр. 58]. Женщины иногда занимали высокое положение в обществе, даже участвовали в битвах, не было мусульманского затворничества женщин [445, стр. 161].

Все большая феодализация государства Сельджукидов усложнила взаимоотношения племен с центральной властью. Султан из главы племенного объединения окончательно превратился в монарха. Во главе отряда из огузов или туркмен уже иногда ставилось лицо, по происхождению не связанное с их племенем [49, стр. 148]. Все большую роль начинали играть мемлюки или гулямы (рабы). Из них формировалась гвардия султана. Они назначались на должности эмиров, вали (правителей областей), саларов (генералов). Еще у Тугрул-бека и везир и высшие сановники были из таджиков. Низам ал-Мюльк также предпочитал рабов огузским и туркменским беям [526, стр. 98, 159]. У Сельджукидов Рума мемлюки набирались из пленных тюрок (кыпчаков и тюрок-христиан, которые воевали на стороне Византии), а также из армян, грузин, абхазцев, греков и др.

Огузские и туркменские беи постепенно отстранялись от государственных дел. Они занимали второстепенные и третьестепенные должности или находились в небольших икта со своими племенами или посылались на уджи, где нередко становились мелкими военными ленниками — сипахи [526, стр. 100].

Росло и материальное бремя, налагавшееся султанами на племена,— своего рода дань в виде подарков. Например, султану Санджару в Иран ежегодно отправлялось 24 тыс. баранов [49, стр. 49]. Вожди племен, как и другие иктадары, определенную часть доходов отдавали в казну султанов. Эта доля все увеличивалась [526, стр. 131].

Султаны все больше отрывались от масс кочевников. При дворе росло влияние персидской культуры. Именно в эпоху Сельджукидов стало бранным слово «турк» как синоним «мужика», «плебея» [369, стр. 9]. И. Кафесоглу так характеризует отношение султанов к тюркским племенам: «Султаны оторвались от огузских масс, силами

которых была завоевана империя; это уже не прежние предводители племен, а султаны ислама, часто обращаются они несправедливо с туркменами» [445, стр. 161].

Огузы и туркмены отвечали на ущемление своих прав восстаниями. Даже в период наибольшего могущества анатолийских султанов начались первые восстания туркмен и огузов [49, стр. 49; 369, стр. 9]. Участвовали огузо-туркменские племена и в восстании дервиша Баба-Исхака (1239 г.) [49, стр. 97], которое явилось, под религиозной оболочкой шиизма, выражением протesta низов против крепнущего феодального строя — своего рода крестьянской войной в сельджукском государстве Малой Азии.

РАССЕЛЕНИЕ ОГУЗОВ И ТУРКМЕН В АНАТОЛИИ

В первое время при расселении огузских и туркменских племен в Анатолии соблюдалось, видимо, их традиционное деление на бузук (бозок) и учук (учок), т. е. на правое и левое крылья, или правый и левый фланги. Двигаясь на запад, племена бузук селились, как правило, севернее племен учук, т. е. при поселении в какой-то мере сохранились боевые порядки, принятые в огузских племенах [49, стр. 45]. Имя «бозок» сохранилось в качестве топонима именно на севере Центральной Анатолии: там есть плоскогорье, которое до сих пор называют Бозок (Бозок яйласы). В Османской империи название «бозок» долго сохранялось в качестве административной единицы также на севере Анатолии, в районе г. Йозгат [408, стр. 354].

Но в дальнейшем никакого особого порядка в расселении огузских и туркменских племен не соблюдалось. Анализ анатолийской топонимии, сохранившей названия селившихся племен, показывает, что по дороге старые огузские племенные объединения распадались. Этому способствовала политика Сельджукидов, сознательно расчленявших сильные племенные образования и рассыпавших их частями в разные районы страны [49, стр. 45]. Кроме того, дробление племен вызывалось и тем, что Сельджукиды стремились повсюду, где было оседлое земледельческое население — христиане, держать

вооруженные отряды кочевников [390, стр. 929] как своего рода полицейские силы для подавления непокорных.

Исследования турецких ученых о топонимии Анатолии наглядно демонстрируют происходивший процесс дробления племен. Например, топонимы, связанные с племенным названием кайы, разбросаны на громадном пространстве от Чанаккале до Карса, от Урфы до Манисы [49, стр. 45]. Правда, иногда Сельджукиды поселяли какое-нибудь племя сначала внутри страны, чтобы проверить его «благонадежность», и только потом отправляли на границу, например племя кермиян (гермиян) [480, т. IV, стр. 114]. Это могло оставить «дополнительную» топонимию, так как часть племени могла осесть в центре, а часть — на окраине. Разбросанность племен подтверждается и анализом земельных документов времен султана Сулеймана I Кануни: деревни и административные единицы (каза, нахие), названия которых связаны с одним каким-либо племенем, далеко отстоят друг от друга [526, стр. 166].

Нужно отметить, однако, что не все топонимы, связанные с племенными названиями, обязательно указывают на место поселения данного племени. Многие из них могли произойти и от личных имен, особенно от имен глав племен и родов, так как огузские племенные названия у огузов и туркмен были очень распространены и в качестве антропонимов, указывавших на происхождение их носителей из того или иного племени или рода. Так, в эпосе «Деде Коркуд» есть личные имена Авшар-бек, Баюндур-хан, Бюгдюз, Эмен, Дёкер-бек, Салор-Казан, Языр [125, стр. 286—292; 429, стр. 121—124]. Все эти антропонимы так или иначе связаны с племенными этническими огузов. Более того, Ф. Демирташ обнаружил в османских архивных документах XVI—XVII вв. такие имена у турецких туркмен, как Эймюр, Баяд, Авшар, Юрегир, Байындыр, Дёгер, Чавундур, Додурга, Чепни, Салур, носители которых иногда входили в племя с другим названием. Так, племя гюнешли из объединения Боз-Улус управлялось кетхудой (старейшиной) по имени Эймюр, род гюзгюджек возглавлялся кетхудой Чавундуром [407, стр. 579, пр.]. Больше того, зачастую личное имя главы племени или рода, связанное с происхождением его носителя из какого-либо другого племени, становилось со временем новым названием того племени

или рода, которое он возглавлял. Например, в XVI—XVII вв. в племени баяд было подразделение каркын, хотя еще Рашид ад-Дин считал каркын самостоятельным племенем наряду с баяд. Как выясняется из османских архивных документов, это подразделение получило название от своего главы, который происходил из племени каркын [408, стр. 324]. Другой пример: в XVI в. среди юрюков района Болу (Северо-Западная Анатolia) было небольшое племя авшарлу, название которого произошло от имени отца главы племени — Авшара. Основная же масса племени авшар находилась в то время на востоке и юго-востоке Анатолии [407, стр. 579, пр.]. Безусловно, все это также способствовало распространению в Анатолии топонимических названий, связанных с огузскими племенными наименованиями, но лишь с наименованиями, а не самими племенами. Эти факты необходимо учитывать и критически подходить к данным топонимики.

Тем не менее, огузская топонимия Малой Азии слишком обильна, чтобы совершенно сбрасывать со счетов возможность образования отдельных топонимов непосредственно от огузских племенных этнонимов при поселении тех или иных племен или их частей. Среди анатолийских топонимов представлены все (кроме япарлы) племенные названия огузов, зафиксированные Махмудом Кашгари и Рашид ад-Дином⁷. За исключением алаюнты и алкырэвли (иначе ула-юндлуг и алкабёлюк), редких в анатолийской топонимии⁸ [478, т. XI, № 124, стр. 16], все другие племена обильно оставили свои названия де-

⁷ В списках племенного состава огузов Махмуда Кашгари перечислены 22 племени: кынык, кайыг, баюндур, ыва/йыва, салгур, афшар, бегтили, бюгдюз, баят, язгыр, эймюр, карабёлюк, алкабёлюк, индир, юрегир (юрекир), тутырка, ула-юндлуг, тюгер, беченек, чувалдар, чепни, чаруклуг [386, т. I, стр. 55—56]. В списке же Рашид ад-Дина приведены 24 названия, причем в ином порядке, а племя чаруклуг вообще отсутствует: кайы (кайыг Махмуда Кашгари), баят, алкараули/алкырэвли (алкабёлюк?), караули/караэвли (карабёлюк?), язар/языр (язгыр Махмуда Кашгари), дукер/дюкер (тюгер), дудурга (тутырка), япарлы (нет у Махмуда Кашгари), авшар (афшар), кырык (нет у Махмуда Кашгари), бекдили (бегтили), каркын (нет у Махмуда Кашгари), баяндур (баюндур), джаулдур (чувалдар), беджене (беченек), джилини (чепни), салор/салыр (салгур), имур/имюр (эймюр), алаюнты/алаюнту (ула-юндлуг), уркиз/уркир (юрегир), икдыр (игдир), букдур/букдуз (бюгдюз), йивэ/инве (йыва), каник (кынык) [205, т. I, кн. 1, стр. 76; 11, стр. 132].

⁸ Причем алкырэвли встречается только в форме халкаэвли.

ревням, местечкам (касаба), городским кварталам (махалле) и даже городам (например, в вилайете Измир есть уездный центр Байындыр). В топонимии вилайета Анкара насчитывается 17 племенных названий из 24 (причем отдельные топонимы повторяются многократно) [49, стр. 45]. Наиболее густа огузская топонимия в Центральной Анатолии, в западных районах ее уже меньше, а на востоке — совсем мало. Это объясняется прежде всего тем, что огузы и туркмены, пришедшие в Анатолию, были степняки. Для кочевий и поселений, как считает М. Х. Йынанч, они выбирали равнины, а не горы, и в первую очередь ими были освоены степи Центральноанатолийского плоскогорья, которое они населили наиболее плотно. К тому же степные пространства Анатолии были в это время мало населены коренными жителями, которые бежали в горы или под защиту крупных крепостей, спасаясь от беспрерывных войн: в VI — начале VII в. Анатолия служила ареной битв между Византией и Ираном, в VII—X вв. — между Византией и Арабским халифатом. Особенно сильно опустошили Анатолию византийско-арабские войны: в течение трех с половиной столетий арабы ежегодно, а то и дважды в год совершили походы на анатолийские области Византии, делали бесконечные набеги. Деревни и города разрушались, население уничтожалось или уводилось в рабство. Многие районы Анатолии совершенно обезлюдили, превратились в пустыни [526, стр. 164—165].

Только после того, как огузы и туркмены заселили Центральную Анатолию, они двинулись дальше — через горные перевалы Западной Анатолии — и вышли к Эгейскому морю, преодолели горы Ильгаз и Джаник и достигли Черноморского побережья, наконец, уже в XIII в., пройдя горы Ликии и Киликии, обосновались в долинах Средиземноморья.

Однако на морском побережье Анатолии сохранилась прежняя дотюркская топонимия — здесь было густое греческое, а на севере — лазо-греческое население. На востоке же Анатолии горы занимали курдские племена, а в долинах было многочисленное армянское, грузинское и другое дотюркское население. К тому же здесь долго отстаивали свою независимость Киликийское армянское государство (до 1376 г.) и греко-лазская Трапезундская империя (до 1461 г.), поэтому тюрки проникли сюда

лишь в османское время. Если в Восточной Анатолии, пишет М. Х. Йынанч, большинство деревень сохранило прежние дотюркские названия, то в Центральной Анатолии (и отчасти в Западной) большинство деревень носит тюркские названия. Это либо этнонимы племен, родов, племенных объединений, либо антропонимы вождей и старейшин [526, стр. 181].

Не все огузо-туркменские племена, переселившиеся в Анатолию, были представлены в равном количестве. Даже у огузов XI в. традиционное деление на 24 племени в значительной мере носило искусственный характер: уже Махмуд Кашигари приводит названия только 22 племен, остальные два названы общим именем халадж. Искусственность такого деления показал С. П. Толстов при анализе списка туркменских племен Средней Азии начала ХХ в., составленного Г. И. Карповым, где мелкие племена, фигурирующие в источниках как самостоятельные, оказываются в списке включенными в другие племена или вовсе в нем отсутствуют [222, стр. 78]. Так же было и в Анатолии — пришедшие племена не были равнозначны по численности. Одни из них в силу различных причин разрослись, другие являлись скорее осколками прежних племен, а некоторые — новыми комбинациями из частей бывших племен.

Наиболее обширно и густо расселилось племя кынык. Топонимика отмечает 28 мест, связанных с этим названием. Причем в вилайете Анкара — три раза, в вилайетах Маниса, Малатья, Афyon-Карахисар и Бурса — по два раза [478, т. V, стр. 190—198; т. XI, стр. 16]. Так как Сельджукиды были родом из этого племени, то, по мнению В. А. Гордлевского, оно, благодаря своему привилегированному положению, разрослось — мелкие подразделения других племен примыкали к нему. В списке Г. И. Карпова кынык отсутствует даже в мелких подразделениях племен [11, стр. 132]. Возможно, оно целиком ушло с территории Туркмении еще во времена сельджукских завоеваний. О том, что племя кынык было самым многочисленным в Анатолии, говорит и такой факт: во времена походов султан брал от него четыре тюмены (40 тыс.) воинов, тогда как от других племен — только по одному тюмену (10 тыс.) [52, стр. 3].

Судя по показаниям топонимики, многочисленны были в Анатолии и следующие племена: кайы — 27 дере-

вень носит это имя [468, стр. 283], баюнтур, баят, салгур, эймюр, джаултур, джибни, язгыр [478, т. XI, стр. 16—17]. Согласно сообщению Языджиоглу Али, из кайы и баюнтур назначались бейлербеи (главные беи) правого и левого крыльев [222, стр. 87], т. е. эти племена играли среди огузов важную роль и, видимо, были довольно крупными. Позднее, в XIV—XV вв., племя кайы (вернее, его отколившаяся часть), по утверждению османских летописцев, положило основу Османскому бейлику⁹, а племя баюнтур в XV в. владычествовало над Ахлатом [49, стр. 50]. В сельджукских хрониках также упоминаются беи из баюнтур [478, т. V, стр. 197]. Видимо, с этим племенем связан легендарный Баюнтур-хан [125, стр. 14—17 и сл.]. Племя баят упоминается в «Книге моего деда Коркута» в связи с районами Восточной Анатолии [125, стр. 11].

Довольно много названий осталось и от племен йыва, афшар, игдыр, тутырка, бектили, караэвли, тюгер, джаркруг [478, т. XI, стр. 16—17]. Есть несколько деревень с названием халадж. Данные топонимики подтверждаются и историческими фактами: например, афшары играли большую роль в Восточной Анатолии в XV—XVI вв., племя с названием бейдили сохранилось у турецких туркмен до наших дней, еще в XVI в. существовали в Анатолии кочевые племена халачлу [440, т. 40, стр. 115] и т. д. Есть в Анатолии населенные пункты, связанные названиями с каркын [478, т. XI, стр. 16—17], племенем, которого нет в списке Махмуда Кашгари, но которое есть у Рашид ад-Дина, а также у Абульгази, хана Хивинского [127]. Племя япарлы, фигурирующее в двух последних списках, не оставило следов в топонимии Анатолии [478, т. XI, стр. 16—17]. Ф. Демирташ не обнаружил упоминаний об этом племени и в архивных документах Османской империи XVI—XVII вв., которые он изучал [408, стр. 343]. Видимо, это племя, образовавшееся позже XI в., не ушло из пределов Средней Азии.

⁹ П. Виттек считает утверждение османских хронистов о происхождении османских султанов из племени кайы апокрифом и восводит их происхождение к военачальнику, командовавшему отрядом гази (в одной из мечетей Бурсы сохранилась надпись «Орхан, сын султана гази») [357, стр. 303]. Однако, «гази» могло быть просто титулом султана Османа, кроме того, многие хроники не именуют его султаном, а лишь беем или эмиром.

Имя кырык (в форме кырыклы и кызык) упоминается в архивных документах как название очень малочисленных подразделений [408, стр. 356—357]. С кырык можно также сопоставить название вилайета в Европейской Турции — Кыркларэли (Страна кырков), подобно роду кырк в племени гоклан у туркмен Средней Азии в списке Г. И. Карпова [11, стр. 152]. Кроме того, в вилайете Анкара есть названия деревень — кызык [49, стр. 45], а, как известно, в списке Абульгази кырык именуется ки-зики/кызык [11, стр. 132].

Кроме огузских племенных названий в топонимии Анатолии остались и чисто туркменские этнонимы, например теке. Данные топонимики о переселении этого племени (его части) в Малую Азию подтверждаются и другими фактами. И. Х. Узунчаршылы пишет, что племя теке (часть этого племени пришла в Анатолию из Хорезма и Серахса) было поселено Сельджукидами в начале XIII в. в районе г. Анталья (Юго-Западная Анатолия). Этот район долго назывался Теке эли (Страна Теке), а правители Антальи — беями Теке (Теке бейи) [510, стр. 96]. На юге Анатолии и сейчас кочует юрюкское племя текели [412, стр. 206; 419, стр. 28]. Юрюки текели упомянуты также в архивных османских документах, опубликованных А. Р. Алтынаем [371, стр. 118, 207].

ЧИСЛЕННОСТЬ ТЮРОК В АНАТОЛИИ XI — XII вв.

Косвенным путем и, конечно, очень приблизительно можно определить общую численность огузо-туркменских племен, пришедших в Анатолию с Сельджукидами. В битве при Манцикерте у Алл-Арслана было 55—60 тыс. воинов [480, т. II, стр. 59]. Впоследствии численность войск, находившихся в Малой Азии, возросла. Об этом говорят византийские и сельджукидские источники. Султан Мелик-шах направил в Анатолию во главе с Артук-беем и эмиром Тутаком 100 тыс. тюркских воинов, которые обосновались в Каппадокии в 1072 г. [526, стр. 174]. «Из внутренних стран Востока явился с огромным войском варвар Тутах», — сообщает об этом Анна Комнина [15, стр. 58]. По словам Языджиоглу Али, Су-

лейман-шах вторгся на территорию Анатолии сначала с 80 тыс. (1078—1079), затем со 120 тыс. туркмен [526, стр. 174].

В «Сиясет-намэ» Низам ал-Мулька сказано, что у Мелик-шаха было 400 тыс. всадников, которые получали «кормовые» (улуфе), «состояли на содержании»: «около четырехсот тысяч всадников состоят на содержании» [210, стр. 166—167]. Глава 42, в которой содержатся эти сведения, относится, по мнению Б. Н. Заходера, к той части «Сиясет-намэ», где находится подлинное сочинение Низам ал-Мулька [210, стр. 311], поэтому эти данные обладают большой степенью достоверности. Основываясь на этом, М. Х. Йынанч делает такой расчет: в Анатолии должно было находиться не менее одной трети войска, т. е. 130—140 тыс. человек. Если считать, что на одного воина приходилось четыре члена племени, то всего будет около 520—560 тыс. человек. Прибавляя к этой цифре племенные ополчения и те племена и племенные подразделения, которые самочинно присоединялись во время походов к армии, а также поселенных византийцами тюрок-христиан в проходах Тавра и Каппадокии, М. Х. Йынанч доводит численность тюркского населения Анатолии в XI в. до 1 млн. человек [526, стр. 174]. Однако нужно иметь в виду, что в войсках «Великих Сельджукидов» были не только огузо-туркменские воины, но и воины из пленных рабов, среди которых, правда, также имелись тюрки (кыпчаки и др.).

Другой турецкий историк — И. Кафесоглу считает, что число огузов и туркмен в Анатолии в это время равнялось 550—600 тыс. [445, стр. 162].

Как отмечалось выше, анатолийский султан брал от каждого племени по 10 тыс. воинов (по одному тюмену), только от «своего» племени кынык — четыре тюмена. Всего в Анатолии было не менее 24 племен (если не больше, так как деление на 24 племени являлось скорее традиционным, искусственным, чем реальным), значит войско султана равнялось 270 тыс. человек ($40\,000 + 10\,000 \times 23$). Из расчета по четыре члена племени на каждого воина получим 1080 тыс. человек. Правда, это было позднее XI в., так как хроника Ибн Биби, где говорится о количестве выделяемых племенами тюменов, охватывает 1188—1282 гг. Поэтому нужно учитывать естественный прирост населения более чем за 100 лет, а

главное — непрерывный приток свежих сил из Хорасана и Средней Азии. Кроме того, тюмен не всегда составлял точно 10 тыс. человек, он мог быть и меньше.

Тем не менее, учитывая все эти обстоятельства, можно предположить, что тюркских кочевников, переселившихся в Анатолию в XI в. (основную массу их составляли огузские и туркменские племена), было примерно 500—700 тыс., а позже, в XII — начале XIII в., их число приближалось к 1 млн. человек.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН АНАТОЛИИ

Основу тюркских племен Анатолии в XI—XIII вв. составляли огузы и туркмены. Этот пласт был таким мощным, что даже до наших дней отчетливо выступает при исследовании туркменских племен Малой Азии, сохранившихся в восточных районах Анатолии. Так, часть туркменских племен в Турции сохранила огузские названия: байындыр, баяд, чепни [519, ч. I, стр. 6—8], авшар [478, т. V, стр. 198]. В Турции сохранились также племена гюнеч, барак, караташлы, кара-коюнлу [519, ч. I, стр. 6—8]. Все эти названия — огузского и туркменского происхождения. Племенные подразделения гюнеч и барак существуют у среднеазиатских туркмен (соответственно у эрсари и йомудов) [120, табл.]. Племя кара-коюнлу известно как основатель одноименного туркменского государства. Караташлы (карадашлы) сохранились в Туркмении как самостоятельное племя [11, стр. 132]. По свидетельству Абульгази, они — потомки огузского племени язгыр.

Обширные сведения о туркменских племенах Малой Азии обнаружил Ф. Демирташ в архивных документах Османской империи XV—XVIII вв. В них упоминаются почти все те племенные названия, которые есть в списках Махмуда Кашгари, Рашид ад-Дина и Абульгази. Лишь иногда некоторые племенные названия, носители которых прежде представляли собой крупные и могущественные племена, прилагались уже к небольшим подразделениям (кайы, кынык), что говорит о произошедшем распаде племени или отделении от него небольшой группы или же

о переходе основной части племени к оседлости, смешении с коренным населением и утрате прежней племенной общности. Другие же племенные названия в этих документах, наоборот, прилагались к крупным, часто даже нескольким объединениям племен, как, например: авшар, баяд, бейдили. Так, в XVI—XVII вв. несколько объединений авшаров было в улусах (племенных объединениях) туркмен Халеба, Дулкадырлы и др. [408, стр. 345—350].

Сохранились у турецких туркмен и родовые тамги огузов. Ими таврят крупный рогатый скот и верблюдов. Употребляются они как обереги¹⁰.

Эвлия Челеби в своей «Книге путешествия» (т. III) дал о языке анатолийских туркмен XVII в. такие сведения, которые говорят о его связях с диалектами туркмен Средней Азии сельджукского периода. «Наречия туркмен, как и они сами, происходят из области Бухары. Выйдя из Мавераннахра, туркмены под названием данишмендли, ак-коюнлу, сельчук проникли в Анатолию» [484, стр. 1714]. Эвлия Челеби приводит несколько туркменских слов и дает их значения: ырвана — верблюдица, гюмеч — хлеб, кекримси — вино, дутук — покрывало невесты, ушак — парень, ченди — пожницы, гёзю — зеркало, гёкчек — красивый и др. [484, стр. 1714]. Большинство этих слов не употребляется в современном турецком языке, тогда как в ряде диалектов современного туркменского языка Средней Азии эти слова, иногда с незначительными фонетическими изменениями, имеют те же самые или близкие по смыслу значения.

Огузо-туркменский пласт довольно четко обнаруживается и при исследовании юрюкских племенных названий. В XVI в. в окрестностях Ушака жило юрюкское племя баят, среди анкарских юрюков были языры (сары-языр и кара-языр), в районе Сиваса в племенное объединение улу-юрюк входили додурга, они были и среди анкарских юрюков; в Ушаке и Айдыне жили юрюки-авшары [408, стр. 327, 333, 340, 344, 353]. В 1522 г.

¹⁰ Родовые тамги огузов исстари имели значение не только родовых знаков собственности, но и родовых символов, обладающих чудодейственной силой. Отсюда употребление их в качестве оберегов,

небольшое племя каиы зарегистрировано у анкарских юрюков [407, стр. 573]. Возможно, что раньше среди юрюков было больше подразделений каиы, но они осели. Это подтверждает топонимия: в вилайете Анкара и вообще в Центральной Анатолии многие населенные пункты носят название каиы [468, см. карту]. В районе Болвадина жило юрюкское племя сельчюклю [407, стр. 595], а, как известно, сельджуки (по-турецки сельчюки) происходили из огузов. Некоторые юрюкские племена имели огузские тотемные названия, например племя боз-доганлы (это племя сохранилось до наших дней в Южной Анатолии [518, стр. 356]. Доган (сокол) был онгоном (тотемом) первых четырех племен правого крыла огузов [49, стр. 45]. Племенные названия каджар, кара-коюнлу, текели — юрюкские племена с этими названиями сохранились в Турции до наших дней [433, стр. 5, 11, 28] — туркменского происхождения. Кстати, в племенах каджар и кара-коюнлу бытуют предания о том, что они пришли в Турцию из Средней Азии и Ирана [433, стр. 41—42]. Юрюкские племена караэвли, эймирли, чипни, также сохранившиеся поныне, видимо, огузского происхождения [390, стр. 935; 382, стр. 82; 519, ч. III, стр. 31]. Встречаются у современных юрюков и тамги огузов [522, стр. 430]. Имена собственные у юрюков в XVI—XVII вв. в большинстве были огузо-туркменского происхождения — Салтук, Артук, Дурсун, Кылыч, Арслан, Доган, Атмаджа, Токдамыш, Курт и т. п. [426, стр. 57, 101—104].

Отголоски традиционного огузского деления на 24 племени можно видеть в том, что, согласно Канун-на-мэ (Свод законов) османского султана Сулеймана I Кануни (1520—1566), совет племенных юрюкских вождей состоял из 24 человек [479, стр. 106]. А у сельджукского султана Ала ад-Дина Кейкубада в диване (правительственном совете) было 24 кятиба и мюнши (секретаря и писаря) [479, стр. 106].

Все эти факты убедительно подтверждают преобладание среди тюрок Анатолии в XI—XIII вв. огузов и туркмен.

Однако факты говорят и о присутствии других тюрк на территории Анатолии в это время. Выше уже говорилось о первоначальных тюркских элементах, которые проникали в Малую Азию до сельджукского заво-

евания. Кроме того, вместе с огузами и туркменами могли прийти и другие тюркские племена, захваченные мощным потоком сельджукского движения и переселения племен.

Действительно, анализ тюркской топонимии Малой Азии показывает, что, наряду с огузо-туркменской топонимией, встречаются и топонимы, связанные с другими тюркскими этнонимами: карлук, кыпчак, чигиль, уйгур, агачери, куман, хазар [см. 469]. Но, как справедливо отмечает М. Х. Йынанч, трудно установить, когда пришли в Анатолию эти племена — до сельджукского завоевания, во время его, а может быть, и позже, во время монгольского нашествия [526, стр. 173]. Данные топонимики подтверждаются и этнографическими материалами.

Так, например, у современных турецких кочевников (юрюков, а также тахтаджей) бытует, правда не у всех племен, архаический тип кочевого жилища — алачик (полусферический шалаш из ветвей, крытый войлоком) [433, стр. 48—49; 380, стр. 204]. А из этнографии среднеазиатских тюрок известно, что алачик характерен для ранних тюркских пришельцев в Среднюю Азию, которыми были, возможно, еще доогузские тюроки [см.: 116; 117; 118].

Таким образом, среди юрюков и тахтаджей выделяется какой-то неогузский и нетуркменский пласт. Далее, юрта современных туркмен Турции близка к юрте карлуков [91, стр. 44—45; 92, стр. 6]. Эта связь между жилищами туркмен и карлуков подтверждает мнение А. А. Рослякова о том, что в состав туркмен в X—XI вв. входили не только огузы (правильнее — часть огузов), но и представители многих других тюркских племен, во всяком случае часть карлуков. О том, что туркменами назывались не только огузы, но и карлуки, пишет также Махмуд Кашгари. У современных туркмен Средней Азии подразделение карлук есть в племени арабачи [207, стр. 84, 89, 94]. Юрта типа карлукской могла попасть на территорию Турции только вместе с самими карлуками.

Наконец, у некоторых племен юрюков распространен способ сбивания масла путем раскачивания подвешенного на треноге бурдюка [517, № 103, стр. 12—13; № 106, стр. 14]. Это также одна из черт, присущая тем

тюркским племенам, которые появились в Средней Азии одними из первых [117, стр. 7].

Итак, в Анатолии в XI—XIII вв. оказалось много различных тюркских племен. Основную массу их составляли огузы и туркмены, но были и другие тюркские племена — тюрки с Балкан (печенеги, узы, половцы), а также многие тюрки из Средней Азии (например, карлуки).

СМЕШЕНИЕ ТЮРОК С МЕСТНЫМИ КОЧЕВНИКАМИ АНАТОЛИИ

Уйдя далеко на Запад, среднеазиатские тюркские племена совершенно порвали связи с родственными им племенами Средней Азии, откуда, собственно, и начались сельджукские завоевания [11, стр. 109—110]. Значительные массы огузов и туркмен, переселившиеся в Малую Азию, оторвались от своих среднеазиатских со-племенников, и дальнейшая их судьба была связана уже не с историей среднеазиатских тюрок (например, туркмен), а с историей турецкого народа [113, стр. 254]. Прежде всего, огузы и туркмены, как и другие тюрки, оказавшиеся в Анатолии, попали как бы в обособленный от других тюрок круг, в котором происходили перегруппирования между племенами, их перемещения, смешение с другими кочевниками и с местным оседлым населением. Кочевые племена легко меняли районы своего обитания, легко входили в новые объединения племен [468, стр. 268]. Политические вначале, эти объединения в итоге становились этническими.

Прежде всего, тюркские племена, даже еще не переходя на оседлость, подверглись в Малой Азии этническому смешению с определенными группами местного населения — дотюркскими кочевниками Анатолии и Фракии. Не исключено, что уже первые тюрки, появившиеся в Анатолии и на Балканах, вобрали в себя часть этих дотюркских кочевников. (Отдельные мелкие подразделения тюркских племен могли быть поглощены и местными кочевниками). Так, современных валахов и часть каракачан, кочующих на Балканах и в Европей-

ской Турции¹¹, можно считать остатками местного кочевого населения.

В Анатолии, кроме курдов, существовали, видимо, и другие племена кочевников нетюркского происхождения. Об этом косвенно свидетельствует хотя бы такой факт: во времена Цезаря Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) Анатолия славилась тучными стадами овец и коз, из Юго-Западной Анатолии (где курды никогда не жили) в Рим вывозили шерсть, шерстяные ткани, длинные шерстяные носки, войлочные плащи, кожаную обувь [333, стр. 79]. Длинные шерстяные носки и войлочные плащи распространены у отдельных юрюкских племен Турции и ныне [394, стр. 90; 381, стр. 215]. В районе Измира до сих пор обитают зейбеки, которых относят к юрюкам, но их происхождение точно не выяснено. Зейбеки говорят по-турецки, но сильно отличаются от турок и юрюков своей материальной и духовной культурой. Например, для них характерен высокий головной убор особого покроя, повязанный платком, они носят короткие, выше колен, штаны, ярко вышитые жилеты и т. д. Очень отличаются от турецких и юрюкских танцы и песни зейбеков [284, стр. 1292].

Об этническом смешении огузов и туркмен можно сказать более определенно. Уже в раннем средневековье огузы, как известно, не представляли собой устойчивого и однородного в этническом отношении союза племен. Они вбирали в себя местные, по преимуществу кочевые, группы, например, в XI в. — одно из печенежских племен. Эти включившиеся элементы долго сохраняли свои особенности в составе того или иного огузского племени [11, стр. 5]. То же самое наблюдалось и в отношении огузов и туркмен, пришедших в Анатолию. Вожди курдских племен, враждовавшие с армянскими князьями и их сюзереном — Византией, заключили союз с тюрками-сельджуками и участвовали в их походах. Это были курдские племена джеляли, бухти, бешневи, мазинджани, хюмейди, хаккяри, зевезани (заза) и др. [526, стр. 186]. Тесно смыкаясь с огузами и

¹¹ Еще в 30-е годы XX в. каракачаны зимой кочевали в Европейской Турции, доходя до Галлиполийского полуострова, а летом уходили в Болгарию [412, стр. 207]. А. Хаджимихали пишет, что прежде в Турции каракачаны при перекочевках доходили до Каппадокии [529, стр. kd].

туркменами, они входили в состав их племен, даже принимали их племенные названия¹². Курды, влившиеся в массу огузов и туркмен и в большинстве своем впоследствии ассимилировавшиеся с ними, видимо, были очень многочисленными. Благодаря этому курдскому пласту возникла позднее (в XV в.) новая кочевая тюркоязычная этническая общность — юрюкские племена. Даже отдельные турецкие авторы утверждают, что современных кочевых юрюков трудно отличить от курдов [398, стр. 84]. Ф. Х. Хэслак и М. Цакироглус прямо пишут, что некоторые из юрюков — курды по происхождению [295, т. I, стр. 129; 350, стр. 367—371]. Много у юрюков курдских заимствований в языке [350, стр. 367]. Ф. Байрактаревич отмечал, что несколько юрюкских племен даже говорят по-курдски [284, стр. 1242]. Особенно значительны у юрюков курдские заимствования в области материальной и духовной культуры. Например, они полностью переняли у курдов кочевое жилище — кара-чадыр (черный шатер)¹³, которого у тюрок в Средней Азии не было [286].

По замечанию В. А. Гордлевского, Ибн Биби не считал племя гермиян тюркским: во время восстания Баба-Исхака в 1239 г. султан вызвал из Малатии, говорится в его хронике, «тюрок и гермиян». Значит хроника различала их. Поэтому В. А. Гордлевский предполагает курдское происхождение этого племени [49, стр. 148]. К такому же мнению склонялся и Кл. Каэн [268, стр. 352—354]. Таким образом, возможно, что одно из крупнейших в Малой Азии тюркских племен XIII в. — гермиян — было курдским по происхождению. Кроме того, как отметил М. Х. Иынанч, сипахи (мелкие военные ленники) в Румском султанате были не только из огузов, туркмен и других тюрок, но и из курдов [526, стр. 159].

Процесс смешения тюрок с курдами иногда заходил так далеко, что часть огузов и туркмен на востоке Ана-

¹² Позже, например в XVI в., курды также входили нередко в туркменские племенные объединения Восточной Анатолии. Так, в объединении Боз-улус входило несколько курдских племен: гевхер, лек, антер, джеляхир, джек и др. [406, стр. 30—32].

¹³ Покрытие кара-чадыра ткется из черной козьей шерсти, сам шатер в плане прямоугольен, крыша — двускатная, поддерживается шестами. Такой тип шатра встречается и у других кочевников Западной Азии — арабов, афганцев, белуджей и др. [97, стр. 61—62].

толии была курдизирована. Например, К. Кемаль приводит такие названия современных курдских племен, обитающих в районе Газиантепа: афшар, барак, кырык, торун [451, стр. 26]. Все эти названия — огузо-туркменские, т. е. в результате курдизации от огузо-туркменских племен остались лишь их этнонимы. В районе Диярбакыр — Битлис — Сиирт кочуют курды бадилли (искаженное бейдили, также огузо-туркменское племенное название) [451, стр. 26]. Правда, процесс курдизации мог произойти и позже. Так, в конце XIX в. в Турции жили кочевые племена кара-баглы и жебанлы (чобанлы), которых современник этого периода Д. В. Путята причисляет к курдским [202, стр. 93], в архивных же документах XVII в., опубликованных А. Р. Алтынаем, кара-баглы и чобанлы записаны еще как туркменские племена [371, стр. 219]. Однако Ф. Демирташ отмечает, что в финансовых документах Урфы уже в XV—XVI вв. племя с огузским названием дёкер обозначено как курдское и что среди налогоплательщиков из этого племени есть тюркские имена [408, стр. 335, пр.]. Это уже свидетельствует об очень ранней курдизации части огузов.

На юго-востоке Анатолии и в Сирии огузы и туркмены подверглись очень сильному арабскому влиянию. В Мардине, например, в XVIII в. туркмены говорили по-арабски [49, стр. 46]. У туркмен, живущих ныне южнее Газиантепа, много заимствований из арабской материальной культуры. До сих пор сохранились арабизированные потомки туркмен в Сирии [519, ч. I, стр. 36].

Все эти процессы — распад племен, их перегруппировки, смешение друг с другом и иноэтническими (не-туркскими) кочевниками — привели к тому, что большинство прежних огузских и туркменских племен впоследствии исчезло. Вместо них появились новые племена с новыми именами: иналлу, эльбейлю, данишмендлю, дульгадырлу (зульгадирлю), тараклу, баходырлу, шамлу, румлу, арапкирлю, семишкезеклю, байбуртлу, марашлу, устаджлу, тухарлу, алпавуг, варсак, күштемирлю, эльванлу, айдынлу, саруханлу, гермиянлу, бекмешлю, боздоганлу, каракечилю, сарыкечилю, акчакоюнлу, токтемирлю, кодаллу, кумарлу, теджирирлю, гюндюзлю, менеменлю, ягыбасанлу, езерлю, джеритлер, тургутлу, баязытулу, торасан, турханлу, чапарлу, турфанлу, хамидлю, косунлу, эсенлю, чавушлу, дюндарлу, ментешелю,

караисалы, рамазанлу и др. [526, стр. 173—174]. Как видно, новые племенные этнонимы произошли либо от названий мест расселения племен (шамлу: Шам — Сирия; румлу: Рум — Византия; байбуртлу: Байбурт — город в Анатолии; марашлу: Маращ — тоже город в Анатолии и т. п.), либо от имен вождей (данишмендлю, ягыбасаплу, тургутлу, баязыту, караисалы, рамазаплу) и наименований родов, возглавивших новообразованноеся племя (гермиянлу, каракечилю, сарыкечилю, акчакоюнлу и др.).

Отметим как аналогию, что в Туркмении к XIV—XV вв. тоже сформировался ряд племенных групп с новыми именами. Из недр салоров вышли эрсари, теке, сарык, юмуд. Заново возникли племена гоклен, хыэрэли, али-или, тиведжи и др. Этих племенных названий нет ни у Махмуда Кашгари, ни у Рашид ад-Дина. Некоторые племена, видимо, не огузского происхождения — буркас, олам, агар, эски, сакар и др., но уже Абульгази причислял их к туркменам. Только четыре племени сохранили старые названия (иногда с фонетическими изменениями) — чаудор (прежнее чувалдар/джаулдор), имрели (прежнее эймюр/имур), салор и игдыр — из числа 24 традиционных названий огузских племен [11, стр. 162].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что тюркские племена часто включали в себя не только кровнородственных лиц, а и целые группы из других родов и племен. В связи с этими фактами, показывающими гетерогенность тюркских племен Анатолии, следует отметить, что такая особенность характерна вообще для всех кочевых племен. Так, монгольские и тюркские кочевые племена XIII—XV вв., как показал Б. Я. Владимирцов, не были объединениями, основанными на кровном родстве, а искусственно составленными из осколков разных более древних родо-племенных групп, распавшихся еще в период до Чингисхана [36, стр. 137]. А в отношении тюркских племен Азербайджана XVI—XVIII вв. И. П. Петрушевский пришел к выводу, что эти племена могли состоять и из осколков разных племен [196, стр. 95]. Кашкайские племена Фарса на протяжении своей истории тоже не были этнической общностью, связанной единым происхождением. В разные периоды к ним присоединялись различные тюркские племена (на-

пример, халаджи) и нетюркские группы и элементы (лаки, кухгилуйе, мамасани, бахтиары); ряд ученых (Г. Керзон, О. Гаррод) отмечал большую роль луров в этногенезе кашкайцев [107, стр. 30]. Гетерогенность присуща и бедуинам Аравии [194, стр. 130], и бахтиарам (в этногенезе последних участвовали и тюркские и арабские племена [226, стр. 155]), и племенам Афганистана (пуштуналы, хазарейцам, чараймакам и др.), представляющим собой конгломераты отдельных групп, далеко не всегда родственных между собой [68, стр. 6].

Все это лишний раз подтверждает вывод М. О. Косвена и его последователей, основанный на обширном материале, полученном при изучении многих народов, об объединении разных патронимий в крупные этнические общности — племена [128, стр. 102—104, 189—190]. А. А. Давыдов конкретизировал этот вывод на примере племен Афганистана. Он пишет, что одной из главных причин объединения патронимий в крупные племена была необходимость организации совместной обороны их территории от посягательств феодальных государств (и, добавим, других племенных объединений) [68, стр. 6]. Другой причиной, по нашему мнению, могло быть стремление феодализирующейся племенной верхушки к захвату новых пастищ, что вело к союзу с другими патронимиями. В ряде случаев, пишет далее А. А. Давыдов, эти союзы и объединения оказывались весьма прочными и приводили к созданию устойчивой этнической общности, которая с течением времени получала идеологическое оформление путем выработки легендарного генеалогического древа, связывавшего между собой как действительно родственные, так и неродственные патронимии единым «родством» и происхождением от общего «родоначальника». По-видимому, с самого начала первостепенную роль в создании военно-племенных союзов играла феодализированная верхушка отдельных патронимий — вожди, старейшины, мусульманское духовенство. При существовании частной собственности отдельных семей на скот, наличии рабов и феодальнозависимых, эти племенные союзы возникали не просто как этнические (или в самом начале — политические), но по своей социальной сущности как ранне-классовые военно-феодальные образования [68, стр. 6—7]. Таким образом, племена кочевников средневековья

(в том числе и тюрские) и их родо-племенной строй, вернее сложившиеся у них патриархально-феодальные отношения, в корне отличались от первобытнообщинных племен и их родового строя.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МАЛОЙ АЗИИ В XI — XIII вв.

Этнический и религиозный состав населения Малой Азии в XI—XIII вв. был очень пестрым. Прежде всего, сохранилось многочисленное коренное население, продолжавшее исповедовать свои прежние религии. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в XIII в. джизье (подушный налог на немусульман) составлял, как отмечает О. Туран, ссылаясь на Аксараи, одну из важнейших статей дохода Румского султаната [351, стр. 139]. Армянские источники (например, сочинение Хайтона, или Хетума I, царя Киликийского армянского государства) также сообщают, что в Малой Азии в середине XIII в. жили греки, армяне, яковиты (т. е. ассирийцы и халды) и тюрки [251, стр. 150; 255, стр. 17]. Г. де Рубрук, путешествовавший по Анатолии в 1253—1255 гг., пишет: все обитатели Марсенгена (другие названия этого населенного пункта: арм. — Маназкерт, греч. — Манцикерт, араб. — Меджикарт; ныне северо-западнее оз. Ван есть турецкая деревня Малазгирт) — армяне, курги (т. е. грузины), греки, но владычество над ними принадлежит исключительно сарацинам (т. е. мусульманам) [119, стр. 190]. Марко Поло (конец XIII в.) сообщает, что армяне и греки живут вперемешку по городам и городищам [181, стр. 56], а на юго-восточной границе Великой Армении живут христиане — яковиты и несториане¹⁴, а к северу от них — грузины [200, стр. 56].

¹⁴ Несториане — последователи восточнохристианского вероучения, основатель которого константинопольский патриарх Несторий был отлучен от православной церкви как еретик на III Вселенском соборе в Эфесе (431 г.). Несторианами являются в основном ассирийцы (айсоры). Яковиты — другие «еретики» во главе с епископом Яковом Барадэем, отлученные от православия на Халкидонском соборе в 451 г. Среди яковитов есть халды и ассирийцы.

Интересные сведения о населении Анатолии приводит Ибн Баттута (путешествовал в начале 30-х годов XIV в.). Прежде всего он пишет, что в Анатолии «много христиан, которые под властью мусульман-туркмен» [301, стр. 415]. Описывая Анталью, Ибн Баттута отмечает, что в ее кварталах, окруженных стенами, живут греки, евреи, христиане-купцы, а мусульмане живут в основном городе (в центре?) [301, стр. 418]. В Лядике, по его словам, много греков, подвластных мусульманам и платящих джизье и другие налоги [301, стр. 425]. В Эрзинджане большинство жителей — армяне [301, стр. 437]. Небольшой городок Гейнюк в Западной Анатолии населен «неверными греками под управлением мусульман», «здесь только один дом мусульман... они правители греков» [301, стр. 456]. Ибн Баттута упоминает также об одной деревне туркмен и о деревнях, населенных «неверными греками», которыми управляют мусульмане [301, стр. 456, 466]. Таким образом, из сообщений Ибн Баттуты вытекает, что во многих районах Анатолии мусульмане составляли меньшинство населения, за исключением, быть может, некоторых районов восточных и юго-восточных областей, где были многочисленные, кроме тюрок, и другие мусульмане — курды и арабы.

На северо-восток же Анатолии, где сохраняла независимость греко-лазская Трапезундская империя, тюркский элемент почти не проник. Мало было тюрок и на территории Киликийского армянского государства, где жили преимущественно армяне, ассирийцы, греки, арабы [162, стр. 16, 18], как об этом пишет западноевропейский путешественник Вильбранд Ольденбургский, посетивший Киликию в 1212 г.

Данные об этническом составе населения Малой Азии можно почертнуть также из тюркоязычных эпических произведений. Так, «Книга моего деда Коркуда», возникшая не раньше XI в. и окончательно сложившаяся не позже первой половины XV в., описывая события в восточной части Анатолии, «гяурами», с которыми приходится иметь дело тюркам, называет трапезундских греков, грузин, абхазцев [125, стр. 142, 49]. Другой памятник малоазийских тюрок — «Сказание о Мелике Данишменде», в котором описаны события второй половины XI в. и XII в., также свидетельствует об этнической

и религиозной пестроте населения Анатолии. Кроме тюрок там фигурируют румы (т. е. греки), арабы, грузины, армяне [39, стр. 75, 82, 83, 103, 112, 117].

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АНАТОЛИИ В XI – XIII вв.

Переход тюрок к оседлости и его значение для этнических процессов

Основным занятием огузов и туркмен в Средней Азии в X—XI вв. наряду с существованием отдельных полуоседлых и оседлых групп, занимавшихся также земледелием и рыбной ловлей, было кочевое экстенсивное скотоводство [9, стр. 94—95, 87]. Большим подспорьем у кочевников был охотничий промысел [9, стр. 93]. В городах огузы и туркмены занимались и ремеслами [9, стр. 97—98]. Примерно такое же положение складывалось вначале и у тюрksких племен (основу их составляли огузы и туркмены) в Анатолии: их главным занятием оставалось кочевое скотоводство. Так, мемуарист третьего крестового похода Тагенон писал (1190 г.), что тюрки в Конье жили в шатрах [49, стр. 125]. Марко Поло дает такую характеристику туркменам Анатолии: «живут они в горах и в равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством» [200, стр. 56]. Примерно так же описывал туркмен и итальянский монах-доминиканец Р. Монтекроче, посетивший Малую Азию на рубеже XIII—XIV вв. [251, стр. 276]. Марко Поло упоминает о «добрых туркменских лошадях», «хороших дорогих мулах» [200, стр. 56]. О «добрых конях» сообщает и Хайтон [251, стр. 199]. Видимо, это были знаменитые туркменские лошади, приведенные туркменами из-за Каспия. Позже, в османское время, как и ныне, Анатolia лошадьми уже не славилась. У Марко Поло говорится и о периодических кочевках тюрksких племен: летом в северо-восточные области Малой Азии приходят «толпы левантских татар (турок.—Д. Е.), потому что летом здесь привольные пастбища, зимой они уходят туда, где тепло, есть трава и пастбища» [200, стр. 56]. Известно также, что

помимо скотоводства некоторые племена занимались извозом и изготовлением ковров [311, стр. 56].

Однако часть огузов и туркмен стала заниматься и земледелием, переходить на оседлость. Так, в эпосе «Деде Коркуд», наряду с рассказами о том, что огузы часто занимаются охотой, совершают набеги на гяуров, откочевывают на летовки, живут в шатрах, имеют огромные стада овец и табуны лошадей (причем подчеркивается, что это — их основное богатство), есть очень характерное упоминание о принадлежащих им виноградниках в горах. Таким образом, огузы имели уже свои виноградники [125, стр. 22—23, 60, 73, 77]. На это обратил внимание А. Ю. Якубовский [125, стр. 121]. А Ибн Баттута встретил деревню туркмен [301, стр. 456]. Здесь мы имеем дело с начавшимся процессом оседания тюрок-кочевников на землю в Анатолии, что явилось первым шагом к их прочному поселению на захваченных территориях, внедрению среди местного населения, сближению с ним и его последующей ассимиляции.

Забегая вперед, отметим, что этот процесс растянулся на очень длительный срок: даже до наших дней сохранились в Турции остатки тюркских племен, которые продолжают вести чисто кочевой образ жизни, — юрюки [526, стр. 176]. На востоке Анатолии часть бывших кочевников сохранила полукочевой образ жизни. Это — туркмены. Разница между юрюками и туркменами состоит, в частности, в том, что первые, видимо, удержали больше древнетюркских элементов (доогузских и огузских), которым более свойствен был чисто кочевой образ жизни. А вторые — частично восходят к более позднему пласту, туркменам Средней Азии и Ирана, впитавшим еще на подходах к Малой Азии много элементов оседлого быта, главным образом иранских. Об этом говорит, например, язык среднеазиатских туркмен XIII—XIV вв. В нем много земледельческих терминов — армуд (груша), нар (гранат), зердалу (персик), кавун (дыня), леблеби (горох), марчимак (чечевица), харман (гумно), баг (сад), бостан (огород) [9, стр. 95—96]. Все эти термины иранского происхождения [98, стр. 70].

Часть тюрок осела, поселившись в новых деревнях, или подселившись в уже существовавшие деревни и города, образовав в них новые кварталы [526, стр. 176].

Иногда тюрки занимали брошенные местными жителями деревни [485, стр. 380]. Эти осевшие тюрки, начавшие заниматься земледелием, положили основу тюркским крестьянам Малой Азии. Они сохранили самоназвание «турк», общее для всех тюркских племен средневековья, но прежние свои племенные этнонимы утратили.

В городах и крепостях осели дружины беев и эмиров, участвовавших в завоевании Анатолии [526, стр. 176]. Вместе с ними появились сборщики налогов и прочие служители управленческого аппарата, имамы, муллы и др. Эти элементы составили привилегированный класс. Называли они себя чаще всего мусульманами, в отличие от других религиозных групп, находившихся в угнетенном положении. Кроме того, как мы увидим дальше, среди них преобладали не тюрки, а мусульмане иных этнических групп или новообращенные местные жители.

Исламизация местного населения и другие факторы этнического смешения

Но оседание тюрок было лишь одной стороной начавшегося этнического процесса. Другая сторона заключалась в исламизации покоренного местного населения¹⁵, что впоследствии часто заканчивалось тюркизацией.

Иногда исламизация происходила добровольно. До прихода Сельджукидов местное христианское население зависело от Византии, налоговый гнет которой тяжело давил горожан и крестьян. Как отмечает М. В. Левченко, в XII в. многие города и села обезлюдили — жители, спасаясь от налогов и поборов, бежали к тюркам-сельджукам [143, стр. 223—224]. Сельджукские султаны использовали это недовольство правлением Византии в своих целях. Сулейман Кутулмуш провел в конце XI в. социальную реформу, как пишет В. А. Горлевский: крепостных и рабов, работавших на латифундиях в Ма-

¹⁵ До сельджукского завоевания подавляющее большинство местного населения Малой Азии исповедовало христианство (православие — греки, грузины, лазы и др.; григорианство — армяне; несторианство и яковитство — ассирийцы и халды и т. п.). Лишь в юго-восточных районах Анатолии преобладали мусульмане — арабы и курды [351, стр. 137].

лой Азии, он объявил свободными, и они массами стали переходить в ислам¹⁶. Так и позже Сельджукиды привлекали к себе из Византии крестьян [49, стр. 93]. Об этом косвенно говорят и сельджукские документы. Так, согласно вакуфной записи, составленной сельджукским эмиром Алтун-аба в Конье в 1202 г., доход от этого вакуфа должен был идти частично и на расходы по обрезанию и религиозному обучению новообращенных в ислам христиан, иудеев и язычников [351, стр. 140].

Исламизация местного населения стимулировалась также тем, что мусульмане платили гораздо меньше налогов, чем христиане, и пользовались большими правами. Налог-рента на крестьян-мусульман (ашар) равнялся одной десятой урожая, а налог-рента на крестьян-христиан и других (харадж) составлял уже от одной трети до половины урожая. Кроме того, трудоспособные немусульмане-мужчины (исключая рабов) платили еще личный налог (джизье). Естественно, что переход в ислам был выгоден материально.

Особенно многое перешло в ислам армян. Это было вызвано отчасти религиозным антагонизмом между армянами и византийцами¹⁷. Армяне, изнывавшие еще и от религиозного гнета Византии, в первое время радостно приветствовали появление в Малой Азии огузов и туркмен [49, стр. 67]. С. Т. Еремян, основываясь на армянских и грузинских источниках, пишет, что переход армян в ислам был обычным явлением [99, стр. 67]. Многие местные феодалы (греки, армяне, грузины и др.) принимали ислам из личной выгоды или по политическим соображениям. В «Сказании о Мелике Данышменде» рассказывается, что многие мелкие феодалы, преследуя личную выгоду, легко меняли веру. Междуусобные распри, желание захватить побольше земель заставляли представителей феодальной знати, как пишет

¹⁶ Арабское слово «райя» (паства) только в XVIII в. стало применяться лишь к христианам. Раньше так называли и крестьян-мусульман [49, стр. 94], т. е. сю не имело презрительного оттенка «стадо».

¹⁷ Армяне, как известно, приняли христианство в самом начале IV в. Армянская церковь в V—VI вв. отделилась от римской и стала самостоятельной. По имени Григория Просветителя она называется григорианской. После завоевания Византией большей части Армении Константинопольский патриархат все время стремился подчинить армянскую церковь своей власти, но безуспешно.

В. С. Гарбузова, перебегать в лагерь Данышменда [39, стр. 157]. Например, младшие братья повелителя г. Токата, за что-то обидевшись на него, приняли ислам и участвовали во всех походах Данышменда. Уничтожив старшего брата, один из них стал наместником Токата, а другой — видным военачальником, впоследствии также наместником в ряде городов [39, стр. 158]. Другой пример. Младший брат одного из феодалов, Янич, желая завладеть землями брата, охотно принял ислам. С его помощью Данышменд разбил войско феодала. Янич получил замок брата и женился на его дочери Маргарите [39, стр. 158]. Таких ренегатов было много в стане Данышменда. Его ближайшими сподвижниками были Артухи, Эфрумие и Саркис. Их имена указывают на армянское происхождение. Представители местной феодальной знати, они перешли в ислам и присоединились к Данышменду [39, стр. 108]¹⁸.

Сам Данышменд, женившись на армянской княжне, положил начало династии, которой историографы XIII в. приписывали армянское происхождение [49, стр. 27; 40, стр. 103; 516, стр. 468]. А С. Т. Еремян предположил, что Данышменд — это Рат, один из сыновей знаменитого армянского полководца Липарита [99, стр. 68—70]. Турецкий историк М. Х. Йынанч также считает Данышменда армянином [526, стр. 96]. Он, в частности, обратил внимание на то, что на монетах Данышмендидов нет изображения племенной тамги, тогда как у Сельджукидов на монетах изображалась тамга племени кынык, из которого они происходили, а на монетах других тюркских династий — Артукидов, а позже и Османидов — тамга племени кайы, от которого они вели свое происхож-

¹⁸ Сюжеты, связанные с этими героями «Сказания о Мелике Данышменде», выглядят так. Однажды Данышменд победил византийского богатыря. Имя его — Артухи, он сын местного князя. Артухи влюблен в Эфрумие, дочь правителя Амасии Шаттата (армянское имя Ашот?), который не хочет отдавать ее замуж за него. Данышменд обещает помочь Артухи и предлагает ему принять ислам. Артухи соглашается. Похищенная ими Эфрумие тоже становится мусульманкой. Другой богатырь Саркис, сын брата повелителя Анкары, тоже принимает ислам и добивается руки Гюлинош-бану, своей кузины. Гюлинош-бану принимает ислам [39, стр. 75, 76, 79, 80]. За любовными историями, рассказанными в эпосе, конечно, скрывались и политические устремления действительных прообразов героев «Сказания».

дение [526, стр. 96]. М. Х. Йынанч пишет также, что имя Данышменд происходит от названия должности [526, стр. 96]. В османскую эпоху термин «данышменд» обозначал третью степень талебе (ученика мусульманской школы) [49, стр. 27]. В современном турецком языке «данышман» значит «советник». Поэтому не исключено происхождение Данышменда из среды служилого люда, который этнически был очень пестрым. Во всяком случае даже «Сказание о Мелике Данышменде» не считает Данышменда тюрком, не указаны ни племя, ни род, из которого он происходил. Лишь выясняется, что его мать — арабка, дочь эмира Амра [39, стр. 72, 103]. Войско Данышменда называется мусульманским или суннитским, т. е. определяется по религиозной, а не этнической принадлежности. В то же время войско сельджуков именуется «туркским» [39, стр. 102]. Все эти факты говорят о сложном этническом происхождении династии Данышменидов и пестром этническом составе его войска.

Иногда новообращенные достигали высот и в сельджукской мусульманской иерархии. Так, армянин из Коньи стал шейхом (шейх Абдулла), известным ученым богословом. Он умер в Дамаске в 1234 г. [351, стр. 144].

Интересно, что и отдельные феодалы из крестоносцев, осевших в Анатолии, позже приняли ислам. Так, вышеупомянутый вакуфный документ из Конье говорит о христианине по имени Теодос бин Ян бин Аламан (алман, или аламан, как известно, одно из германских племен). Ныне же в Конье есть квартал Шейх Аламан, где находится мавзолей с надписью, содержащей имя Ахмед Али бин шейх Аламан [351, стр. 140, пр. 1].

Наконец, если завоеванное население все же отказывалось принимать ислам, то на него воздействовали страхом смерти. Об этом очень много говорится в «Сказании о Мелике Данышменде». Так, если население и пленные не хотели добровольно переходить в мусульманскую веру Данышменд приказывал убивать часть из них, чтобы воздействовать на остальных. Таких фактов в памятнике много [39, стр. 155—157]. Правда, иногда часть покоренных предпочитала смерть вероотступничеству [39, стр. 155—156], а большинство новообращенных в ислам (так называемых «новых мусульман» — «ени мусульманлар»), переменивших веру под

страхом смерти, при каждом удобном случае восставали и снова становились христианами [39, стр. 160—161]. Поэтому переход в ислам части местного населения лишь тогда был прочным, когда он отвечал каким-то важным интересам этой части населения, прикрывая их оболочкой прозелитизма. Только этим можно объяснить большую роль «новых мусульман» в дружине Данышменда, их героизм в борьбе за «истинную веру». Действительно, как пишет В. С. Гарбузова, движение Данышменда, явление сложное и по своей социальной сути противоречивое, объединяло самые различные слои общества. К нему на разных этапах примыкали феодалы и авантюристы, стремившиеся к грабежам и обогащению. Но в то же время это движение отражало стремление народов Малой Азии (армян, арабов и др.) к освобождению от гнета феодальных правителей Византии [39, стр. 114]. Сходные явления, правда, в меньшей степени, имели место также при борьбе с Византией и Сельджукидов Малой Азии.

Большинство поселенных византийцами тюрок также приняло впоследствии ислам, усилив исламизацию и тюркизацию Анатолии [526, стр. 166].

Другим фактором этнического смешения было назначение на многие должности в государстве Сельджукидов Малой Азии рабов из иноэтнических групп, комплектование из них отборного войска, выдвижение их на высокие военные и административные посты. Это была своего рода традиция со времен Аббасидов.

Аббасиды (а также Саманиды и Газневиды) предпочитали назначать на государственные должности рабов. Это стало образцом и для Сельджукидов. У «Великих Сельджукидов» эту идею обосновал Низам ал-Мульк, создавший систему мемлюков или гулямов [344, стр. 89]. Такая политика объяснялась тем, что рабы, лично преданные султану, были более надежны, чем принцы, племенные вожди или крупные феодалы, пытавшиеся при каждом удобном случае стать независимыми от центральной власти, поднимавшие восстания, стремившиеся захватить власть в свои руки. Поэтому еще у Тугрул-бека (первая половина XI в.) и визир, и высшие сановники — эмиры, вали, салары — были из таджиков [526, стр. 98]. То же самое наблюдалось и в Румском султанате.

Гвардия Румского султана (хасса) состояла из рабов (военнопленных или местных христиан). Это были не огузы или туркмены, а кыпчаки (этим словом обозначались не только собственно кыпчаки, но и многие нетюрки, захваченные в стране «Кыпчак», т. е. в районах, прилегающих к югу Руси), балканские тюрки-христиане, а главное — армяне, греки, грузины и другие малоазийские жители [526, стр. 159—160]. Гулямы из военнопленных или купленных рабов¹⁹ обучались в специальных школах (гулямхане), после чего служили в армии и при дворе [351, стр. 146].

Источники сообщают, что многие сельджукские государственные деятели происходили из рабов или были в детстве захвачены в стране «Кыпчак» и проданы в рабство на рынках Анатолии [351, стр. 146]. Ибн Биби отмечает, что большинство наиболее известных эмиров Анатолии — сыновья прежних рабов [434, стр. 137—138]. Это отразилось и в тюркском эпосе. Удалой Домрул, герой «Деде Коркуда» — сын Дуки-коджи [125, стр. 59]. Дука — имя греческое.

По мнению О. Турана, особые войска, называвшиеся икдиш, нечто вроде жандармерии или охраны в городах, также комплектовались из воспитанных в духе ислама детей христиан, преимущественно местных, а не пленных или рабов. Начальник икдишей г. Кайсери (икдиш-бashi) носил имя Гусам, т. е. был армянин [351, стр. 147—148].

Рабы прислуживали при дворе Сельджукидов, у их сановников, у феодалов. Это также были не тюрки, а местные христиане [119, стр. 192; 301, стр. 442, 446]. Ибн Баттута, путешествуя по Малой Азии, купил двух рабынь-гречанок [301, стр. 445, 449]. Эти рабы иногда принимали ислам, становились свободными и вливались в тюрокизирующуюся массу мусульман.

Христиан и мусульман сближали также часто заключавшиеся между ними браки, особенно в среде феодальной верхушки. Матери и жены многих султанов Румы были христианками. Гиясэддин Кейхюсрев I долго жил в Константинополе в изгнании, у него было мно-

¹⁹ Византийцы также продавали тюркам-сельджукам рабов. Так, после восстания против латинян в Константинополе в 1182 г. 4 тыс. уцелевших венецианцев, генуэзцев и сицилийцев были проданы в рабство сельджукам [143, стр. 216].

го друзей византийцев, женился он на гречанке, дочери Мануэля Маврозома. Мать его тоже была христианкой [49, стр. 168]. Этот султан правил в 1192—1196 гг., вторично в 1204—1210 гг. [344, стр. 66]. У султана Гиясэддина Кейхюсрева II (1236—1246) одной из жен была принцесса Русудан, дочь грузинской царицы Тамары, прозванная Гюргю Хатун (Госпожа грузинка) [344, стр. 72, 92]. Г. де Рубрук об этом пишет так: у султана жена из Иберии (т. е. Грузии), от нее сын; другой сын — от наложницы-гречанки, третий — от тюрчанки [119, стр. 193]. Жена Кылыч Арслана I также была христианкой (Изабелла, сестра Раймонда) [344, стр. 92]; мать султана Рукнэддина Кылыч Арслана IV — гречанкой [119, стр. 245]. У султанских жен был свой двор и штат невольниц и служанок из христианок²⁰ [49, стр. 165]. Жены-христианки пользовались большей свободой, чем жены-мусульманки, так как по брачному договору они имели право исповедовать свою религию [344, стр. 92]. Часто они имели большое влияние на своих мужей [344, стр. 92].

Обычай жениться на иноплеменницах был характерен не только для представителей правящей династии (что впрочем часто наблюдалось в средние века и даже позже и в царствующих домах других государств как средство упрочения политических союзов), но и для более широкого круга имущих и знатных людей. Так, Анна Комнина пишет: посол сельджукского султана «Чауш²¹ ответил, что по матери он ибериец (т. е. грузин.—Д. Е.), а отец его — тюрк» [15, стр. 191]. Как подчеркивает В. А. Гордлевский, в гаремы малоазийских тюрок-сельджуков поступали невольницы, наложницы и жены из местных христианок, женщины из тюркских племен, давно осевших в Малой Азии, уроженки Кавказа; это впоследствии сказалось на облике анатолийского турка [49, стр. 165].

Обычай жениться на иноплеменницах и чужеземках был настолько распространен у тюрок в Малой Азии,

²⁰ На мусульманских кладбищах Коны и сейчас сохранились многочисленные могилы христиан — прислуго, а также родственников христианских принцесс, вышедших замуж за сельджукских султанов [250, стр. 137].

²¹ Чауш — возможно, имя нарицательное, а не собственное: чауш — посол, доверенное лицо. В современном турецком языке чауш (чавуш) — унтер-офицер, десятирник, бригадир.

что Р. С. Атабинен называет его даже особым термином — «ксеногамией» [249, стр. 119]. Он также отмечает, что сыновья от таких браков часто бывали «чуждыми по расе и языку» тюркам, так как воспитывались материами в «петюрском духе» [249, стр. 119]. Оставляя на совести этого автора такое толкование указанных фактов, безусловно, можно считать, что эти браки вели к культурному и языковому влиянию других народов на тюрок. А сам обычай ксеногамии, пожалуй, лучше всего объясняется родовым обычаем экзогамии тюрок.

Был еще один фактор этнического смешения. В пограничных зонах между Византией и Арабским халифатом, а позднее — государством Сельджукидов, на стыке ислама и христианства, возникали особые этнические группировки — поселения племен и наемников, выполнявших обязанности пограничников и передовых военных отрядов: византийские акриты, халифатские гази, сельджукские ақынджи. Общность быта сближала эти поселения, враждебные вначале. Вассальные племена часто переходили на сторону то одних, то других сузеренов, контактировали между собой, смешивались [357, стр. 290—292; 269, стр. 7—8, 32]. Об этнической пестроте военных отрядов говорят многие факты. Так, у Сельджукидов это были не только тюрки, но и наемники из Прикаспия, Хорасана, Дейлема, «кыпчаки» (среди них были и восточные славяне), грузины, курды, греки, даже франки [49, стр. 154—155, 158]. Видимо, от франков сельджуки заимствовали термин истабль (коношня, ср. франц. этабль) [49, стр. 158]. Очень много было наемников и у византийцев. В VI в. это были гунны, гепиды, герулы, вандалы, готы, лангобарды, славяне, персы, армяне, грузины [143, стр. 71]; в VIII—IX вв. — хазары, печенеги, иберийцы, варяги, русы [143, стр. 140]; в XII в. — англо-саксы, печенеги и другие тюрки, славяне, грузины, франки (французы, немцы) [143, стр. 211]. Анна Комнина упоминает также о норманнах, аланах, абхазцах [15, стр. 441, 465], германцах (аламанои, немитзои, германои) [15, стр. 465]. В войске Романа Диогена в битве при Манцикерте (1071 г.), по свидетельству хронистов, были, помимо греков, русы, аланы, хазары, печенеги, узы, кыпчаки, грузины, армяне, франки, готы, болгары [265, стр. 629].

Такая этническая пестрота приводила к взаимопро-

никновению различных культур и языков. Например, очень много сходного наблюдается в героическом эпосе малоазийских тюрок и византийцев. Византийское «Сказание о Дигенисе Акрите» оказало сильное влияние на «Сказание о Сейиде Баттале-гази» [309, стр. 563—570; 291] и «Деде Коркуд» [125, стр. 197—199].

Нужно также отметить, что последующая тюркизация Анатолии была в какой-то степени подготовлена и мирным внедрением сельджукско-турских элементов в византийское общество. Это были тюрки, перешедшие на сторону византийцев, принявшие христианство, служившие в византийском войске и часто занимавшие высокие военные и административные должности. Так, восставший против Аллы Арслана его зять (муж сестры) Эрбасганоглу Куртчук, стоявший во главе племени явук (йивек), перешел в 1070 г. на сторону императора Византии [526, стр. 68]. Некоторые из этих тюрок, наряду с новым христианским именем, сохраняли после крещения и свои прежние имена, слегка греческими — Тцауссис (Чауш), Тарханиот (Тархан), Кутулмис (Кутулмуш) и т. п. [250, стр. 133].

Особенно много сообщений об этом у Аны Коминой. Она упоминает об отряде союзников из сельджуков [15, стр. 67], затем о тюрках-сельджуках, переправившихся через р. Гебр (Марицу, т. е. сельджуки попали уже во Фракию) и тоже ставших союзниками византийцев [15, стр. 104]. Один Ильхан (это скорее всего титул племенного вождя) перешел на сторону византийцев вместе со своими кровными родственниками и принял христианство [15, стр. 200]. Император Алексей призвал на помощь отряды сельджуков, когда воевал против норманнов [15, стр. 142]. В войске византийцев были искусные стрелки-лучники из сельджуков [16, стр. 170], особые отряды отборных воинов туркопулов (т. е. детей тюрок), которые сохранялись до XIV в. [325, стр. 65].

В «Алексиаде» говорится о сельджуке по имени Камир и других сельджуках-воинах на службе у византийцев [15, стр. 272], о сельджуках, решивших остаться на службе у императора [15, стр. 298] и т. п. Во время сражения византийского полководца Кантакузина с крестоносцами весь левый фланг у него занимали «турки» (т. е. тюрки-сельджуки) [15, стр. 353]. Многие тюрки, перешедшие на сторону византийцев и принявшие хри-

стианство, настолько сблизились с византийцами, что Анна Комнина уже не называет их полуварварами, а ромеями, т. е. византийцами-греками. В одной из битв с крестоносцами, пишет она, «пали многие ромеи, в том числе Кара (имя, безусловно, тюркское; правда, оно могло принадлежать и тюрку с Балкан, а не сельджуку. — Д. Е.), с детства приближенный к самодержцу и вошедший в число близких ему людей, и турок (т. е. сельджук.— Д. Е.) Скалиарий — один из наиболее славных восточных правителей, перешедший на сторону императора и принял святое крещение» [15, стр. 351]. Некоторые богатые тюрки, принявшие христианство, селились в Константинополе как патриции или торговцы [250, стр. 129].

Все эти мирно внедрившиеся в византийское общество тюрки-сельджуки не могли не оказать этнического воздействия на местное население²². В этом отношении весьма характерно замечание Анны Комниной о влиянии тюркского языка на греческий уже в то время: «акрополь... теперь вошло в обычай называть „кула“» [15, стр. 317]. Это — очевидное заимствование через тюрк-сельджуков арабского слова, означающего «башня».

Позже, в монгольскую эпоху, сельджукский султан Алаэддин искал убежища от монголов у византийского императора Михаила Палеолога [250, стр. 137]. Бывший султан Кей-Кавус также переселился, если верить османским историографам, в Византию со своей семьей и частью войск [250, стр. 137].

ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ СЕЛЬДЖУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ МАЛОЙ АЗИИ

Этническое сближение и смешение между различными этносами наглядно отразилось в особенностях сельджукской культуры Малой Азии. Эту культуру создали не только и, пожалуй, не столько тюрки-сельджуки, сколько местные народы (а также соседние — арабы, персы).

²² Нужно также учесть (об этом говорилось выше), что тюркский элемент в Византии был представлен и довольно многочисленными тюркскими переселенцами с Балкан.

Ремесленниками в Румском султанате были преимущественно местные жители. Это отметил В. А. Гордлевский: поскольку ремесленники были в Малой Азии задолго до прихода Сельджукидов, естественно, что это были христиане (армяне, греки), заимствовавшие много, конечно, от уже исчезнувшего туземного населения Малой Азии. Роль армян и греков в ремесле Малой Азии XI—XIII вв. огромна [49, стр. 102—104]. Об этом есть свидетельства во многих источниках того времени. Ибн Баттута, в частности, отмечал, что в г. Лядике (Западная Анатolia) большинство ремесленников-ткачей — гречанки, они выделывали ткань «лядики», которая славилась по всей Анатолии [301, стр. 425]. Большая роль местных жителей в ремесле наложила отпечаток на многие области материальной культуры сельджуков.

Местное влияние сильно сказалось и на сельджукской архитектуре, в строительстве мечетей, медресе, усыпальниц (турбе, кюмбет), дворцов (сарай, кёшк), караван-сараев и т. п. Так, пирамидальный купол — основа сельджукской культовой архитектуры — был заимствован, скорее всего, у армян²³. Многие архитекторы и строители, имена которых сохранила история, происходили из местных жителей (или из жителей соседних стран). Например, «Голубая медресе» в Сивасе построена в 1271 г. архитектором Калояном (Кало Яни — греческое имя), «Большая мечеть» и больница в Дивриги (1228 г.) — Ахмедом бин Ибрагимом из Тбилиси, усыпальница «Ситте Мелик» в Дивриги (1195/96 г.) — Бахрамом (перс или армянин?), «Мечеть Алаэддина» в Конье перестроена в 1219/20 г. Мухаммедом Кауланом из Дамаска, мимбер (кафедра) в «Большой мечети» в Дивриги (год неизвестен) — Ахмедом из Тбилиси [344, стр. 204, 207—209]. Ибн Биби пишет, что во дворце одного из беев Малой Азии он видел бронзовую статую льва, из пасти которого был фонтан [301, стр. 442]. Это было заимствованное у византийцев традиционное украшение многих анатолийских дворцов сельджукской эпохи.

Навыки оседлой жизни, материальная земледельческая культура заимствовались тюрками, переходившими

²³ Башни сельджукских мавзолеев устроены наподобие башен-куполов средневековых армянских церквей [60, стр. 117].

на оседлость, у местных жителей — крестьян и горожан²⁴.

Влияние местных жителей-христиан сказывалось даже на мусульманских верованиях и обрядах сельджуков. Так, при похоронах практиковалось обнажение головы²⁵, цветом траура был черный [49, стр. 166]. Это видно из описания Ибн Баттуты похорон матери эмира Ибрагима в Сиопе: ее сын, эмиры и мемлюки шли с непокрытыми головами, а у кадиев, кятибов и законоедов вместо чалмы на голове были черные шерстяные шапочки (керчиф). Он пишет и о 40 днях траура [301, стр. 468].

Видимо это сообщение Ибн Баттуты комментирует В. А. Гордлевский: «Наблюдательный глаз араба-путешественника сразу примечал в Малой Азии уклонения от ислама. И это говорит о том, насколько велико было в Малой Азии воздействие местной, христианской среды на завоевателей-турок (т. е. тюрок. — Д. Е.)» [49, стр. 182].

В XIII в., когда религиозные войны между исламом и христианством переместились в основном в Сирию и в Малой Азии установилось относительное спокойствие, поданные Сельджукидов — мусульмане и христиане — мирно сожительствовали, заимствуя друг у друга верования, обычай, обряды. Траурная одежда дервишей мевлеви имела христианское происхождение, среди дервишей бекташи были христиане, султан Гиясэддин Кейхюсрев II считался тайным христианином [344, стр. 94, 113—114]. Современные турки Малой Азии смутно хранят еще воспоминания о былой вере, о христианстве, пишет В. А. Гордлевский, женщины в деревнях, приготовляя хлеб, совершают над ним движение, воспроизводящее крестное знамение. Материал о двоеверии турок Малой Азии подобран В. А. Гордлевским в его специальной неопубликованной статье [49, стр. 178].

Происходило и обратное влияние. Как видно из христианских церковных документов 1437 г., греческое ду-

²⁴ Подробно об этом см. гл. V.

²⁵ Правда, обычай обнажать голову в знак уважения бытовал у многих тюркских народов и у персов до ислама. Сводку сведений об этом из арабских источников и «Хронологии» Бар Эбрея дает М. Канар в примечаниях к своему переводу «Описания путешествия Ибн-Фадлана к булгарам на Волгу» [302, стр. 103].

ховенство «во многих пунктах Турции носило одежду неверных и говорило на их языке» [49, стр. 180].

Огромное влияние испытали сельджуки и со стороны Ирана, не говоря уже об арабах, влияние которых шло главным образом через ислам. Уже «Великие Сельджукиды» подверглись в Иране мощному воздействию местной цивилизации. Р. С. Атабинен даже утверждает, что сельджуки в Иране пранизировались, подобно тому как в Сирии они арабизировались [249, стр. 52]. Более осторожно об этом говорит А. Массэ: «Тюркское общество в Западной Азии» (т. е. общество в государстве «Великих Сельджукидов», включая Иран, Сирию и Малую Азию.—Д. Е.) преобразовалось «под воздействием византийской, арабской и иранской цивилизаций» [159, стр. 175].

В Румском султанате, правящая династия в котором была ветвью «Великих Сельджукидов», влияние Ирана продолжалось. Очень ярко пишет об этом В. А. Гордлевский: «Люди стекались в Конью отовсюду. Были, конечно, местные христиане (греки, армяне), были и иностранцы — арабы, иранцы (т. е. персы, таджики, представители других ираноязычных народов.—Д. Е.): иранцев, должно быть, было много, их тянули за собой вельможи и высшие должностные лица — везиры, часто выбиравшиеся султанами из иранцев; грамотеи, каллиграфы — все это были иранцы» [49, стр. 126]. «Литературным языком был персидский; хроники Ибн-Биби, Аксараи, мемуары Афляки написаны персидским языком. Даже сановники, переметнувшиеся к Сельджукидам от Византии, писали по-персидски, например Хасс Огуз, родом грек»²⁶ [49, стр. 163]. Персидский язык употреблялся среди образованных людей и как разговорный. Ибн Баттута пишет, что в местечке Гейве (50 км восточнее г. Изник) один законовед говорил при нем на персидском языке с другим тюрком — ахи (членом мусульманского религиозного братства). Он пытался говорить по-персидски и с Ибн Баттутой, но тот не знал персидского языка [301, стр. 454—455].

Султанам, наряду с тюркскими именами (Алл Арслан, Кылыч Арслан, Кутулмуш) и мусульманско-арабскими (Сулейман, Гиясэддин, Алаэддин) давали и персидские (Кей-Хюсрев, Кей-Кубад, Кей-Кавус). Персид-

²⁶ Как показывает это имя, скорее он был родом не грек, а огуз или уз, принявший в Византии христианство.

ский титул «паша» (от «падишах»), как и арабский — «султан», отмечены в тюркоязычных памятниках Малой Азии уже в XIII в. [319, стр. 95—96]. Вообще, в титулатуре, государственно-административной, фискальной, судебной и, конечно, религиозной терминологии преобладали арабские и персидские слова (например, арабское «вэзир», иранское «диван» и др.). Только часть военных терминов осталась тюркской²⁷.

Как отмечает Т. Тэлбот-Райс, сельджукской культуре была свойственна крайняя эклектичность. Даже черное знамя султана (черный цвет шел от огузов) несло на себе несколько изображений: дракона (сасанидское или даже китайское влияние?), льва (влияние древних цивилизаций Западной Азии) и двуглавого орла (влияние Византии)²⁸. В барельефах, орнаментах, керамике, коврах, изделиях художественных ремесел, ювелирных украшениях — всюду прослеживается, с одной стороны, влияние народов Центральной Азии (его привнесли с собой тюрки), а с другой — более мощное влияние Ирана и Византии [344, стр. 157—187].

Перекрецывание арабского, иранского и византийского влияний иногда проявлялось очень интересно. Так, одного сельджукидского принца звали Муиззэддин Кайсаршах, т. е., помимо арабского мусульманского имени, он имел еще греческое — Кайсар (Кесарь или Цезарь) и персидское — Шах [49, стр. 160; 344, стр. 90].

²⁷ М. Х. Йынанч приводит сведения о заселении Анатолии не только тюрками-кочевниками, но и оседлыми тюрками из Мавераннахра, а также представителями разных, преимущественно ираноязычных, этнических групп из Хорасана, Ирака, Азербайджана. Поэтому, считает он, тюркская лексика сохранилась в скотоводстве, отчасти в земледелии, а в ремесле — нет [526, стр. 172].

²⁸ Изображение двуглавого орла было еще у хеттов [60, стр. 117]. В связи с этим интересно наблюдение Г. М. Людвига, советского историка архитектуры, посетившего в 1924—1926 гг. Турцию в составе экспедиций по изучению древних памятников искусства. Он пишет, что до сих пор в ряде высокогорных селений Турции и Балкан сохранился обычай, по которому молодой горец накануне семейного праздника (въезда в новое собственное жилище, свадьбы и т. д.) отправляется на заре в горы и убивает орла. Вынув внутренности и раздвоив топором голову срала, горец прибывает это чучело над входом в свой дом. Объяснить этот обычай Г. М. Людвигу никто из горцев толком не смог [148, стр. 112]. Этот факт свидетельствует о том, что символ двуглавого орла был, возможно, связан с какими-то древними тотемистическими верованиями в Малой Азии и на Балканах.

Синкретизм сельджукской культуры видели многие философы того времени. Возможно, некоторые из них даже смутно догадывались, к чему все это должно привести. Так, необходимость идеологического оформления начинавшей складываться новой этнической общности Малой Азии, видимо, почувствовал Джеляльэддин Руми (1207—1273), выдающийся философ-мистик, основатель ордена дервишней мевлеви, поэт²⁹. Он пытался если не создать новую религию, то во всяком случае реформировать ислам, приблизив его к христианству. На философско-религиозные воззрения Джеляльэддина сильное влияние оказали христиане-греки, кроме того, они познакомили его с учением Платона. Джеляльэддин часто посещал церкви, монастыри, поддерживал дружеские связи с христианскими священниками, которые приезжали к нему не только из городов и деревень Анатолии, но даже из Константинополя. Во всех религиозных общинах у него были ученики [351, стр. 141]. По мнению О. Турана, Джеляльэддин мечтал о синкретической религии, которая объединила бы христиан и мусульман как верующих в единого бога [351, стр. 141]. Отсюда проистекала веротерпимость мевлеви. Столица Сельджукидов Конья стала при Джеляльэддине, по выражению В. А. Гордлевского, центром мистического пантеизма. Пантеистические воззрения мевлеви, усиленные благодаря личным отношениям и влечению их духовного вождя Джеляльэддина к грекам³⁰, сглаживали рознь, сближали христиан и мусульман [49, стр. 178]. Когда Джеляльэддин умер, на его похоронах присутствовали приверженцы всех религиозных течений и сект Малой Азии [351, стр. 142; 250, стр. 137]. Вокруг его погребальных носилок собирались толпы народа. Все — вельможи и простой люд — шли, обнажив головы. Здесь были и христиане, и иудеи, и мусульмане. «Смотря на него, мы познали природу Иисуса».

²⁹ Джеляльэддин родился в Балхе (Бухара). Из-за гонений хорезмшаха Джеляльэддина Мухаммеда его семья переселилась сначала в Дамаск, затем в Эрзинджан, Лареиду и, наконец, в Конью.

³⁰ В семье Джеляльэддина жены, няни были гречанки: Кирахатун (его жена), Кирага-хатун (жена его сына Султана Веледа). Дочерям давали греческие имена — Эфепдипуло (его дочь), Деспина (его правнучка). Последнее имя всгречалось потом у турок и в османскую эпоху [49, стр. 179].

са, Моисея и всех пророков», — говорили его поклонники (так пишет Афляки) [49, стр. 177].

Однако новую религию Джеляльэддин не создал. Несмотря на сильное влияние христиан, он остался мусульманином. Больше того, многие христиане под влиянием Джеляльэддина перешли в ислам (среди них были даже священники и монахи). По сведениям Афляки, их число достигло 18 тыс. [246, т. I, стр. 75, 105, 107, 114, 184, 185, 211, 261].

Таким образом, попытка Джеляльэддина примирить христианство и ислам кончилась неудачно. Иначе и не могло быть. Причины этого лежали глубоко в социально-экономических и политических условиях, существовавших в Румском султанате, главным образом в социально-экономическом и политическом противоречии между господствующей мусульманской верхушкой феодалов и эксплуатируемыми массами крестьян и ремесленников, большинство которых составляли именно христиане.

А разница в религиях существенно тормозила этнический процесс взаимного сближения разных народов Малой Азии. Эта разница мешала тюркам-сельджукам быстро сливаться с местным населением (их слияние происходило лишь при условии исламизации этого населения).

* * *

Итак, в XI—XIII вв. в Малой Азии постепенно на метились, несмотря на сложный этнический и конфессиональный состав населения, определенные тенденции, хотя и осложненные зачастую многими неблагоприятными обстоятельствами, к сближению между отдельными этносами. Дальнейшее развитие этих тенденций в Румском султанате должно было, казалось, привести к исламизации и последующей тюркизации большей части местного населения. Во-первых, ислам был государственной религией и распространился уже тогда, видимо, среди достаточно большой части коренного населения, не говоря уже о мусульманах-тюрках. Во-вторых, тюрки (кочевники, полукочевники и оседлые) составляли господствующую и одну из крупнейших этнолингвистических и культурных общинностей Анатолии.

Однако социально-экономическое и политическое развитие Румского султаната, крайне противоречивое, сдер-

живало формирование единой народности. С одной стороны, Анатолия, объединенная Сельджукидами, стала местом пересечения важных торговых путей вместо Сирии, ставшей после начала крестовых походов ареной битв. Поэтому в XIII в. Анатолия процветала. На всех торговых дорогах выросли караван-сараи³¹, даже города. В Румском султанате развивались наука, искусство, литература. Отовсюду сюда съезжались ученые, писатели и поэты мусульманского мира [526, стр. 5]. Естественно, что определенная экономическая общность в Румском султанате в XIII в. до нашествия монголов начинала вызревать. Но, с другой стороны, очень сильны были и центробежные силы, обусловленные главным образом феодальной и племенной раздробленностью. Центральная власть в Румском султанате всегда была слаба. Многие эмираты даже в периоды наибольшего могущества Сельджукидов оставались полунезависимыми (эмираты Данышменда, Артука, Салтука, Менгюджюка и др.), а беи на уджах часто выходили из подчинения султану. Все это мешало налаживанию постоянных и прочных внутренних экономических связей в Румском султанате. Мешало вызреванию этих связей и продолжавшееся кочевничество крупных масс тюрок, а в ряде районов — курдов и арабов.

Далее. В Румском султанате не сложилось, как уже отмечалось, единого языка. Официальным (государственным) и письменным литературным был персидский, языком религии — арабский. У тюрок Малой Азии тоже не было единого языка. В каждом отдельном районе или области, где селилось большинство из того или иного племени, возникал территориальный диалект. Его основу составлял племенной диалект и сливающийся с ним местный языковый субстрат. Эти субстраты были очень разнообразны: на западе преобладал греческий субстрат, на

³¹ При Сельджукидах в Малой Азии шло довольно большое строительство для той эпохи: в XIII в. было построено 53 караван-сарая, 11 больниц, много мечетей и медресе [250, стр. 125]. Даже в 30-е годы XIV в., когда Анатолия распалась на ряд самостоятельных феодальных княжеств, подвластных монголам, многие города и области еще продолжали процветать. Ибн Баттута характеризует города, которые он посетил (в том числе Конью, Аксарай, Лядик), как «цветущие», с прекрасными базарами, со множеством мечетей, бапы, ремесленных мастерских [301, стр. 425, 430, 432].

востоке в отдельных районах мог быть армянский, грузинский, курдский, арабский, ассирийский и т. д.³². Все это усиливало разницу между территориальными диалектами. Так, в Центральной Анатолии, где большинство тюрок было из племени кынык, образовался свой диалект³³ [526, стр. 173], в Западной и Восточной Анатолии — несколько других диалектов.

Не возникло у тюрок-сельджуков Малой Азии и единого этнонима, как и единого этнического самосознания. У тюрок-кочевников и полукочевников над общим этнонимом «тюрк» и сознанием принадлежности к тюркоязычной малоазийской общности преобладали племенные названия и племенное самосознание. У оседлого тюркского населения — осевших тюрок и смешавшихся с ними исламизированных и тюрокизированных (часто далеко не полностью) коренных жителей преобладали религиозные самоназвание и самосознание: они называли себя чаще всего мусульманами. Этноним «тюрк» бытовал лишь у части крестьян — бывших кочевников-тюрок, осевших на землю.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. В XI—XII вв. в Малую Азию переселилось много тюркских племен, главным образом огузов и туркмен, которые вместе с другими тюрами, попавшими сюда раньше их или вместе с ними, образовали тюркоязычную этнолингвистическую и культурную общность, упрочивавшуюся также и общей религией подавляющего большинства тюрок — исламом суннитского толка, который был и государственной религией в Румском султанате. Много тюрок в XI—XII вв. перешло на оседлость. При этом началось этническое смешение оседлых тюрок с

³² Именно в период Румского султаната вошли в язык тюрок Малой Азии, вернее в их диалекты, многие слова из местных языков, сохранившиеся впоследствии и в турецком языке. Уже Ибн Баттута отметил бытование у тюрок Анатолии слов «челеби» (господин, ассирийское — цлиба) [203, стр. 1879], «эфенди» (образованый человек, греческое — афсентес) [301, стр. 424, 463]. Эти слова отмечены и в тюркоязычных письменных памятниках Анатолии XIII в. [319, стр. 97, 99]. У современных юрюков слово «чалаб» сохранилось в значении «бог» [319, стр. 97]. В языке «Деде Коркуда» отмечены армянские и грузинские заимствования — «тагавор» (правитель), «азнаур» (рыцарь) и др. [125, стр. 23, 64, 95, 196].

³³ Центральноанатолийский (или анкарский) диалект лег впоследствии в основу современного турецкого языка [526, стр. 173].

местным оседлым населением, преимущественно с исламизированным. Смешение с местными кочевническими элементами происходило и у кочевых тюрок. Все это положило начало тюркизации части коренного населения Малой Азии.

Однако в Малой Азии в конце XI — первой половине XIII в. не произошло сложения единой тюркской народности (если бы она сложилась, ее можно было бы назвать древнетурецкой, как это имеет место в отношении древнерусской народности, сложившейся в Киевской Руси к IX—X вв.). Среди причин, воспрепятствовавших завершению этого процесса, можно назвать следующие.

1. Рассматриваемый исторический период был слишком короток (всего около двух столетий), чтобы могла произойти взаимная ассимиляция переселившихся в Малую Азию разных по происхождению тюркских племен, а главное — прочная ассимиляция хотя бы достаточно большой части коренного населения. Для сравнения можно отметить, что образование древнерусской народности происходило в гораздо более длительные исторические сроки. Территория, на которой в IX в. образовалось древнерусское государство, с древнейших времен была обитаема славянами. «Поляне, называемые русью» (Нестор), задолго до этого возглавили племенной союз, сложившийся в Среднем Поднепровье. Имя «Русь» вытеснило другие племенные этнонимы уже в VI—VII вв., распространявшиеся почти на всю лесостепную полосу Восточной Европы, занятую славянскими (в большинстве), финно-угорскими земледельческими племенами и оседавшими на землю тюркскими и угорскими кочевыми племенами. Таким образом, сложение древнерусской народности заняло, по меньшей мере, четыре-пять столетий.

2. В Румском султанате, всегда раздиравшемся племенными и феодальными усобицами, не было достаточно прочной экономической и политической общности. В древнерусском же государстве XI—XII вв. существовала довольно крепкая экономическая и политическая общность.

3. Румский султанат был очень пестр этнически — различные по происхождению тюркские племена, далекие этнически друг от друга и от тюрок местные народы (армяне, грузины, греки, курды, арабы и др.) Этни-

ческая пестрота часто подчеркивалась религиозным антагонизмом не только между христианами и мусульманами, но и между приверженцами разных течений в этих религиях (сунниты и шииты, православные, григориане, несториане, яковиты и др.). А древнерусское государство было сравнительно однородным в этническом отношении, восточнославянские племена составляли подавляющее большинство его населения. Этническая однородность Киевской Руси усиливалась и единой религией — православием.

4. В султанате Рума не было единого языка, тогда как в древнерусском государстве сложились единый язык и единая культура.

5. У тюрок-сельджуков Малой Азии в XI—XIII вв., и даже много позже, не было единого этнонима. Этническое самосознание у оседлых тюрок подменялось конфессиональным, у кочевых — преобладало сознание принадлежности к своему племени. А в Киевской Руси понятия «русский народ», «русская земля» прочно вошли в обиход и обозначали древнерусскую народность и населяемую ею территорию.

Глава III

ОБРАЗОВАНИЕ ТУРЕЦКОЙ НАРОДНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНАТОЛИИ В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА И ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Нашествие монголов вызвало в Анатолии большие политические перемены. После поражения, нанесенного монголами сельджукским войскам у Кёсе-дага (1243 г.), государство Сельджукидов Малой Азии быстро пришло в упадок и в 1307 г. окончательно распалось. Монголы не сразу уничтожили Румский султанат, сначала они поставили его лишь в вассальную зависимость от себя наравне с Киликийским армянским царством и Трапезундской империей. Быстрый процесс образования на территории султаната независимых феодальных владений сильно облегчил монголам вмешательство во внутренние дела Сельджукидов. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», они поощряли соперничество и междоусобицы феодалов, поддерживали верных им эмиров, назначали султанами своих ставленников и, наконец, вообще ликвидировали султанат¹.

Монголы нанесли Малой Азии огромные опустошения: многие города были уничтожены, десятки тысяч жителей истреблены. Многие жители, преимущественно ремесленники, былиуведены в полон.

Уже в середине XIII в. владения сельджукского султана были разделены на две части: султану отошли

¹ 1307 г., когда монголами был задушен последний сельджукский султан, считается концом Румского султаната.

земли к западу от р. Кызыл-Ирмак, а восточные территории Румского султаната — к Монгольской державе. Впоследствии эта часть Малой Азии вошла в государство Хулагуидов или ильханов (оно включало в себя в 1256—1353 гг., кроме восточной части Малой Азии, Иран, Афганистан, Закавказье и Ирак).

В западной части Малой Азии началось быстрое образование независимых от сельджукского султана и даже от монголов феодально-племенных княжеств. Монгольское нашествие лишь ускорило распадение сельджукского государства на эти княжества, ибо феодальное дробление султаната началось еще раньше.

В результате этого процесса в западной части Малой Азии возникло более десяти самостоятельных княжеств — эмиратов или бейликов: Караман, Гермиян, Караб-Иса, Сарухан, Айдын, Ментеше, Теке, Хамид, Кастаному, Рамазаноглу, Османлы и др. Все эти небольшие государственные объединения образовались на племенной основе как объединения кочевых и полукочевых тюркских племен вокруг правящего рода, т. е. в их организации лежал не столько территориальный, сколько племенной принцип [219, стр. 12—13].

Таким образом, был нанесен сильнейший удар начавшемуся складываться при Сельджукидах и еще очень слабому, неокрепшему, политическому и экономическому единству Анатолии. А это привело и к ослаблению наметившихся было тенденций к образованию единой тюркоязычной этнической общности в Малой Азии.

Кроме того, произошли большие этнические перемены среди тюркских кочевых племен Анатолии, в частности их новые перегруппировки. А главное — Анатolia в XIII в. приняла много новых пришельцев — тюрок и нетюрок, которые, спасаясь от монгольского нашествия, бежали из Средней Азии и Ирана². После разгрома монголами государства хорезмшахов часть племен ушла в Анатолию вместе с остатками войск хорезмийцев,

² До монгольского завоевания было еще одно довольно крупное переселение кочевых племен: в конце XII в., когда хорезмшах Текеш сверг в Иране сельджукскую династию, часть тюркских племен — сторонников Сельджукидов ушла в Анатолию [526, стр. 168]. Вместе с тюрками ушло много и персов, что послужило еще одной причиной усиления иранского влияния на Сельджукидов Рума [526, стр. 168].

поступивших на службу к султану Рума. Об этом сообщают, как указал П. Виттек, хронисты Несеви и Ибн Биби [527, стр. 14]. Как возможные следы этого в современной Турции есть деревни с названием Хорзом [468, стр. 282], на юге Анатолии и сейчас кочует юрюкское племя хорзум [519, ч. III, стр. 30]³. Юрюки-хорзумцы сохранили своеобразный антропологический тип — ярко выраженную монголоидность, что резко отличает их не только от турок, но и от других юрюков [519, ч. III, стр. 30]. С. Г. Агаджанов перечисляет несколько туркменских и огузских племен, бежавших в Малую Азию от орд Чингисхана [9, стр. 255]. Среди них было племя кайы (вернее, его часть) [216, л. 33]. В некоторых источниках указано, что кайы поселились в окрестностях Кара-дага близ Анкары. После разорения монголами Хорасана и Балха огузы, жившие в Махане, ушли в Азербайджан и Анатолию. В османских источниках рассказывается также, что огузы из Хорасана бежали в Анатолию от монголов [418, стр. 199]. Сообщается и об уходе караманов из Ирана в Южную Анатолию [473, т. I, стр. 42—43]. Одни историки относят караманов к племени афшар, другие — к салорам [9, стр. 255].

Вместе с племенами в Анатолию уходили и оседлые жители. Много ушло мусульманских священнослужителей, шейхов, дервишей [357, стр. 300]. Крупный анатолийский поэт XIII в. Абдал Муса происходил из Хорасана, другой поэт Хаджи Бектаб (Шири) (1247—1337) родился в Нишапуре [511, стр. 8, 49].

После нашествия монголов на страну «Кыпчак» часть кыпчаков тоже переселилась в Анатолию либо морским путем по Черному морю, либо сухопутным — через Кавказ [526, стр. 169].

Во второй половине XIII в. в Анатолию переселились и племена, подвластные монголам, — восточные тюрки, и некоторые собственно монгольские племена, например

³ Г. де Рубрук сообщает, что в районе р. Аракс «прежде жили корасмины», т. е. хорезмийцы [155, стр. 187]. Но это были более ранние пришельцы, появившиеся здесь в 1200—1220 гг. после захвата Хорезмом Западного Ирана и Азербайджана. Этноним и тооним «хорзум» хорошо сопоставляется с анатолийскотюркским называнием Хорезма в «Сказании о Мелике Данышменде», Артухи, матерью которого была пленная хорезмийка, величают «даром хорезмийцев», «богатырем хорезмийцев» [39, стр. 103].

татары (кара-татары) [526, стр. 169]. Однако монгольские племена находились в Анатолии очень недолго и не играли никакой существенной роли в этнических процессах.

В конце XIII в. в северные районы между Тигром и Евфратом перекочевало сильное туркменское племя кара-коюнлу [480, т. III, стр. 228], которое до монгольского нашествия обитало в Мавераннахре.

Таким образом, Малая Азия получила во второй половине XIII в. как бы новое пополнение тюркскими кочевыми племенами и мусульманскими элементами не-туркского (чаще всего иранского) происхождения. Основную массу тюркских переселенцев составили туркмены, осевшие главным образом в восточных областях Малой Азии. Это, в частности, объясняет и сохранение у тюркских племен современной Турции, обитающих на востоке страны, самоназвания «туркмен», тогда как далее на запад этого самоназвания не сохранилось (турецкие кочевники Западной и Южной Анатолии называют себя «юрюк», «тахтаджи», но не «туркмен»).

Сосредоточение большой массы туркмен в восточных районах Анатолии привело, после падения монгольского владычества в Западной Азии, к образованию у них с начала XIV в. больших племенных союзов — Кара-коюнлу и Ак-коюнлу. Союз Ак-коюнлу возглавило племя байындыр. Борьба между этими племенными союзами, шедшая с переменным успехом, вызывала значительные передвижения кочевых тюркских племен Восточной Анатолии. В первой половине XV в., когда власть в Иране захватила династия из племени кара-коюнлу, часть туркмен и других тюркских племен, кочевавших в районе Вана, Эрзурума и Битлиса и входивших в улус Кара-коюнлу, ушла в Иран с Кара-Юсуфом [526, стр. 170]. А во второй половине XV в., когда в Иране укрепилась династия Ак-коюнлу, туда перекочевали многие туркмены из Эрзинджана, Харпута, Диярбекира — члены улуса Ак-коюнлу во главе с Узун-Хасаном. Часть же племен, входивших в улус Кара-коюнлу, из-за преследований со стороны Ак-коюнлу, возвратилась в Анатолию во главе с племенем баходурлу (бахарлу) [526, стр. 170].

Нашествие Тимура на Анатолию в 1402 г. и вызванное этим обострение междоусобной феодальной и меж-

племенной борьбы привело к уходу многих тюркских племен в Румелию. Часть племен (например, кара-татары) ушла вместе с Тимуром в Среднюю Азию [526, стр. 170].

Как уже отмечалось, анатолийские княжества возникли на племенной основе. Так, эмират Гермиян получил название от племенного имени, Кареси образовался из лена предводителя туркменских кочевников Кара-Иса, Сарухан — из уджа туркменского бея Сарыхана и т. д. [239, стр. 136—137]. Одним из таких небольших феодальных государств Малой Азии было княжество Османлы (Османское). Оно возникло из уджа удж-бея Эртогрула (ум. в 1281 г.), вождя племени кайы, вернее, некогда отколовшейся и впоследствии разросшейся части этого племени [239, стр. 139]. В 1289 г. султан Рума присвоил Осману, сыну Эртогрула, титул бея, а в 1299 г. Осман уже стал действовать независимо и провозгласил свое княжество самостоятельным государством [164, стр. 9]. По имени Османа его соплеменники стали впоследствии называться османлы, т. е. османцами. Осман и его племя вели полукочевой образ жизни: летом кочевали на яйлаке [219, стр. 14]. Своим сыновьям Осман оставил в наследство табуны лошадей и стада овец — основное свое богатство [407, стр. 600].

Во всех этих карловых княжествах, так же как и в государстве Сельджукидов, вначале господствовали патриархально-феодальные отношения. Так, совет племенных старейшин продолжал играть видную роль в жизни османского княжества: известно, что Осман и его сын и преемник Орхан утверждались в звании бея на совете удж-беев и знатных людей племени [219, стр. 13]. Удж-бей и племенная знать, сосредоточившие в своих руках основное богатство племени — скот, определяли политику государства, направленную на захват новых земель, грабеж соседей, а затем — с середины XIV в., что особенно характерно было для Османского княжества, — и покорение соседних народов в целях получения с них дани [219, стр. 14]. Положение кочевников было лучше положения крестьян и ремесленников (особенно тяжелым было положение христианского населения). Кочевники как основная масса военных ополчений облагались лишь немногими налоговыми сборами, а привилегированные племена (особенно члены бейских дру-

жин) вовсе освобождались от налогов и повинностей. В этом была одна из причин того, что оседание кочевников в этот период замедлилось или прекратилось вовсе.

С образованием феодально-племенных княжеств усилилась роль кочевых племен в политической жизни Малой Азии. Монголы укрепились лишь в Восточной и Центральной Анатолии, в горы и на побережье они не смогли проникнуть из-за сопротивления туркменских племен и вынуждены были признать в ряде случаев автономию и даже независимость туркменских беев [526, стр. 6—7]. Однако монголы часто отправляли против них карательные экспедиции, что создавало в Анатолии обстановку беспрерывных военных действий. Особенное недовольство кочевников, а также горожан и крестьян вызывали злоупотребления иранских чиновников, которых монголы привели с собой в Анатолию [526, стр. 6]. От их произвола многие богатые горожане бежали в Сирию и Египет.

Во время монгольского господства не прекратились восстания туркменских и других тюркских племен против сельджукского султана, ставшего вассалом и данником монголов. Ведущую роль в этих восстаниях играло племя караман⁴ и беи на уджах [370, стр. 159, 182, 189]. Султаны при поддержке монголов жестоко расправлялись с повстанцами, тем не менее эти восстания нередко заканчивались разгромом султанских и монгольских войск [370, стр. 189]. Восставшие несколько раз захватывали Конью — в 1261, 1275 и 1277 гг. [49, стр. 37—38].

В этой обстановке, как считал В. А. Горлевский, родилось у туркмен Малой Азии чувство патриотизма. Борясь с чужеземными захватчиками — монголами и видя бессилие Сельджукидов и даже их измену обще-туркским интересам в Анатолии, некоторые беи пытались взять на себя защиту прав всех тюркских племен в Малой Азии, организовать отпор монголам, освободить столицу Румского султаната от иноземного политического и культурного засилья [49, стр. 38]. Особенно преуспели в этом беи карамана, их княжество стало одним

⁴ На юге Анатолии (вилайет Анталья) до сих пор сохранилось небольшое племенное подразделение юрюков, носящее название караман [381, стр. 218—222]. Возможно, это остатки некогда могущественного племени.

из крупнейших в Малой Азии и самым могущественным в период до возышения Османского княжества⁵. Они даже завладели столицей государства Сельджукидов — Конье. Патриотизм караманских беев проявлялся и в том, что они повели борьбу и против иранского влияния в Малой Азии, и против персидского языка в управлении аппарата Сельджукидов [49, стр. 38]. В 1327 г. в Конье тюркский язык стал употребляться как официальный — в канцелярской переписке, в документах и т. п. [344, стр. 127]. «Мужицкую» власть караманов, изгонявшую из канцелярий персидский язык и заменявшую его языком тюрок, поддерживали и тюрки-крестьяне, страдавшие от двойного гнета — Сельджукидов и монголов [49, стр. 38]. Нужно, правда, отметить, что переход от персидского языка к тюркскому наметился еще раньше. Сразу после монгольского вторжения потюркски стал писать Джеляльэддин Руми. И хотя эти стихи сильно уступают другим его произведениям, написанным по-персидски, и в отношении формы, и в отношении знания языка (они имеют даже грамматические ошибки [511, стр. 59]), само это явление весьма симптоматично. Это была реакция на монгольское завоевание и измену сельджукских султанов, стремление выразить народный дух сопротивления монголам. Ему последовали многие писатели. Его сын Султан Велед тоже стал писать стихи на тюркском языке, на «анатолийско-огузском диалекте», как пишет турецкая литературная энциклопедия [511, стр. 92].

Однако движение караманов за объединение Анатолии, как и стремление их сделать тюркский язык полноправным языком в своем государстве, не увенчалось успехом. Оно патолкнулось на соперничество и междуусобную борьбу феодалов и племенных вождей⁶. Как пишет об этом М. Х. Иынанч, даже после ослабления и ухода монголов из Малой Азии все эти крошечные государства — бейлики и эмирата — передрались между собой, нарушив единство страны и «нации» (вернее, нужно сказать — начинавшейся складываться тюркской этнической

⁵ В. А. Гордлевский считал, что основателем правящей династии этого княжества — Караманидов — был армянин, принявший ислам [49, стр. 98].

⁶ Само княжество Караман было завоевано в 1471 г. османцами.

общности в Анатолии). Эта междуусобная борьба длилась два столетия, еще более усилив разруху в Анатолии. Города пришли в упадок, кочевые элементы усилились, стали властствовать над отдельными районами [526, стр. 7].

Таким образом, монгольское нашествие и последовавшее за ним крайнее усиление феодальной раздробленности и племенной разобщенности, замедление перехода кочевников на оседлость и даже в некоторых случаях возобновление кочевничества — все это резко замедлило, даже оборвало этнический процесс, ведший к образованию древнетурецкой народности. Однако прочные связи тюрок с завоеванными и освоенными ими территориями в Малой Азии, где они составляли уже одну из крупнейших этнолингвистических и культурных общностей, не были уничтожены. Тем самым были созданы все условия, как отмечает А. Д. Новичев, для возрождения турецкого государства (лучше сказать — государства анатолийских тюрок) и продолжения его существования в новых формах [185, стр. 12]. Иначе говоря, предпосылки для образования единой тюркской этнической общности в Анатолии остались. И роль стимулятора возникновения этой общности, как и объединителя всех анатолийских земель под своей властью, призвано было сыграть Османское княжество, которое со временем превратилось в Османскую империю, одну из сильнейших держав средневековья.

ВОЗВЫШЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ ТУРЕЦКОЙ НАРОДНОСТИ

Соседство совершенно обессилевшей Византии благоприятствовало расширению Османского княжества. Поэтому свою экспансию османцы направили прежде всего на запад. К середине XIV в. ими был завоеван весь северо-запад Малой Азии до побережья Мраморного и Черного морей и восточного берега Дарданелл. Во второй половине XIV—XV в. османские султаны завоевали Балканский полуостров, где они встретили также более слабые, чем Османское государство, феодальные княжества, враждовавшие между собой и разди-

равшиеся внутренними усобицами. Кроме того, многие крестьяне Балкан, страдавшие от феодального гнёта, в первое время встречали османцев, о которых знали лишь понаслышке, как своих избавителей [164, стр. 14]. В последние десятилетия XIV в. были покорены и многие тюркские бейлики в Малой Азии⁷.

В 1402 г. после разгрома Тимуром османской армии, Османское государство распалось на части: многие бейлики снова стали независимыми, началась междоусобная борьба за османский престол. Но уже через два десятилетия османцы вновь стали осуществлять политику объединения под своей властью тюркских бейликов Малой Азии и завоевание соседних стран. В 1453 г. был взят Константинополь, османский султан сделал его своей столицей. Во второй половине XV в. было завершено объединение в рамках Османского государства всей Малой Азии: в 1461 г. была завоевана греко-лазская Трапезундская империя, а в 1471 г.—бейлик Караман, бывший претендент на объединение под своей властью Малой Азии.

В XVI в. к Османской державе были присоединены Ирак, Сирия, Палестина, Египет, Йемен, Кипр, Тунис и другие территории. Грузия была поделена между Ираном и османцами (1555 г.). Ряд государств признал себя вассалами османского султана (Крымское ханство, Молдавия, Венгрия, Алжир). Таким образом, в XV—XVI вв. бывший Османский бейлик превратился в многонациональную Османскую империю.

Господствующей народностью в Османской империи были османцы или, как их стали называть славянские народы Балкан, украинцы и русские,—турки. Ядро турецкой народности стало складываться сначала в Османском бейлике, где доминирующее положение занимало племя османлы. Этим племенным этнонимом стали впоследствии официально называться и все турки Османской державы. Однако слово «османлы» (османец или, как иногда пишут, осман) не стало этнонимом, народным самоназванием турок. Сперва оно означало принадлежность к племени османлы или к бейлику Османа, а затем — к подданству Османской империи. Прав-

⁷ О причинах сравнительно быстрых побед османцев над соседними государствами см. [164, стр. 14—18].

да, соседние народы иногда употребляли это наименование применительно к туркам и в качестве этнонима, но лишь для отличия их от других тюркских народов. Например, в русском языке, особенно до 20—30-х годов XX в., бытовало название турки-османцы или османские турки (другие же тюрки часто назывались тоже турками или турко-татарами, турецкими народами или турецко-татарскими народами, как и их языки — турецко-татарскими наречиями или языками).

А этнонимом турок, их народным самоназванием, распространившимся, однако, главным образом среди крестьян, а не среди горожан и феодальной верхушки османского общества, остался древний этноним «турк» (турок)⁸. Причины этого были следующие. Как уже выше отмечалось, этноним «турк» был общим для всех тюркских племен, переселившихся в Анатолию⁹. При оседании части кочевников-турок и смешении их с местным населением племенные связи разрывались, постепенно забывались и племенные этнонимы. В процессе ассимиляции турками местных жителей побеждал турецкий язык. Духовная и особенно материальная культура заимствовалась, наоборот, местная. Однако новообразовавшийся этнос считал себя тюркским, так как говорил на тюркском языке, вернее — на диалектах анатолийско-турецкого языка, и сознавал, что в его происхождении большую роль сыграли тюрки. Но все это было верно в отношении преимущественно крестьян, турецких крестьян, возникших от смешения осевших кочевников-турок и местных дотурецких крестьян, принявших ислам. Что же касается городского населения, то его самоназванием чаще всего было не этническое, а религиозное — мусульмане. Так же называла себя и феодальная верхушка. Среди этих групп населения было распространено и официальное название «османец», но оно чаще значило «подданный Османского государства».

⁸ Как уже отмечалось выше, в турецком языке, как впрочем и в некоторых других языках, нет различия между этнонимами «турк» и «турок». Турк по-турецки значит и турок, как представитель турецкой этнической общности (народности, нации) и тюрк, как представитель этноязыковой общности тюркских народов.

⁹ Этот этноним был «своим» и для турок остальных бейликов, вошедших в Османскую державу. Слово же «османлы» в его этническом значении оставалось для них чуждым.

Это происходило от того, что как городское население, так и феодальная верхушка в Османской империи происходила зачастую не из бывших кочевников-тюрок, а из местного исламизированного населения. Слово «турок» (тюрк) в устах османского правящего класса долго было синонимом «мужика», «плебея», как и в сельджукском государстве Малой Азии. Так, в стихах известного турецкого поэта XVI в. Яхьи Тахлыджалы содержатся ядовитые насмешки над турками — «мужланами», ирония, полная презрения ко всему турецкому [511, т. 4, стр. 57—58]. Французский исследователь М. Гюэ отмечал даже в первой половине XVIII в., что турок значит «крестьянин», «грубый», «неотесанный» и что на вопрос «турок он или нет?» османец отвечает — мусульманин [292, т. I, стр. 8]. Больше того, даже в начале XX в., по свидетельству турецкого исследователя М. Э. Эриширгиля, турками называли только турецких крестьян, горожане же называли себя мусульманами [417, стр. 10].

Объединение Анатолии под властью османского султана, превращение Стамбула (бывшего Константина) в крупнейший административный, торговый, политический и культурный центр Турции способствовали развитию экономических, политических и культурных связей между отдельными районами страны. Все это сближало этнически отдельные группы турок, возникшие от смешения тюрков с местным населением, которое также было этнически различным в разных районах страны, сближало между собой и оставшиеся тюркские кочевые племена, которые все больше переходили к оседлости и смешивались с турками и другим населением. Иными словами, оба процесса — стирание территориальных различий между отдельными группами турок и племенных различий между еще сохранившимися тюркскими племенами, с одной стороны, и оседание тюркских племен и их смешение с турками и другим населением, с другой,— все это вело к образованию турецкой народности. В конце XV — первой половине XVI в. сложилась турецкая народность со своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью.

Конечно, внутренние экономические связи в Анатолии и Восточной Фракии были слабыми, так как социально-экономические условия феодализма не создавали и не могли создать тех почти всеобъемлющих экономических

связей, которые возникают, например, с развитием капитализма и характерны для буржуазной нации. Феодальная экономика не давала особого развития торговым связям, которые были крепкими лишь в пределах небольших районов, имевших свои торговые центры. В Анатолии не было единого рынка. Крестьянское хозяйство было в основном натуральным, зачастую не выходившим даже на внутренний рынок данного небольшого района. К тому же и постоянные территориальные связи, особенно в Восточной Анатолии, еще не установились в силу географической изолированности отдельных районов и плохих, а подчас и не безопасных из-за разбоя кочевников, путей сообщения.

Все эти факторы, главным образом социально-экономического характера, сдерживали окончательное слияние в единую этническую общность многих территориальных групп турок, способствовали сохранению обособленности кочевых племен и племенного этнического самосознания у их членов, препятствовали стиранию диалектальных особенностей в языке, тормозили распространение единого этнонима и т. д. Иначе говоря, турецкая этническая общность в Анатолии и Восточной Фракии в конце XV—XVI в. была типично феодальной народностью.

Турецкая народность отличалась и рядом специфических черт. Прежде всего она вобрала в себя и постепенно ассимилировала очень много разнородных нетурецких этнических элементов.

КОЛОНИЗАЦИЯ ТУРКАМИ РЯДА БАЛКАНСКИХ СТРАН

Выше уже обращалось внимание на то, что тюрки еще во время существования сельджукского государства в Анатолии вобрали в себя много местных этнических элементов (греков, армян, грузин, курдов и др.). Этот процесс происходил и после распада Румского султаната — в отдельных княжествах, правда, с меньшей степенью интенсивности, так как после монгольского нашествия произошло временное усиление кочевничества у тюрок. С новой силой началась ассимиляция турками отдельных групп местного населения в Османском госу-

дарстве. Нужно отметить, что отныне в сферу ассилиации — исламизации и последующей туркизации попали частично и народы Балкан: славянские (сербы, болгары, хорваты, боснийцы и т. п.), албанцы, греки собственно Греции и Архипелага, румыны, венгры и др. В других странах, завоеванных султанами, в османскую феодальную верхушку влилось много местных мусульман — арабов, курдов и др.

После завоевания какой-либо страны на Балканах османские султаны направляли туда не только военные гарнизоны из сипахиев и янычар и представителей своей администрации¹⁰, но и отдельные группы мусульман, главным образом крестьян, из Анатолии [303, стр. 107, 123—124].

Эти переселенцы селились на Балканах обособленно от христианского населения — отдельными деревнями или отдельными кварталами в городах, что подтверждается архивными документами XV в. [303, стр. 126]. Переселение мусульман из Анатолии преследовало стратегическую цель — упрочить положение турок-завоевателей в покоренных странах. Однако впоследствии эти мусульмане, большинство их составляли турки, сливались с местными новообращенными мусульманами, ассилировались друг с другом. В процессе ассилияции побеждал турецкий язык, но многое в культуре и даже в языке (например, лексика) заимствовалось у местного дотурецкого населения. Так возникли на Балканах очаги турецкого населения.

Конечно, степень колонизации балканских стран и тем более степень ассилияции балканских народов турками не стоит преувеличивать. На большинстве завоеванной территории, за исключением Анатолии и прилегающей к Стамбулу части Румелии (нынешней Восточной Фракии, или Европейской Турции), турки были лишь оккупантами. Балканские народы продолжали жить более или менее компактными массами. Османские феодалы, турецкие гарнизоны и администрация представляли собой чужеродный и количественно незна-

¹⁰ Топонимия на Балканах сохранила ряд османских военных и административных титулов — чавуш (младший офицер), кады (кадий, мусульманский судья), секбан (стрелок), мюдеррис (преподаватель медресе, одна из богословских степеней), дамгаджи (хранитель печати) и пр. [303, стр. 125—126].

чительный элемент. Например, в Морее даже в XVII в. на 400 тыс. греков было всего 15—20 тыс. мусульман [165, стр. 35, 58]. Оккупантами оставались турки и на большинстве других завоеванных ими территорий — в Египте, Сирии, Курдистане и т. п.

РОЛЬ ЮРЮКОВ В КОЛОНИЗАЦИИ РУМЕЛИИ

На Балканы переселились и некоторые тюркские кочевники из Анатолии. Кочевые племена играли большую роль в Османском государстве в первое время после его возникновения. Военная организация кочевых племен, наряду с турецкими крестьянами-колонистами, была важным фактором турецкой колонизации и последующей частичной туранизации Румелии. 1352 г., когда Орхан-бей переправил османские войска через Дарданеллы на европейский берег, является началом этой колонизации. А в это время в османской армии большое место занимали еще племенные ополчения. Возможно, к этому времени отдельные племена (основу их составляли тюрки, вобравшие много местных кочевых элементов) и начали складываться в своего рода этническое целое, получившее впоследствии общее название племен юрюков. Конечно, это была очень относительная этническая общность, так как с самого начала она была разделена на отдельные племена. Но их сближало многое общее в кочевом хозяйстве и быте¹¹.

До XV в. исторические источники ничего не сообщают о юрюках. И только в XV в. в «Кануннамэ» (своде законов) Османской империи и в трудах османских историков (Оруч бин Адиль, Ашик-паша-заде) впервые упоминаются юрюки [371, стр. V; 411, стр. 3—4].

Немалое значение в формировании этнической общности юрюков имело существование в Османской империи в XV—XVIII вв. военно-административной организации кочевых племен, члены которой назывались юрюками. В «Кануннамэ» султана Мехмеда II Фатиха (1451—1481) есть статья, определяющая правовое положение и обязанности юрюков [371, стр. V]. В «Ка-

¹¹ Во время нашествия Тимура в 1402 г. из Анатолии на Балканы откочевало много туркмен, курдов и арабов [499, стр. 45—46].

нуннамэ» Сулеймана I Кануни (1520—1566) есть несколько статей о юрюках [371, стр. V].

В административном отношении юрюкские племена, переселенные в Румелию, были приписаны к нескольким территориальным единицам — зеамет-бейликам, во главе которых стояли зaimы (крупные военные ленники), называвшиеся также племенным титулом «субаши» или «сюбаши» [427, стр. 655; 387, стр. 11], значившим «военачальник» (сю — войско, баш — глава). Это деление в самом начале было скорее племенным, чем территориальным. М. Т. Гёкбильгин считает, что названия зеамет-бейликов Коджаджик и Налдёкен произошли от имен племенных вождей — Коджа Хамза и Налбант Доган. Зеамет-бейлик Текирдаг имел также и иное название, скорее всего племенное — Карагёз [427, стр. 654—655]. В Иране, например, есть тюркское племя карагозлу. До середины XV в. несколько объединений кочевых юрюков назывались по именам племенных вождей — юрюки умур-ханлу и яй-дёкен [427, стр. 655]. В районе современного болгарского города Пловдив существовали два небольших зеамет-бейлика — Актуг и Октав. С. Четинитюрк предполагает, что эти названия также произошли от наименований племен [402, стр. 110]. Оруч бин Адиль сообщает, что некоторые завоеванные земли были переданы «пароду яхшилы и акбаш» [219, стр. 15]. Акбаш, уже как племя, упоминается затем и в архивных документах, опубликованных А. Р. Алтынаем [371, стр. 77]. В топонимии Балкан сохранились и племенные тюркские этнонимы — кайы, салурлу, туркмен, акчакоюнлу и др. [303, стр. 125—126]. Все это свидетельствует, что сначала юрюки делились по племенному принципу и селились отдельными племенами. Иначе говоря, юрюкские племена (а возможно, и самоназвание «юрюк») существовали до создания османцами одноименной военно-административной организации.

Кроме того, в XV в. и позже кочевые племена юрюков жили не только в Румелии, но и в Анатолии, например в районе Анкарьи (юрюкян-ы Анкара). Они не входили в военную организацию балканских юрюков, и термин «юрюк» в отношении их употреблялся только в качестве этнонима¹² [427, стр. 652]. Это дает основание

¹² Этноним «юрюк» мог возникнуть от антропонима, имени какого-нибудь вождя, возглавившего группу кочевников. А личное

предполагать, что название «юрюк» как этническое обозначение части кочевых племен Турции существовало до создания военно-административной организации юрюкских племен. Одноименная военная организация лишь закрепила это название в официальном языке и способствовала утверждению его в качестве этнонима. Примером тому, как названия военных племенных или территориальных организаций в определенных исторических условиях становятся наименованиями этническими, может служить история возникновения наименований «шахсевены» в Иране и «казаки» в России. Сходное явление в отношении термина «курд» отмечает О. Л. Вильчевский [35, стр. 74]. (Подробнее о происхождении юрюков см. [91, стр. 24—48]). Ужё после того как юрюки сформировались в этническую общность, они ассимилировали несколько этнических групп. Так, при колонизации Румелии в состав юрюков вошло много татар. Впервые для заселения новых земель татар привлек Баязид I Йылдырым (1389—1402). Это были в основном татары-ногайцы из южнорусских степей и Крыма. Четыре группы татар, входивших в военную организацию юрюков, долго сохранялись обособленно, но впоследствии с ними ассимилировались [427, стр. 651, 655]. В новые области не всегда направлялись только тюркские кочевники. Когда Сулейман-паша, сын Орхана, попросил отца прислать мусульман для заселения новоприобретенных земель на Галлиполийском полуострове, туда было отправлено кочевое племя из района Кареси на побережье Мраморного моря. У Ашик-паша-заде это племя названо кара-араб [303, стр. 122]. По мнению А. С. Тверитиновой, это были арабы [219, стр. 16].

Зеамет-бейлики юрюков подразделялись, в свою очередь, на сераскерлики, возглавлявшиеся сераскерами — военачальниками, имевшими также и племенной титул «черибashi» [427, стр. 655]. Черибashi тоже означал «военачальник» (чери — войско, баш — глава). Сераскерликъ

имя «Юрюк» у тюрок существовало. Сельджукские хроники упоминают об Алп-Юрюке, сыне одного из беев племени кайы [480, т. IV, стр. 197], другое имя — Боз-Юрюк — встречается в эпосе «Деде Кэркуд» [429, стр. XIV]. Случай же превращения антропонима в этноним у тюрок были часты: Осман — османлы (османцы, османские турки), Ногай — ногаи (ногайские татары), Сельджук — сельджуки, возможно, Узбек (хан) — узбеки и т. п.

делились на оджаки, в каждом из которых первоначально должно было насчитываться 24 взрослых мужчины, а с середины XVI в.—30 мужчин¹³. Оджак выставлял одного вооруженного воина сроком на шесть месяцев [509, т. I, стр. 561, т. III, ч. 2, стр. 285; 402, стр. 111; 371, стр. V—VII]. Черибashi возглавляли отряды, сформированные из этих воинов [371, стр. VI]. Оставшиеся члены оджака обеспечивали воина вооружением, продовольствием и одеждой. Это осуществлялось путем сбора с них по 50 акче (примерно стоимость двух овец [401, стр. 509]). С помощью этой организации султанское правительство стремилось, во-первых, взять под контроль кочевые племена, а во-вторых, использовать их в качестве вооруженной силы против внешних и внутренних врагов. По социальной сути это была военно-ленная система, примененная к кочевым племенам. Подать, собранная с юрюков (ее собирали субаши), частично шла в государственную казну, а частично — на нужды субаши и черибashi. У субаши и черибashi были и свои приписанные к ним юрюки [402, стр. 112], т. е. своего рода слуги или «дворовые из крепостных».

О численности юрюков в Румелии в XVI в. можно судить по числу оджаков, которых было 1545 [402, стр. 112]. Считая в одном оджаке 30 взрослых мужчин, всего во всех оджаках получим 46 350. На каждого взрослого мужчину приходилось не менее пяти человек — женщин, стариков и детей. Таким образом, общее население в этих оджаках составляло около 230 тыс. человек, т. е. общая численность юрюков в Румелии не превышала 250 тыс. (если прибавить еще и юрюков, приписанных к субаши и черибashi вместе с семьями, а также отдельные мелкие родо-племенные подразделения, не входившие в военную организацию)¹⁴.

Это сравнительно небольшое число юрюков было расселено на довольно большой территории, которая

¹³ В этом случае слово «оджак» уже не имело своего первоначального значения (очаг, дым, двор, дом, семья, род), а имело значение военно-административной единицы. Например, оджак янычар (войсковое соединение, корпус) или оджак сипахиев (конное подразделение военных ленников) [426, стр. 38].

¹⁴ В XVII в. число оджаков сократилось до 1294. Часть племен откочевала в Анатолию, часть — осела; упала также роль военной организации юрюков в государстве [509, т. III, ч. 2, стр. 285; 284, стр. 1242].

включала не только нынешнюю Европейскую Турцию, но и всю Фракию и Македонию: причем на ее северной границе юрюки были расселены вдоль Дуная до Бендер и Аккермана (Белгород-Днестровский), а на южной — до Салоник [402, стр. 110]. Рассредоточенные среди местного нестюркского населения, которое резко превышало в количественном отношении юрюков, эти кочевые племена, естественно, не смогли полностью туркизировать Румелию, но определенную роль в ее частичной туркизации они, безусловно, сыграли. Смешение юрюков с местным населением Балкан шло через процесс их оседания. М. Т. Гёкбильгин отмечает, что еще в начале XV в. отдельные юрюкские племена вели полуоседлый образ жизни и занимались земледелием [427, стр. 653]. Переход к земледелию часто был обусловлен упадком кочевого скотоводства. Разорившиеся юрюки шли обрабатывать землю у феодала и платили ему поземельный налог [401, стр. 486]. Субаши и черибаши военной организации юрюков по мере оседания кочевников превращались в феодалов, взимавших налоги с осевших юрюков, а их зеамет-бейлики и сераскерлики — в феодальные владения, обладание которыми часто уже не обязывало нести военную службу [371, стр. 60]. Но многие юрюки на Балканах остались кочевниками или полукочевниками вплоть до наших дней, большинство их возвратилось в Анатолию после первой мировой войны. Некоторые же осевшие юрюки так и не смешались с местным населением или с переселившимися на Балканы турками, они, тоже под названием юрюков, и поныне живут в некоторых районах Балкан [284, стр. 1242].

АССИМИЛЯЦИЯ ТУРКАМИ ЧАСТИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ АНАТОЛИИ И БАЛКАН

Ассимиляция турками местного населения как в Анатолии, так и в Румелии, происходила несколькими путями. Первым шагом к такой ассимиляции было обычно принятие ислама частью местных жителей. Исламизация же заканчивалась в большинстве случаев туркизацией.

Основу молодого османского феодализма составляла

военно-ленная система. Все завоеванные земли делились на военные лены мелкие — тимары и крупные — зеаметы), хассы (земли султана, членов династии, везиров, высших сановников), вакуфы (земли мусульманских общин). Лены давались феодалам за военную службу. Военно-ленная система не затронула существа производственных отношений, сложившихся до османского завоевания. Сменив, и то не везде, одних феодалов другими, завоеватели сохранили прежний способ эксплуатации основного производительного класса — крестьянства [165, стр. 30]. Это была преимущественно издольщина.

Однако в отношении уплаты налогов крестьянство находилось не в равных условиях. Крестьяне-мусульмане платили основной налог (или ренту) — ашар, десятину с различных продуктов сельского хозяйства. А немусульмане платили повышенный поземельный налог (харадж) и дополнительный личный (джизье). Последним облагались трудоспособные мужчины с 16 лет, и фактически это был выкуп за освобождение от военной службы, так как в армии служили в основном мусульмане. Налоги с военно-ленных земель шли на содержание сипахиев.

Помимо этого, немусульмане, конечно, пользовались гораздо меньшими правами, чем мусульмане, имевшие в Османском государстве военно-феодальной мусульманской теократической монархии ряд привилегий. Немусульмане больше подвергались произволу османских феодалов и органов власти — вымогательствам, прямому грабежу, оскорблению, побоям и даже убийствам. Немусульманин считался неверным — гяуром, человеком второго сорта, находившимся по сути дела вне закона.

Византийский летописец Дука пишет, что турки всегда принуждали христиан Анатолии переходить в ислам [411, стр. 31]. Но кроме насильственной исламизации, была и исламизация иного рода. Тот факт, что мусульмане меньше платили налогов, пользовались большими правами, чем немусульмане, естественно, стимулировал переход многих крестьян в ислам. Кроме того, что переход в ислам сулил крестьянину большие выгоды, материальные и моральные, османские султаны вели еще и своего рода пропаганду за принятие мусульманства крестьянами враждебных империи государств. В этом

отношении они продолжали политику Сельджукидов Рума.

Султаны поддерживали, пишет Р. С. Атабинен, сельское население против христианских феодалов и воевод. Были даже специальные инструкции великих визиров пашам — наместникам в пограничных районах. «Обращайтесь с нашими подданными так,— указывал Сулейман I Кануни (1520—1566),— чтобы крестьяне соседних княжеств завидовали их судьбе и предпочитали наше управление власти христианских государей». Не удивительно, что часть крестьян перебегала к османцам [249, стр. 158]. О переходе крестьян в ислам целыми деревнями сообщают османские источники. Так, по свидетельству Ашик-паша-заде, современника событий XV в., несколько деревень в районе Гёйнюка перешли в ислам [498, стр. 43, 68]. Христианская церковь вела, так сказать, контрпропаганду. В 1337—1340 гг. было распространено обращение Константинопольского патриархата к христианскому населению Никеи (современный Изник), призывающее не переходить в ислам [351, стр. 152].

Другим фактором исламизации части покоренного населения был переход многих представителей местной знати в завоеванных османцами странах на сторону победителей и принятие ими ислама. Ряд аристократов, перейдя на службу к османцам, получили свои прежние владения в качестве тимаров и зеаметов [249, стр. 157—158]. Х. Иналджик на основании данных османских архивных документов установил, что в XV в. на службу к султанам перешли многие местные феодалы и что христиане составляли значительную часть тимариотов (владельцев тимаров) во вновь завоеванных землях. Многие бывшие христианские феодалы, приняв ислам, становились правителями областей (санджак-бяями) [303, стр. 113—115].

Это отмечают и многие советские исследователи. Переход на службу к султанам местных христианских феодалов, пишет А. С. Тверитинова, сопровождался обычно принятием ислама. На службу переходили очень влиятельные лица, например сын сербского князя Лазаря — Стефан [219, стр. 19]. Значительная часть болгарского боярства, сербских и боснийских великаш спасла свои феодальные владения и права ценой принятия ислама, отмечает И. С. Достян. Многие из них влились в фео-

дальный класс Османской империи и впоследствии ассирировались турками [72, стр. 44].

Некоторые византийские феодалы, например, деспоны Эвренос и Кёсе Михал, стали османскими феодалами, получившими огромные поместья на Балканах [249, стр. 158].

Еще одним фактором этнического смешения турок с местным населением Балкан был угон пленных, рабов, крестьян в Анатолию и поселение их там. Нередко при захвате отдельных областей, пишет А. С. Тверитинова, ссылаясь на Мюнеджим-бashi [475, т. III, 289], население целых районов уводилось в Анатолию [219, стр. 24]. После похода в Сербию, сообщает византийский хронист Дука, Мехмед II Фатих (1451—1481) поселил 4 тыс. мужчин и женщин, захваченных там, в деревнях вокруг Стамбула¹⁵ [74, стр. 409]. Всего же этот султан увел из Сербии и Боснии и поселил в Малой Азии около 200 тыс. человек [141, стр. 191]. А вот еще одно сообщение Дуки, касающееся раннего появления османцев на Балканах, когда они пришли как союзники византийца Иоанна Кантакузина: «Турки же, прекратив сражение, отправились грабить деревни. И вот они погнали в Константинополь на продажу бесчисленные толпы закованных в цепи людей: мужчин и женщин с грудными детьми и цветущих юношей, священников и монахов» [282, стр. 32].

Х. Иналджик пишет о переселении в Стамбул и его окрестности крестьян не только из Сербии, но и из Албании, Мореи, Кафы (Феодосия). Группа албанцев была поселена Мехмедом II в Трапезунде (Трабзон) [303, стр. 123—124].

О превращении османцами части местных жителей в рабов свидетельствуют сербские источники. После того как сербский город Ново Брдо добровольно сдался туркам (1455 г.), султан Мехмед II приказал перебить сильных и здоровых мужчин, а 320 юношей и 700 женщин раздал своим приближенным в качестве рабов [167, стр. 116—117].

С XIV в. в Османском государстве получила широчайшее распространение работорговля, возникшая в результате захвата больших масс пленных и покорения ря-

¹⁵ Около Стамбула сохранились топонимы «Белградский лес» (Белград орманы), Поле (Полья) и др. — возможные следы этого переселения.

да народов. В Анатолии появились специальные невольничьи рынки. Работоторговцы отправлялись вместе с войском в походы, чтобы по дешевой цене скупить захваченных пленных. Получение мыта от продажи рабов было одной из статей доходов султанской казны [72, стр. 40]. Работоторговля существовала в Османской империи очень долго. Еще в середине XIX в. в Стамбуле был невольничий рынок [334, стр. 247]. Только в 1909 г. был принят закон, запретивший куплю и продажу рабов [227, стр. 138].

Нужно отметить, что и Византия вела, вплоть до своего падения в 1453 г., обширную работоторговлю, причем часто рабов продавала османцам [250, стр. 157].

Этническое смешение шло и через военную службу в османской армии. В войсках султана, особенно в начале возышения Османского государства, служили не только турки и другие мусульмане (арабы, курды и т. п.), но и много христиан. Часто это были перебежчики из лагеря противника. Так, в битве на Косовом поле (1389 г.) босняки под предводительством Владко перешли на сторону османцев. Акындже (легкая кавалерия) Эврепос-бэя, османского феодала и полководца, бывшего византийского деспота, пополнялась добровольцами из местного населения Балкан [249, стр. 69]. В конце XV в., отмечает хронист Идрис Бидлиси, христиане составляли значительную часть османской армии [303, стр. 117]. В войске Мехмеда II было много сербов (сербские отряды сражались под османскими знаменами еще в 1402 г. в битве при Анкаре с войсками Тимура [250, стр. 144]), а также богомилов [249, стр. 159], представителей антифеодального и антивизантийского движения среди балканских народов, выступавшего под религиозной оболочкой ереси. В Боснии, Сербии, Македонии, Болгарии в османскую армию влились так называемые «войнуки», которые обладали рядом таких же прав, как сипахи [303, стр. 114]. В турецких крепостях служили жандармы из христиан — мартолосы [31, т. II, стр. 196].

Все это были, однако, нерегулярные войска. Но в 1361—1363 гг. в османской армии, среди других регулярных частей, был создан первый пехотный корпус из христиан-военнопленных, получивший затем название «ени чери» (новое войско), откуда и вошло в оборот слово «янычары». В 20-х годах XV в. для комплектования яны-

чар стала применяться система девширме: набор христианских мальчиков и юношей в возрасте от 8 до 20 лет, которые затем проходили военное обучение, принимали ислам и постепенно ассимилировались турками (для первоначального обучения и воспитания их часто помещали в турецкие семьи) [185, стр. 16]. Янычарам вначале запрещалось жениться и обзаводиться семьями, но вследствии этот запрет не соблюдался. Османский военный флот комплектовался главным образом из греков и лазов, являвшихся отличными мореплавателями. Даже в XVIII в. экипажи судов состояли из греков, лишь морская пехота — из турок [165, стр. 96].

Многие бывшие военнопленные, рабы, янычары, дети османских подданных — христиан, принявшие ислам и вошедшие в доверие султана, назначались на самые высокие посты в османской армии и государстве. Это была система кулов (рабов), т. е. продолжение сельджукской системы гулямов или мемлюков. Кулами считались вообще все подданные султана. Система кулов, наряду с военно-ленной системой, давала возможность султану противостоять крупным потомственным феодалам и способствовала упрочению в завоеванных землях центральной власти. Османский феодализм, за немногими исключениями, не знал родовой наследственной феодальной аристократии, как это было в средневековой Европе. Любой подданный султана мог выдвинуться на самые высокие посты в государстве. Особенно большое распространение система кулов получила при султане Мехмеде II и после него. Многие его великие везиры происходили из рабов [303, стр. 120—122]. Можно привести несколько наиболее ярких фактов, когда бывшие рабы, янычары или принявшие ислам выходцы из вражеского стана, становились выдающимися государственными деятелями, видными военачальниками, деятелями науки и культуры. Везиры первой половины XV в. Махмуд-паша, Мурад-паша, Заганос-паша, Руми Мехмед-паша, Гедик Ахмед-паша, Исхак-паша и другие были византийцами, перешедшими на службу к султану и принявшие ислам [249, стр. 158]. Одним из первых кадиев (мусульманских судей) Стамбула был Молла Хюсрев, француз, плененный в битве при Никополе в 1396 г. и обращенный в ислам [250, стр. 144]. Крупнейший османский зодчий Синан (1489—1588) — в молодости янычар, родом грек [165, стр. 463;

166, стр. 29]. Известный турецкий мореплаватель и картограф Пири Реис (ум. в 1554 г.) также был родом грек. Выдающийся поэт Иса Неджати (ум. в 1509 г.) был из рабов, захваченных при взятии Адрианополя, другой поэт — Яхья Ташлыджалы (ум. в 1582 г.) происходил из взятых по девширме [511, т. 2, стр. 137, т. 4, стр. 57—58].

Эти факты отмечали и сами султанские «выдвиженцы». Так, великий везир султана Мехмеда II, отуреченный албанец, извещая придворных о смерти султана, говорил: «Было еще одно обстоятельство, содействовавшее укреплению этого (т. е. Османского. — Д. Е.) государства и увеличению его влияния: мудро и искусно собирали они (султаны. — Д. Е.) среди всех племен людей, обреченных на несчастную мужицкую жизнь, не почитающих единого бога, о котором возвестил пророк. Их они сделали благочестивыми и счастливыми, наградили чинами и славными должностями. Из этих людей и я происхожу, и значительная часть слушающих меня» [282, стр. 130].

Среди османских государственных деятелей было много и славян по происхождению, так называемых потурченцев. При султане Баязиде II (1481—1512) четыре везира были потурченцами, при султанах Сулеймане I и Селиме II (1566—1574) из девяти великих визиров восемь были славянами-потурченцами. Один из них, Рюстем-паша, был родом хорват. Знаменитый великий везир Мехмед Соколлу (Соколович) был взят по девширме из деревни Сокол в Боснии; он был сначала капудан-пашой (адмиралом), затем везиром и фактическим правителем империи с 1568 по 1579 г. при безвольных преемниках Сулеймана I — Селиме II и Мураде III [165, стр. 464]. В конце XV в. принявший ислам сын владельца Зеты Юрий Черноевич получил от султана земли в Анатолии [72, стр. 44]. Б. де ля Брокьер встретил в 1433 г. бейлербeya Румелии (главного бея, начальника военного ополчения румелийских феодалов) — бывшего раба-болгарина. Великий везир конца XVI в. Мехмед был тоже болгарин, из рабов [72, стр. 40].

Наконец, был еще один фактор этнического смешения турок с другими народами. Много женщин из завоеванных стран поступало в гаремы султана, феодалов, сановников. Часто даже простой воин обзаводился женой-христианкой. Участвовавший в 1438 г. в набеге на южные

области Венгрии летописец Ашик-паша-заде сообщает, что пленных, захваченных в этом походе, оказалось так много, что рабыню-пленицу можно было получить в обмен на сапоги [379, стр. 125; 219, стр. 24]. А вот более позднее свидетельство Эвлия Челеби (1657 г.): «В 80 тыс. повозок, захваченных в таборе (т. е. в обозе венгров. — Д. Е.), были подобные сверкающему солнцу пленицы-невольницы, каждая из которых стоила хараджа со всей Румелии, а проданы они были за трубку или за окку хлеба» [242, стр. 69]. Султаны часто поощряли браки между мусульманами и захваченными христианками. Османские летописцы Ашик-паша-заде и Коджа Хюсейн рассказывают, что однажды султан Орхан обходил и осматривал только что захваченный город Никую. К нему с воплем обратилась толпа женщин. «Многие из нас, — кричали они, — погибли от мечей твоих воинов, и скольких унесли голод и чума. От недостатка и несчастий жизнь наша стала невыносимой». Тогда султан обратился к своим кадиям и сипахиям с указом: «Пустьте, у кого есть нужда в этом, возьмут к себе жен из числа этих женщин». И тем, кто женился, он давал дом и назначал содержание [219, стр. 23].

У османцев, таким образом, наблюдалась та же тенденция к «ксеногамии», что и у сельджуков. Это было характерно как для верхов, так и для низов османского общества. Члены османской династии часто вступали, на первых этапах развития Османского государства, в браки с христианскими принцессами. У Орхан-бэя женой была византийская принцесса Теодора, у султанов Мурада I, Баязида I Иылдырыма, у двух сыновей Баязида I жены тоже были из принцесс-византиек. Любимой женой султана Сулеймана I была украинка Роксолана, игравшая большую роль в политической жизни. У многих турок, вплоть до XVIII—XIX вв., жены часто были из рабынь — грузинок, венгерок, полек, украинок, черкешенок и др. [250, стр. 143; 292, т. I, стр. 404, т. II, стр. 28].

Такими разнообразными путями вливались в турецкую народность представители других этнических групп. Х. Иналджик считает, что образовавшаяся турецкая народность на 30% состояла из исламизированного автохтонного населения, а 70% составляли тюрки [303, стр. 152]. Но скорее всего процент тюрок был намного ниже.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА ТУРОК В XV—XVI вв.

Объединение Анатолии под властью султанов способствовало нормализации экономической и культурной жизни. Постепенно упрочивались торговые связи. Восстанавливались пришедшие в упадок во время монгольского нашествия, феодальных усобиц и османского завоевания старые центры ремесла и возникали новые. По мере укрепления государственной власти закладывались основы турецкой науки, литературы и искусства. Однако культурный уровень турок-османцев зачастую был значительно ниже, чем у подчиненных ими народов Малой Азии и Балкан. Даже в середине XV в., когда Османская империя экономически и политически окрепла, сильные пережитки кочевого уклада жизни турок тормозили развитие культуры [166, стр. 10]. Один из европейцев, побывавших в Турции в середине XV в., писал, что среди турок целые поколения ничем другим и не занимаются, как только пастьбой и охраной скота, по обычаю древних предков [136, стр. 231]. В этих условиях восприятие более высокой культуры, как отмечает Ю. А. Миллер, было закономерным [166, стр. 10].

Кроме того, турецкая культура XV—XVI вв. испытала и сильные внешние влияния. При османском дворе получили большое распространение языки исламской науки и культуры того времени — арабский и персидский. Благотворным было и пребывание в Турции многих выдающихся ученых и поэтов из стран Ближнего Востока и Средней Азии. Например, Али Кушчи, ученик Улугбека, преследуемый фанатиками-муллами, бежал из Самарканда в Стамбул, где основал школу астрономов и обсерваторию. В это время были переведены в Стамбуле сочинения известных ученых Казвини, Абу-ль-Фиды, Табари по космографии и знаменитая география Птолемея [166, стр. 10].

В XV в. зародилась и в XVI в. достигла наибольшего расцвета османская литература, в которой ведущее место занимала поэзия, находившаяся, однако, под сильным влиянием арабской и персидской поэзии (даже основные поэтические формы были заимствованы — газель, лирическое стихотворение с печальным содержанием; касидэ, стихотворение типа оды; месневи, поэма

эпического или богословского характера, и др.). Язык литературы был очень далек от народного разговорного языка.

Вообще, у турок XV—XVI вв. язык сложился еще не окончательно. Народный разговорный турецкий язык делился на ряд диалектов, очень отличавшихся один от другого. В основе их, как уже отмечалось выше, лежали диалекты тюркских племен. Кроме того, они подверглись значительному влиянию местных субстратов, особенно лексика. Причем теперь это уже были не только греческие, армянские, грузинские, курдские и другие малоязийские заимствования¹⁶, часть которых была освоена еще тюрками Румского султаната, но и лексика с Балкан, главным образом славянская. Славянские элементы, влившиеся в турецкую народность, естественно, оказывали влияние и на язык, и на культуру турок. Многое турки перенимали и в процессе общения с другими balkанскими народами, стоявшими, как правило, выше их по уровню социального и культурного развития. Наибольшее славянское влияние на турок началось после завоевания Сербии (1389 г.) и Болгарии (1393 г.). В. А. Гордлевский приводит такой факт, показывающий значительность славянских элементов в Стамбуле в XV—XVI вв.: при османском дворе одно время даже господствовала сербская речь [56, стр. 10].

Строго говоря, начало славянского влияния на турок восходит и к более раннему времени — еще до османского завоевания Balkанского полуострова. Это — влияние славян на турок, которые попали в Малую Азию через южнорусские степи и Balkаны¹⁷, и на тюрок-сельджуков в самой Малой Азии, где существовали славянские колонии и поселения славянских наемных военных отрядов. О том, что эти колонии были довольно многочисленны, говорят многие факты. В народном движении 821—825 гг. в Малой Азии («восстание Фомы Славянина») активное участие приняли славяне, выступившие вместе с армянами, лазами и др. Юстиниан II переселил в Малую Азию славян, из которых на рубеже

¹⁶ Подробно о лексических заимствованиях в турецком языке см. гл. V.

¹⁷ Например, славянское слово «изба» (в форме «ызба») зафиксировано в половецком языке «Кодекса куманикуса» (XII в.) [203, т. I, ч. 2, стр. 1399].

VII—VIII вв. формировался 30-тысячный военный корпус [143, стр. 113]. В 762 г. в Малую Азию переселилась славянская колония численностью около 208 тыс. человек [143, стр. 113]. Источники отмечают также неоднократные случаи перехода славянских отрядов на сторону арабов [143, стр. 114]. В 989 г. варяго-русская дружина, прибывшая из Киева, помогла Василию II одержать победу над мятежными феодалами [17, стр. 20]. Аристакэс Ластивертци называет варяго-русские отряды эрузами (русами) и врангами (варягами). Это были самые боеспособные отряды византийского войска, отличившиеся и в битвах с сельджуками [17, стр. 50, 100]. В X в. в Константинополе была торговая колония русов. В 1018 г. византийцы переселили много мятежных болгар в Армению¹⁸ [143, стр. 144, 167], а к этому времени основная масса болгар была славянами. Анна Комнина упоминает о селении Сагудай (севернее Никеи), жители которого были славяне [15, стр. 402, 615]. О славянах в Малой Азии есть специальные исследования В. И. Ламанского [141] и П. Хараниса [274]. В топонимах северо-западной части Анатолии находят связи со славянismами: Либусса (Либуша, Любуша?), Загора, Киос (Кий? ср. Киев) [141, стр. 155—156].

В турецкой лексике есть немало балканализмов — заимствований из южнославянских, венгерского и румынского языков. Эти слова связаны преимущественно с оседлой земледельческой культурой, например славянизмы — избе (подполье, землянка, изба), кулучка (клуша, наседка), колеска (коляска), хамут (хомут), пуллук (плуг), капуска (блюдо из капусты), борч (борщ), вишне (вишня); венгерские заимствования — паланка (частокол), варош (городок, предместье), кочач (кучер); румынские — маса (стол), соба (печь), франджола (булка), кашер, кашкавал (сорта сыра) и др. [203, т. I, ч. 2, стр. 1545, т. II, ч. 1, стр. 981, ч. 2, стр. 1699, т. IV, ч. 2, стр. 1948, 1959, 2051; 31, т. I, стр. 319, 523, т. II, стр. 71; 322, стр. 56]. Многие славянизмы вошли даже в официальный османский язык, например войвода (воевода). Так назывались вплоть до середины XIX в. правители санджаков (областей) [308, стр. 48].

¹⁸ Правителем Васпуракана накануне битвы при Манцикерте был Ахарон, сын Булгара [17, стр. 94].

Официальным и литературным языком был очень далекий от турецкого разговорного языка «османский язык» (османлыджа). Письменность его была на основе арабской графики, лексика — в основном арабская и персидская¹⁹, а грамматический строй, хотя и был преимущественно турецким, но включал в себя очень много элементов персидской и арабской грамматик. Преобладание арабо-персидской лексики и наличие даже грамматических форм этих двух языков в «османском» объясняется историческими причинами. Арабский язык в его классической форме уже у тюрок сельджукского государства являлся языком религии (ислама суннитского толка), языком религии был он и в Османском бейлике и в других бейликах Анатолии, а затем и в Османской империи, что в мусульманском феодально-теократическом государстве открывало перед ним почти все сферы общественной жизни для проникновения. На языке Корана не только велась служба в мечетях и читались проповеди, но он широко употреблялся и в мусульманском судоизвестии, основанном на шариате (мусульманском праве), в канцеляриях и в армии, в школах (медресе), находившихся в ведении духовенства (светских школ не было). Влияние персидского языка тоже восходило еще к эпохе Сельджукидов, при дворе которых он был литературным и официальным письменным языком. Влияние персидского языка шло и через персидскую поэзию, лучшим образцам которой подражали османские поэты.

На «османском языке» писали турецкие поэты и историографы XV—XVI вв. Однако создание собственной литературы даже на «османском языке» было все же крупным шагом вперед по сравнению с предыдущей эпохой — сельджукской, когда в литературе (поэзии и исторических сочинениях) безраздельно господствовал персидский язык²⁰. Поэтому можно считать, что такие поэ-

¹⁹ В «османский язык» проникло много и грецизмов. Так, в официальных документах Турции XV—XVII вв. для обозначения деяния употреблялось, паряду с арабским «ушр» и тюркским «онлук», греческое слово «димос» [217, стр. 209].

²⁰ По-персидски (а также по-арабски) писали и многие османские поэты, следуя сельджукидской литературной традиции: Мехмед Языджи-заде (ум. в 1451 г.), Юсуф Шефки (XV в.), Муслихиттин Мустафа Эбюльвефа (XV в.), Имадеттин Эбуссууд (1490—1574), который прославился именно своими арабскими и персидскими стихами, и др. А поэт XVI в. Леали даже выдавал себя за перса,

ты, как Неджати (ум. в 1509 г.), Хамди Челеби (ум. в 1509 г.), Иваз Зати (1471—1546), Баки (1527—1600) и др., а также историографы XV в. Ашик-паша-заде и Мехмед Нешри, писавшие на «османском языке», положили начало литературе на турецком языке. Баки, самый замечательный поэт того времени (его полное имя — Абдюльбаки Махмуд), пытался даже приблизить «османский язык» в своих стихах к турецкому разговорному языку, он ввел в него многие элементы стамбульского диалекта [511, т. I, стр. 43—46, т. II, стр. 139]. Писать на разговорном турецком языке пытались и другие поэты XVI в. — Махреми, Мехмед Назми, язык их стихов называли «турки-и басит» (заурядный турецкий) [511, стр. 97, 136, т. II]. Некоторые поэты, происходившие из Восточной Анатолии, вносили в «османский язык» элементы восточных диалектов, близких к азербайджанскому языку, например Дарир (XV в.) [511, т. I, стр. 67]. Но все эти начинания не получили тогда дальнейшего развития — для этого еще не было необходимых исторических условий. Литература, как и вообще все османское искусство и наука, служила лишь интересам верхушки османского общества — феодалам, мусульманскому духовенству, сановникам. Народные интересы отражали в своих стихах народные поэты — ашики, например Масуми (XVI в.). Они сочиняли дестаны (эпические поэмы), кошмы (небольшие сатирические стихотворения) на турецких разговорных диалектах. Но это были бесписьменные поэты, и их творчество относится к фольклору, а не к литературе.

Из всех видов искусства наибольшее развитие в Османской империи в XV—XVI вв. получила архитектура. Основными памятниками турецкого зодчества этого периода были культовые постройки — мечети, мавзолеи, а также дворцы султанов. В этом строительстве турки-османцы заимствовали и развили дальше главным образом традиции Византии и сельджуков. Византийский

чтобы добиться больших милостей у султанского двора, пока не был разоблачен [511, т. I, стр. 75, т. II, стр. 29, 84, 117, т. III, стр. 103—104, 113, т. IV, стр. 65]. Обозленный Леали написал о султане сатирическое стихотворение, в котором были такие характерные строки:

«Коль хочешь иметь ты почетное место,
То должен арабом быть или же персом»
[139, стр. 6].

православный храм святой Софии, превращенный турками после взятия Константинополя в мечеть, стал своего рода образцом для постройки новых мечетей. И хотя турецкие зодчие часто творчески перерабатывали архитектурную идею этого храма, все же почти во всех мечетях, возведенных в XV—XVI вв. и даже позже, видно влияние этого изумительного по мощи, красоте и законченности творения человеческого гения [166, стр. 28]. Мавзолеи строились обычно в сельджукской манере, лишь острый купол сменился полусферическим и вообще силуэт стал более округлым, мягким. Увеличились размеры мавзолеев [166, стр. 34]. Строились также караван-сараи, крытые рынки, бани и т. п. Тип турецкой бани сложился под непосредственным влиянием византийских терм, восходящих к эпохе Древнего Рима. С ними познакомились еще тюрки-сельджуки.

В развитии художественных ремесел, как и вообще в ремесле, большую роль играли местные жители, часто сохранявшие прежнюю христианскую веру. В ювелирном деле ведущее место занимали греки, армяне. Оружейники, ковроткачи, гончары — все это были местные христиане (греки, армяне, грузины и др.) [166, стр. 75, 77, 80]. Об этом есть прямые сообщения и в более позднее время — в середине XVII в. — у Эвлия Челеби [419, т. III, стр. 249—251, т. IX, стр. 25].

Турки преобладали лишь в тех отраслях ремесла, которые были связаны со скотоводством — традиционным занятием тюрок-кочевников. Это были кожевники, сапожники, шорники, валяльщики войлока и т. п.

Османцы зачастую воспринимали и формы общественных отношений покоренных народов, так как они были более развиты, чем турецкие²¹. В связи с этим А. С. Тверитинова приводит весьма характерный эпизод, рассказанный Ашик-паша-заде:

«Явился к Осману из Германии один человек и говорит:

— Продай мне пошлину (бадж) с этого базара.

Осман спрашивает:

— А что такое бадж?

Тот отвечает:

²¹ О влиянии византийских феодальных отношений, в частности византийских правовых институтов, на социально-экономическую структуру Турции XV—XVI вв. см., например [218].

— С каждого, кто придет на базар, я возьму плату.

— Разве народ на этом базаре у тебя в долгу, что ты с него будешь брать деньги? — удивился Осман.

— Хан мой, — отвечает тот человек, — таков обычай. Всюду падишихи так требуют... Он существует издавна...

...Тут вмешались кадии и субаши, которые сказали:

— Господин наш, таков обычай беев в отношении базара. Каждый им что-нибудь дает.

— Ну, если вы так говорите, — закончил султан, — то пусть отныне будет так: каждый человек, привезший на базар выюк и проявивший его, пусть платит два акче, а если не продаст, пусть ничего не платит» [219, стр. 20; 363, стр. 19—20].

Даже полумесяц, ставший впоследствии символом ислама, османцы заимствовали у византийцев. Эта эмблема была гербом Константинополя до взятия его турками [250, стр. 119].

Тем не менее турецкая культура и искусство, несмотря на свою эклектичность, в этот период наивысшего подъема Османской империи все же достигли успехов, отличались большим своеобразием. Турки-османцы, как и ранее тюрки-сельджуки, творчески перерабатывая многочисленные заимствования, создавали свой особый стиль в искусстве и литературе. Замечательными шедеврами отмечена архитектура этого периода. Османских зодчих даже приглашали в другие страны: дворец Великих Моголов в Индии, ряд сооружений в Дели, Лахоре. Агре были построены с участием турецких архитекторов²². Турецкая военная музыка была принята многими европейскими народами. Даже османская поэзия, находившаяся под большим влиянием арабской и персидской, отличалась в это время известной оригинальностью [165, стр. 53]. Искусство турецкой миниатюры, сложившееся под воздействием иранских и азербайджанских мастеров, а также и не без европейского влияния, имело и свои, присущие только ему, черты.

²² Работы турецкого архитектора Синана есть и на территории СССР. В 1552 г. Синан, по просьбе крымского хана Девлст Гирея, построил в крепости Гёзлев (Евпатория) мечеть Хан-Джами (иначе Татар-Хан). По облику она близка мечетям Стамбула — ее отличают пропорциональность частей, красивый по форме купол [166, стр. 102, пр. 16].

ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ ТУРЕЦКОЙ НАРОДНОСТИ
XV—XVI вв.

Во второй половине XV—XVI в. значительную часть турецкого населения Анатолии и Румелии составляли кочевые и полукочевые племена. Кроме юрюков Румелии, о которых уже говорилось выше, таких кочевников, все еще не перешедших к оседлости, особенно много было в Центральной и Юго-Восточной Анатолии, где они достигали 20% всего турецкого населения [185, стр. 23]. Эти племена отличались от оседлых турок не только своим кочевым бытом, но и племенными диалектами, особенностями культуры. Все же они были ближе к туркам, чем к другим тюркским народам, поэтому их можно назвать обобщенно турецкими племенами, хотя они сохранили и свои самоназвания — юрюки, туркмены, тахтаджи и др., не говоря уже о более мелких родо-племенных названиях.

В XV—XVI вв. среди турецких племен произошел ряд социальных и этнических перемен. Так, по мере роста и усиления османской регулярной армии, падало значение племенных ополчений, в частности юрюкской военной организации. В XVI в. отряды юрюков использовались больше лишь как охрана на горных перевалах, дорогах, как вспомогательные войска при строительстве укреплений, мостов, подвозке артиллерии, боеприпасов и продовольствия и т. п. Юрюки облагались и другими натуральными повинностями — их заставляли работать в рудниках, верфях, ремонтировать крепости, мечети, караван-сараи [371, стр. IV; 402, стр. 111; 349, стр. 201]. Кроме прежних податей, с них стали брать налоги, как с остального мусульманского населения [402, стр. 115]. На пастбищах юрюки терпели притеснения и вымогательства местных властей. Шел захват пастбищ феодалами [48, стр. 94].

Среди юрюков росло недовольство, они часто восставали. Султанские указы XVI в. и более позднего времени, вплоть до начала XVIII в., свидетельствуют о враждебных взаимоотношениях юрюков с государством, их бесконечных волнениях и мятежах, бегстве с мест принудительного поселения в глухие районы Южной и Восточной Анатолии. Результатом этого было смешение юрюкских племен с другими кочевниками Анатолии, пре-

имущественно курдами и туркменами, солидарными с юрюками по отношению к правительству и укрывавшими у себя беглых и восставших юрюков.

Распространение господства османских султанов на восток Малой Азии также привело к переселению кочевых племен в основном между Ираном и Анатолией. В первой половине XVI в. племена туркмен-шиитов частично мигрировали в Иран, а племена, преследуемые шахом Исмаилом, наоборот, ушли в Анатолию [526, стр. 169—170]. Часть племен, не признававших власти султана, правительство насильно переселило из Юго-Восточной Анатолии в Европейскую Турцию, как, например, племя теке [49, стр. 46] (главой восстания кочевников и крестьян, проходившего под лозунгами шиизма, был Хасан-оглу из племени теке [198, стр. 254]).

Основным занятием турецких племен продолжало оставаться кочевое скотоводство. Так, племенное объединение Боз-Улус кочевало в XV—XVI вв. между районами Диярбекир — Эрзурум, где у них были летовки, и районами Мардин — Дейр-эз-Зор, где они зимовали [406, стр. 39]. Даже во второй половине XVII в., по свидетельству французского путешественника того времени М. Фебра, во время перекочевок «стада нескольких семей покрывали землю на расстоянии двух лье вокруг» [286, стр. 316]. Но все больше племен переходило к оседлости и занималось земледелием. Племя шам-баяды, например, сеяло хлеб на летовках, племя бейдили из улуса Рамазанлы тоже занималось земледелием [408, стр. 325, 359].

* * *

Итак, об общности языка, экономики и культуры турок XV—XVI вв. можно говорить лишь относительно.

1. Турецкая этническая общность, сложившаяся в Анатолии и Восточной Фракии в конце XV — первой половине XVI в., характеризовалась, как и многие другие народности периода феодализма, слабостью внутренних экономических связей, отсутствием единого рынка. Вместе с тем, в ряде областей страны (главным образом на востоке Анатолии) не установились и постоянные территориальные связи из-за неблагоприятных географических условий и плохих ненадежных путей сообщения.

2. У турок XV—XVI вв. (и даже позже) отсутствовал единый этноним, единое самоназвание. Турками называли себя только турецкие крестьяне. При этом этническое самосознание, особенно у феодальной верхушки, подменялось конфессиональным. Вместо народного названия «турки» или даже официального (по подданству) наименования «османцы» в ходу было религиозное название (по принадлежности к религиозной общине) «мусульмане». К тому же у феодальной верхушки, представители которой зачастую были выходцами не из турок, а из иных этнических групп, принявшими ислам, не было развито чувство принадлежности к турецкой народности. Оно подменялось чувством преданности главе османского государства и мусульманской общины — султану-халифу.

3. Турецкий язык еще не сложился окончательно в единое целое. Он был разделен на многие диалекты (территориальные и племенные), имевшие большие различия между собой. Официальным и литературным письменным языком был так называемый османский язык, существенно отличавшийся от турецких разговорных диалектов. Простой народ его не понимал. Языком религии был арабский.

4. В турецкую народность входило много племен (юрюков, туркмен и др.), еще не перешедших к полной или даже частичной оседлости, не слившихся с турками и имевших ряд особенностей в своем быте, культуре и языке.

Глава IV

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

Исходной точкой начала складывания турецкой нации можно считать 30-е годы XIX в. Этот период характеризуется появлением в сельском хозяйстве Турции новых производственных отношений, имевших предпосылки для развития в капиталистические, нарождением первых капиталистических элементов в промышленности, оживлением внутренней и внешней торговли. С этого времени начинается зарождение промышленной и происходит рост торговой буржуазии Турции. В 1834—1839 гг. были проведены реформы в земельных отношениях, в государственном строе и административном управлении, что отвечало интересам нарождавшейся буржуазии. Конечно, эти реформы нельзя назвать буржуазными в полном смысле этого слова, они были весьма робкими и, что самое важное, зачастую оставались лишь на бумаге. Однако, вместе с тем, они отражали и начавшиеся изменения в социально-экономических отношениях.

Но в этот период начали создаваться и предпосылки для экономического и политического закабаления Турции западными державами, что привело впоследствии к превращению ее в полуколонию. Эти два противоречивых процесса во многом определили как характер национального развития турок, так и вообще многие особенности этнических (национальных) взаимоотношений в Османской империи. Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению сложения турок в нацию, стоит кратко напомнить некоторые черты исторического развития Турции в предшествующий период — в XVII—XVIII вв.

В XVI в., особенно в его второй половине, началось постепенное разложение османского феодализма. А в XVIII в. наступил полный кризис османской военно-ленной системы.

В XIV—XV вв. турки-феодалы не занимались, как правило, хозяйственной эксплуатацией земельных угодий. Землю они рассматривали преимущественно как источник налоговых поступлений, необходимых для содержания войска. Главным средством обогащения был грабеж завоеванных стран — получение военной добычи, рабов, дань и т. п. Всю свою энергию феодалы направляли на создание боеспособной армии и поддержание во всей империи строгой военной дисциплины. И в этом отношении они были тогда сильнее ряда современных им государств [164, стр. 16—17].

Но уже в этот период получили развитие и те противоречия, которые были заложены в военно-феодальной системе османцев. Накопление богатств в руках феодалов повысило выгодность земельной собственности. Феодалы начали приобретать интерес и к хозяйственной эксплуатации земли. Многие лены стали сосредоточиваться у одного владельца. Султаны раздавали земли придворным и гражданским чинам в фактическую собственность. Все это привело к усилению крупного феодально-помещичьего землевладения. Для новой феодально-помещичьей прослойки, по сравнению со старыми военными ленниками, землевладение стало уже не вспомогательным, а основным источником обогащения. Феодалы усилили угнетение крестьян, увеличили издольную плату за пользование землей, вводили произвольные поборы, барщину, лишали крестьянина не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта. Сельское хозяйство деградировало, а феодалы наживались [164, стр. 20—21]. Богатели и мусульманское духовенство, и дворцовая камарилья. Помещики откупались от военной службы. В то же время за деньги стало возможно получить пост паши или правителя города.

Власть султана стала непрочной. Не говоря уже о других частях империи, даже в Румелии и Анатолии — центральных областях османского государства — фактически возникли независимые друг от друга и централь-

ной власти феодальные образования. На Дунае, в Видине, боснийский феодал Омер Пазвандоглу, использовав болгарских гайдуков — повстанцев, набрал собственную армию и стал хозяином целой области. Его сын Осман тоже не подчинялся центральному правительству [165, стр. 61]. В Восточной Анатолии господствовали курдские феодалы. Фактическим хозяином Битлиса был курдский хан, писал английский путешественник начала XIX в. Дж. М. Киннейр [308, стр. 163]. Северо-Восточная Анатолия находилась в безраздельном управлении эрзурумского паши. В Центральной Анатолии районы Анкары, Йозгата, Чорума и Амасы были в наследственном владении феодалов Чапаноглу. Вся эгейско-средиземноморская часть Западной Анатолии принадлежала феодальному роду Карабосманоглу. Во всех этих владениях административные, военные, судейские должности замещались по указанию местных пашей и феодалов. Чапаны и Карабосманы даже раздавали тимары и зеаметы от своего имени [165, стр. 194]. Все эти причины — распад военно-ленной системы, выход крупных феодалов из-под власти центрального правительства и другие (например, янычарские смуты) — привели к упадку былого военного могущества Османской империи.

В то время как Османская империя переживала кризис, ее главные военные противники усиливались. В Европе росли новые производительные силы, развивались капиталистические отношения, складывались нации, национальные государства (однонациональные или многонациональные во главе с господствующейнацией). В Османской же империи военный характер государства, отсутствие экономической заинтересованности завоевателей в национальном объединении, этническая и религиозная пестрота населения — все это препятствовало не только тому, чтобы спаять отдельные национальности в одно целое — в «османскую» нацию, но и тому, чтобы превратить самих турок в нацию. Анатолийский турок так же мало был связан с румелийским, как грек Мореи с арабом Египта [165, стр. 34—35]. На всей завоеванной территории, за исключением Анатолии и Восточной Фракии, турки продолжали быть лишь оккупантами. В XVII—XVIII вв. они постепенно стали оставлять завоеванные страны под ударами национально-освободительного движения покоренных народов и в результате

поражений от своих военных противников — европейских держав.

Распад многонациональной Османской империи начался задолго до превращения турок в нацию. Поэтому турецкое господство над другими народами, из которых многие развивались быстрее турок, сделалось реакционным пережитком. Как известно, в эпоху становления наций никакой народ не может долго держать в подчинении другие народы. Тем более это было невозможно в Османской империи, где вся система управления была построена на рабском подчинении многих народностей (часть которых стала складываться в нации) классу турецких феодалов. Логическим концом разложения османского феодализма должно было быть последовательное создание национальных государств, образование турецкой нации и тем самым сведение Османской империи к турецкому государству в турецких национальных границах. Но на этом и без того сложном пути возникло дополнительное осложнение — вмешательство великих держав, из-за чего создание национальных государств, в особенности турецкого, на территории Османской империи протекало медленно и противоречиво. Вмешательство держав и их соперничество в борьбе за «оттоманское наследство» привели к тому, что Османская империя агонизировала в течение полутора веков; сами турки за это время попали в полуколониальную зависимость, и турецкое национальное государство создалось лишь в наши дни, в итоге кемалистского национально-освободительного движения, возникшего и одержавшего победу благодаря Великой Октябрьской социалистической революции [165, стр. 74].

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ТУРЕЦКОЙ НАРОДНОСТИ В НАЧАЛЕ XIX в.

Согласно оценочным данным¹, численность турок в 30-е годы XIX в. на территории Турции в ее современных границах составляла немногим больше половины всего населения, равняясь примерно 7 млн. человек. Помимо

¹ Османские переписи не давали состава мусульманского населения по национальностям. Христиане также записывались по вероисповеданиям.

турок в это время там проживали, также по оценочным данным, более 2 млн. армян, до 2 млн. курдов, 1—1,5 млн. греков, 200 тыс. арабов, 150 тыс. лазов, 100 тыс. аджарцев (грузин-мусульман), 100 тыс. евреев, 100 тыс. ассирийцев, 50 тыс. помаков и болгар, 30 тыс. албанцев, 20 тыс. боснийцев и хорватов, 5 тыс. сербов и другие более мелкие этнические группы. Таким образом, общая численность населения Турции равнялась 12—13 млн. человек. Причем национальные меньшинства насчитывали 5—6 млн., т. е. около 45% всего населения страны.

Среди турок сохранялось много племенных и территориальных этнографических групп, а также религиозно-сектантских общин. Многие из них не осознавали своей принадлежности к турецкой народности, оставаясь привязанными этнически к своему племени или своей территориальной группе или же религиозно-сектантской общине. Около 2 млн. человек (примерно 15% всего населения) составляли турецкие племена — туркмены и юрюки. Среди религиозно-сектантских групп, близких туркам по языку и культуре, но еще не полностью ассимилированных, можно назвать тахтаджей, абдалов, зейбеков, карманлыев, хемшинцев, алавитов и др.

В расселении турецких кочевых племен в XVII—XVIII вв. произошли некоторые изменения. В XVII в. началось переселение туркмен из восточных районов Анатолии на запад, вызванное социальными причинами — захватом пастбищ феодалами, ростом налогов и т. п. Это переселение было массовым и продолжалось до конца XVIII в. [337, стр. IX; 406, стр. 41—42]. Отдельные племена дошли до побережья Эгейского моря [406, стр. 45]. Именно с XVII в. в официальных документах Османской империи, как отмечает Ф. Демирташ, появился для обозначения кочевых племен Западной и Центральной Анатолии, наряду со старым термином «юрюк», новый — «туркмен», который раньше употреблялся лишь применительно к турецким кочевникам Восточной и Юго-Восточной Анатолии [406, стр. 46]. Перекочевавшие туркмены частью влились в юрюкские племена, увеличив число кочевников в этих районах Малой Азии [333, стр. 125]. Это послужило главной причиной длительного сохранения кочевничества в Западной Анатолии. В XVII в. в Анатолию переселились также из Ирана туркмены-сунниты, например племя чапанлы, из которого вышел

впоследствии сильный феодальный клан Анатолии — Чапаногуллары [526, стр. 171]. В XVIII в. также ряд туркменских племен перекочевал из Ирана в Турцию (из-за внутриполитических осложнений в Иране) [526, стр. 171]. Эти переселения тоже увеличили число турецких кочевников в Турции.

В начале XIX в. многие турецкие племена сохраняли не только кочевой образ жизни, но и были почти независимыми от правительства. Племена туркмен, писал Дж. М. Киннейр, пасут свои стада на пастищах вдоль р. Сакары и отказываются жить в деревнях. На свою территорию они никого чужих непускают; зависимость туркмен от правительства лишь номинальная [308, стр. 88].

Тахтаджи — тюркоязычные горцы-кочевники, по религии мусульмане-шииты, обитали в Южной Анатолии, занимаясь скотоводством и лесным промыслом. Среди алавитов и абдалов также был распространен шиизм. Алавиты — оседлы. Абдалы — кочевники, занимались кузнечным и другим ремеслом, отдельные группы были известны как бродячие музыканты. Зейбеки — племена горных кочевников-скотоводов Западной Анатолии, мусульмане-сунниты с сильными пережитками шаманизма. Караманлы — оседлые турки-православные, потомки туркизированных греков и, видимо, части тюркских племен, принявших христианство во время военной службы у византийцев. Хемшинцы — потомки исламизированных и туркизованных армян, преимущественно крестьяне-земледельцы. Английский консул В. Дж. Пальгрэв, изучавший северные районы Восточной Анатолии в 1869—1872 гг., писал о хемшинцах следующее. В округе Хемшин 13 190 жителей, все армяне, но большинство мусульманского вероисповедания. Обращение в ислам армян Хемшина совершилось постепенно и, кажется, началось не более 100 лет назад (т. е. в последней трети XVIII в.); оно продолжается и по сие время [190, стр. 70]. Русский исследователь И. Н. Казбек, современник В. Дж. Пальгрэва, отмечал, что хотя хемшинцы помнят свое армянское происхождение, они не знают ни языка, ни веры предков и говорят только по-турецки [114, стр. 99, 125].

К туркам, как к господствующей народности, принадлежал в основном правящий класс феодалов, мусульманское духовенство, офицерство и чиновничество. Но все

же большинство турок составляли крестьяне, главным образом земледельцы. В городах в 30-е годы XIX в. среди турок была немногочисленная прослойка ремесленников и интеллигенции. Буржуазии, даже торговой, не говоря уже о промышленной, в среде турок в это время почти не было. Торговая буржуазия, а также ремесленники были представлены преимущественно греками, армянами, евреями.

Вообще, хозяйствственно-культурный уровень турок был ниже в целом, чем у многих национальных меньшинств Турции. Это объяснялось объективными историческими факторами.

Во-первых, тюрки-кочевники, явившиеся определяющим компонентом формирования турецкой народности, переходя на оседлость, должны были осваивать ранее не знакомую им высокую и очень разнообразную земледельческую культуру местных народов, их навыки хозяйства, выработанные в течение веков и приспособленные к локальным географическим условиям. Это освоение требовало много времени, и хозяйствственно-культурное развитие турок, естественно, отставало по сравнению с другими народами Турции, владевшими издревле навыками местного хозяйства и культуры и развивавшими их дальше. Например, хозяйство крестьянина-грека или армянина было более развитым (при прочих равных условиях), чем аналогичное хозяйство крестьянина-турка. У первых были более совершенные сельскохозяйственные орудия, свои детально разработанные в течение веков земледельческие календари и т. п. Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не умаляет хозяйствственно-культурных достижений самих турок, создавших очень развитый тип кочевого скотоводства. Но этот тип резко отличался от того, к которому они стали переходить в Анатолии.

Во-вторых, господствующий класс турецких феодалов, вышедших, как правило, либо из прежних дотурецких феодалов, либо из кочевой знати, отличался особенно паразитическим образом жизни. Большинство феодалов считали гораздо более выгодным и более «почетным» для себя занятием грабеж завоеванных народов, чем ведение собственного хозяйства. Когда же сфера этих традиционных занятий турецкого феодала стала постепенно сокращаться и они начали вести собственные хо-

зяйства, то, эксплуатируя крестьян, применяли самые примитивные методы насилия. Поэтому и турецкие помещики отставали в своем развитии от помещиков других стран и народов. К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали турецкого феодала середины XIX в. как стоящего «на самой низкой и варварской ступени феодализма» [2, стр. 6].

В языке турок сохранились большие различия между отдельными диалектами, на которые распадался турецкий разговорный язык,—стамбульский, измирский, анкарский, конийский диалекты, ряд балканских диалектов, диалекты Восточной и Южной Анатолии. Например, диалект, распространенный на территории бывшего бейлика Караман, так сильно отличался в XIX в. и от стамбульского, и от измирского, что это было заметно даже для иностранца [312, стр. 25]. Привилегированное положение занимал стамбульский диалект. На нем говорила стамбульская знать, турецкая интеллигенция, образованное офицерство.

Очень существенной оставалась и разница между письменным языком и разговорным. Литературным и официальным языком продолжал быть «османский». Этот язык был понятен лишь образованной верхушке. Широкие слои турецкого народа его не понимали.

Единственное, что объединяло турок, это — ислам. Но он же душил зачатки национального самосознания как у турок, так и у других мусульманских народов. Исламизация части покоренного населения—крестьян,—сравнительно интенсивная в XV—XVI вв., с XVII в. стала замедляться, так как в связи с усилением в Османской империи феодальной эксплуатации уже не было особых материальных стимулов для новообращенных: крестьяне-мусульмане тоже подвергались жестокой феодальной эксплуатации. Кроме того, все явственней обозначалась та почти непроходимая грань между мусульманскими и немусульманскими подданными султана, которую проложил ислам. Мусульманство было не только религией. Ислам пронизал всю жизнь своих приверженцев. Мусульмане объединялись между собой и отделялись от остального населения не только рамками религиозной общины, как таковой. Ислам охватывал идеологическую, государственно-политическую, административно-фискальную, военную, судебную и бытовую

сферы жизни и деятельности. Мусульман объединяли не только культовые учреждения или обычаи. У мусульман были свои уголовные и гражданские суды, действовавшие на основе шариата. В этих судах свидетелями могли выступать только мусульмане. У мусульман были отдельные школы. Османская армия, административный и судебный аппараты состояли исключительно из мусульман. Члены мусульманской общины занимали привилегированное правовое положение в империи, а сама мусульманская община была как бы «государством в государстве».

Этот религиозный барьер мешал и взаимному этническому сближению между мусульманскими и немусульманскими народностями, затрудня, а в некоторых случаях и делая невозможными смешанные браки. У мусульман, христиан (внутри разных церквей), иудеев существовала религиозная эндогамия: браки заключались, как правило, между единоверцами. Однако, например, турок-мусульманин мог взять в жены и немусульманку, хотя это бывало сравнительно редко, так как греки и армяне, по свидетельству М. В. Бронченко, терпели такие союзы «только в крайней нужде, из страха или выгоды» [38, ч. II, стр. 153]. Богатые турки пополняли свои гаремы за счет мусульманок и немусульманок. Но все-таки чаще всего, если женой турка становилась и не турчанка, то это была мусульманка — курдянка, арабка, черкешенка и пр. Однако мусульманка не могла выйти замуж за христианина или иудея — такой брак наказывался смертью (если мужчина не принимал ислам, его казнили) [38, ч. II, стр. 153]. Смешанные браки на таких условиях не вели к обоюдному этническому сближению разных народностей, а содействовали ассимиляции мусульманами других национальных меньшинств, хотя последние при этом и накладывали некоторый отпечаток на культуру мусульман. А так как мусульмане были представлены преимущественно турками, подобная ассимиляция в большинстве случаев была равнозначна туркизации.

Существовала и этническая эндогамия, которая также благоприятствовала туркизации других народов: турок свободно мог взять в жены и арабку, и курдянку, и лазку, и аджарку. Однако турчанка крайне редко выходила замуж за представителя иного, хотя и мусульман-

ского, народа. В этом еще сказывались, видимо, родоплеменные пережитки у турок, в частности остатки племенной эндогамии. Эндогамия была характерна и для той части арабов и курдов, которые сохранили родоплеменное деление, — у них девушки выходили замуж только за единоплеменников. Эндогамны были и турецкие племена [433, стр. 41, 73].

Таким образом, исламизация немусульманского населения шла в XIX в., как правило, за счет смешанных браков мусульман с немусульманками. Основная же причина исламизации, действовавшая в период подъема Османского государства, как уже отмечалось выше, почти исчезла из-за отсутствия особых материальных выгод для неофитов. Больше того, основные массы немусульман — армяне, греки, славяне, особенно, когда они жили крупными компактными группами, стали упорно противостоять исламизации. Это был, во-первых, своего рода протест против усилившегося экономического гнета, против своего неравноправного с мусульманами юридического положения. Во-вторых, эти народы все больше осознавали, что они обладают гораздо более древней и высокой культурой, чем их угнетатели. В-третьих, наметился рост их национального самосознания, а сосредоточием и хранителем национальной культуры немусульманских народов в Османской империи в силу исторических причин были их религиозные общины².

Хотя система немусульманских религиозных общин, установленная в Османской империи, использовалась султанами и правящей верхушкой прежде всего для подчинения покоренного населения, она вместе с тем способствовала сохранению культуры немусульманских народов. Официально было признано несколько таких общин: греко-православная (греки, болгары³, сербы и др.), армяно-григорианская (обе с момента взятия турками Константинополя в 1453 г.), иудейская (с 1493 г.), рим-

² Часто переход в ислам был лишь видимостью, вызванной насильствами со стороны феодалов, вымогательством местных властей и т. п. Так, часть греков, перешедших в ислам и отурченных, втайне держалась старых обычаев православия, сохраняя греческие имена и пр. [60, стр. 71].

³ Позже, в 1870 г., болгары-православные выделились в особую общину, признававшую власть болгарского экзархата.

ско-католическая, включавшая всех христиан, признававших духовное главенство папы римского, и подразделявшаяся на более мелкие общины — латинян (католиков), маронитов, греков-униатов (мелкитов), армян-униатов, халдов-униатов, ассирийцев, униатов, болгар-униатов (все эти «подобщины», как и сама община, официально оформились в 20—60-е годы XIX в.). Существовали также протестантские (преимущественно армяне), несторианская и яковитская общины (в последних были представлены главным образом ассирийцы и халды) [229, стр. 51—53]. Руководители общин имели не только духовную, но и гражданскую власть над своими единоверцами в вопросах, решавшихся по религиозным законам данной общины (брак, развод, имущественные и бытовые споры), а также взимали различные сборы в пользу государства и самой общины. В их руках находилось и просвещение — греческие, армянские, еврейские и другие школы. По словам К. Маркса, константинопольский патриарх, например, был не только «духовным главой», но и «политическим представителем и верховным судьей» всех православных подданных Османской империи [1, стр. 167].

В этих условиях, когда правовое положение подданного Османского государства во многом определялось его принадлежностью к той или иной религиозной общине⁴, зачастую понятия этнической (национальной) и даже государственной принадлежности подменялись понятиями конфессиональными. Как отмечал К. Мак-Коан, во второй половине XIX в. «национальное самосознание было подчинено религиозному: подданный Османской империи (имеется в виду турок. — Д. Е.) редко называет себя турком или хотя бы османцем, но всегда мусульманином» [151, стр. 119]. Примерно то же наблюдалось и у христиан. Так, католики-униаты армяне и греки на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: «католик» [62, стр. 62].

⁴ «Религиозные и национальные идеи смешались в умах жителей Османской империи, — писали А. Убичини и П. де Куртейль. — Религия, не являясь только делом совести, сделалась источником привилегий для одних или неравноправного положения для других» [229, стр. 53].

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТУРОК И МУСУЛЬМАН С БЫВШИХ ОСМАНСКИХ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ТУРЦИЮ

В связи с освобождением от османцев многих стран, часть турецкого населения из этих стран, а также часть мусульман иммигрировала в Турцию. В конце XVIII в. в Турции появились переселенцы из Крыма — татары⁵, в XIX в. в Турцию переселились и некоторые тюркские племена с Кавказа (карапапахи, например). После потери Османской империей захваченных территорий в Юго-Восточной Европе основная масса турок-колонизаторов ушла обратно в Турцию. В 1848 г. прибыли турки-иммигранты из Венгрии, в 1878 г. после русско-турецкой войны, в результате которой был освобожден от османского ига ряд балканских народов, появились первые иммигранты с Балкан: в 1900 г. иммигрируют турки с о-ва Крит; в 1913 г., после балканских войн, снова иммигрируют турки с Балкан.

Часть этих иммигрантов османское правительство расселило в Восточной Анатолии. Так, в верховьях Карамсу, где раньше жило много армян (часть их потом переселилась в Россию), были поселены, с целью увеличения здесь мусульманского населения, турки-иммигранты и другие мусульмане, переселившиеся из России в XIX в. [100, стр. 47].

В связи с этими переселениями во второй половине XIX в. в Турции появилась еще одна этническая общность — черкесы. Так называют турки переселившихся с Кавказа убыхов, адыгов, шапсугов, чеченцев, кабардинцев, ингушей и других горцев-мусульман. Черкесы были расселены в самых различных районах Турции, как правило, отдельными деревнями среди турецкого, курдского, армянского и другого населения. По официальной русской статистике, в Турцию переселилось до 1,8 млн. горцев. Однако очень много черкесов погибло от тяжелых условий при переселении, от болезней, вызванных непривычным климатом [8, стр. 121]. В 1875—1876 гг. их насчитывалось уже лишь около 1 млн. [229, стр. 32, 61]. А по данным П. И. Аверьянова, в 1912 г. их оставалось только 400 тыс. человек [13, стр. 21]. Уменьшение

⁵ В 1783 г. переселилось около 300 тыс. человек [18, стр. 403]. Вторичное переселение было после Крымской войны 1853—1856 гг. (200 тыс. человек).

численности черкесов произошло и за счет ассимиляции их турками. К тому же черкесы продавали своих девушек в гаремы турок, эта торговля приняла огромные размеры. Много черкесов служило офицерами в османской армии, полицейскими и жандармами. Ряд черкесов занимал высокие посты — маршал Фуад-паша, генерал Ахмед-паша, генерал Хюсейн Даим-паша, министр полиции Назым-паша и др. [46, стр. 197; 115, стр. 89].

Иммигранты из России (татары, черкесы и др.) привнесли с собой в Турцию развитые навыки оседлой жизни: печи для выпечки хлеба, четырехколесные телеги на конной тяге, получившие название «татар арабасы» (татарская повозка), и т. п. [97, стр. 58; 333, стр. 133]. Сливаясь с турками Анатолии, они передавали эти навыки им.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ АССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТУРЦИИ XIX в.

Языковая ассимиляция турками части нетурецкого населения Анатолии зашла к 30-м годам XIX в. довольно далеко. «В Анкаре... армяне по-армянски не знают», — свидетельствовал М. П. Вронченко. Кроме Измира и Бурсы армянские священники нигде не знают армянского языка и служат на турецком языке⁶ «по книгам, печатанным армянскими буквами»; в личной переписке пишут на разговорном турецком языке армянскими буквами; в школах учат читать и писать по-турецки армянскими буквами, но не учат турецкой азбуке [38, ч. II, стр. 29, 241]. В. Ланглуа, путешествовавший по Киликии в 1852—1853 гг., также отмечает, что армяне и греки писали по-турецки, но армянскими и греческими буквами [317, стр. 25]. Преградой к переходу на турецкую (фактически арабскую) письменность было различие в религиях: турецкая письменность своим происхождением была связана с исламом, армянская же воспринималась как атрибут армянской христианской церкви. Эти обстоятельства

⁶ Это было верным для Западной и Центральной Анатолии. На востоке же страны, где было компактное армянское население, армянский язык, естественно, был более в ходу.

усугублялись еще и церковным характером школьного обучения.

Примерно такая же картина отуречения армян была нарисована французскими исследователями А. Убичини и П. де Куртейлем и в 70-е годы XIX в.: армяне говорили либо по-турецки, либо по-армянски с примесью большого количества турецких слов; книжный армянский язык употреблялся только в школах и между учеными [229, стр. 61]. Русский путешественник Е. Г. Вейденбаум (1878 г.) писал, что армяне Артвина все без исключения говорят по-турецки и настолько отуречились в своих привычках, что и приветствуют при встрече по-мусульмански [33, стр. 186].

Многие греки к 30-м годам XIX в. настолько туркизировались, что тоже забыли греческий язык. Новогреческий язык распространен только вблизи побережья, писал М. П. Вронченко, а уже в Айдыне, например, его знают лишь немногие греки; говорят по-гречески также в Бурсе, на Черноморском побережье вплоть до Сamsуна, но начиная от Синопа его знают не все греки; в Центральной Анатолии только в греческих деревнях около Кайсери греки знают свой язык, «или, лучше сказать, какое-то странное и едва понятное его наречие, сохранившее, впрочем, некоторые черты языка древнего»; в самом же Кайсери греки говорят по-турецки, даже низшее духовенство служит обедню на турецком языке [38, ч. II, стр. 231]. Такое положение было характерно для греческого населения большинства турецких городов: «В Анкаре греки знают несколько слов по-гречески», «из греков в Анталье очень немногие понимают несколько слов по-гречески», однако в Бергаме «знающие по-гречески нередки» [38, ч. II, стр. 29, 40, 58]. В Измире, Манисе, Измите и других городах есть греческие школы, продолжает М. П. Вронченко, но греческий язык выучивается плохо, так как в семье говорят по-турецки. Даже и сами учителя охотнее говорят по-турецки, чем по-гречески. В церковных школах обучают по-турецки, но греческими буквами. Священники совершают богослужение по книгам, написанным или напечатанным по-турецки греческими буквами [38, ч. II, стр. 232]. Таким образом, полное слияние турецкого языка греков с языком турок наталкивалось лишь на различие в письменности, которая имела, как и у армян, религиозное происхождение.

Это отражало и суть дела — полной ассимиляции греков турками мешало различие их вероисповеданий⁷. Примерно то же писал о турецких греках английский исследователь К. Мак-Коан в 70-е годы XIX в.: «Их язык менее чист, чем у жителей Греции, и в некоторых местах смешан с турецким». Он упоминает и о «греческих, но говорящих по-турецки селениях внутренней Анатолии» [151, стр. 108—109].

Языковая ассимиляция турками части анатолийских греков, сохранивших православие, отмечалась и раньше. В начале XV в. греческое духовенство Анатолии говорило по-турецки [49, стр. 180]. А в начале XVIII в., по свидетельству русского путешественника В. Г. Барского-Плаки-Альбова, многие христиане говорили только по-турецки: «Христиане бо, иже в Анатолии, все по-турецки беседают и другого языка не знают; аще же и греческие книги в церкви чтут, но не разумеют: тако бо токмо изучаются чтения ради церковного, да христианская вера не исчезает» [141, стр. 18].

В ряде районов Восточной Анатолии, где турки численно преобладали, тоже происходила туркизация остального населения. В. Дж. Пальгрэв писал, что все население между Синопом и Трапезундом говорит по-турецки, хотя различно по своему происхождению — туркмены, курды, армяне [190, стр. 28]. Среди курдов Юго-Восточной Анатолии тоже многие усвоили турецкий язык [222, стр. 202, 255; 236, стр. 322]. Этой ассимиляции способствовало, во-первых, то, что турецкий язык практически применялся во всех государственных и административных учреждениях (или же его письменно-литературная форма — «османский язык», который был все же по своему строю ближе к турецкому, чем, скажем, к армянскому, греческому, грузинскому, курдскому). Он употреблялся и в армии, где помимо турок служили и другие мусульмане. Во-вторых, турки составляли наибольшую часть населения всей страны. В-третьих, турецкий язык был языком межнационального общения (на-

⁷ По религии турецкие греки в 30-е годы XIX в. были преимущественно православными, но среди них имелись и католики-униаты. В начале XX в. насчитывалось также 15 тыс. греков-мусульман (1% всех турецких греков) [13, стр. 16]. Но это, скорее всего, позднейшее явление, вызванное переходом части греков в ислам из-за тирании Абдул Хамида.

пример, двуязычные грузины, знаяшие родной и турецкий язык, употребляли последний только в сношениях с представителями других народов Турции [190, стр. 86]). Интересные примеры того, как турецкий язык служил для общения между жителями Турции, принадлежавшими к разным этническим общностям, правда, в более поздний период — в начале XX в., приводят Н. Я. Марр. На пароходике, совершающем рейсы вдоль побережья Лазистана, лазская речь была слышна лишь урывками, «международным языком» служил турецкий: владелец пароходика был армянин, капитан — турок, в команде тоже турки, в буфете работали армянин и турок, среди пассажиров были лазы, греки и хемшины. Н. Я. Марр отмечает также, что в лазистанских кофейнях, где собирались лазы, греки, турки, в большинстве случаев была слышна турецкая речь [157, стр. 552, 568].

Однако в районах, где турки не преобладали и большинство населения составляла какая-либо другая этническая общность, ассимиляция шла по линии усвоения языка преобладающей общности. Так, в районе Сюрмене (около восточного побережья Черного моря, где было многочисленное греческое население) все без исключения говорили «на очень испорченном греческом наречии и большинство не знало никакого другого языка» [190, стр. 78]. В областях с преобладающим курдским населением армяне курдизировались [236, стр. 296]. Даже в тех местах, где армяне составляли значительный процент населения, например в вилайетах Битлис и Ди亞рбекир, они, «входя в близкое соприкосновение с курдами, забывали армянский язык и говорили только по-курдски» [202, стр. 26]. Курдизировались и некоторые турецкие племена — кара-папаклы (карапапахи), жалканлы, кара-кечи [247, стр. 26].

Как отмечали некоторые исследователи, в городах с турками интенсивно смешивались арабы [38, ч. II, стр. 226]. Арабы-кочевники смешивались с кочевыми курдами, например в вилайете Ди亞рбекир [13, стр. 11]. Сведений о том, какой язык при этом смешении одерживал верх, нет, но, судя по особой роли арабского языка у мусульманских народов, можно считать, что это был именно он. В пользу такого вывода говорит и ряд фактов: известно, например, что на юго-востоке Анатолии и в Сирии часть туркмен была арабизирована [49, стр. 46].

Иногда на стыке различных народов возникали переходные формы этнических общностей. Вот как, например, характеризовал В. Дж. Пальгрэв одну из таких смешанных групп населения: в восточных районах области Трапезунд потомки византийцев смешались с турками и армянами, сверх того, удержали в себе немалую долю первоначального pontийского элемента (имеются в виду лазы и другие родственные им компоненты); тем не менее помесь, известная здесь под именем «грек», преобладает и до сих пор между мусульманами и христианами [190, стр. 86].

ЗАРОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Социально-экономическая отсталость Османской империи привела ее к политическому упадку: внутри империи возникали восстания, а на международной арене она все чаще терпела поражения в войнах со своими противниками. Поэтому в 30—50-е годы XIX в. правящие круги империи провели ряд реформ, надеясь исправить положение. Эти реформы касались преимущественно переустройства армии, администрации и укрепления центральной власти. Некоторые из них, хотя и половинчатые и нерешительные, касались и социально-экономических отношений.

Так, в 1834 г. была официально отменена военно-ленная система. Земля стала поступать в частный оборот. Это, однако, еще не означало внедрения буржуазных порядков. Переход к новым формам общественного строя происходил чрезвычайно медленно и болезненно. Важнейшим препятствием на этом пути была необеспеченность частной собственности из-за произвола сultанского правительства и местных пашей. Например, очень широко практиковалась конфискация имущества по любому поводу. Французский энциклопедист Вольней, совершивший еще в 1783—1785 гг. путешествие в Сирию и Египет, которые тогда входили в состав Османской империи, писал: «Земледелец сеет ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить; ремесленник работает лишь для пропитания своей семьи; если у него имеется какой-нибудь излишек, он его тщательно прячет» [335, стр. 348].

Греческая, армянская и начавшая появляться турецкая торговая и ростовщическая буржуазия, располагавшая накопленными деньгами, не могла вложить их в промышленность. «В самом деле,— писал Ф. Энгельс,— турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности» [4, стр. 33].

По Гюльханейскому хатт-и шериfu (султанскому указу 1839 г.) было обещано гарантирование безопасности жизни, чести и имущества всем османским подданным без различия вероисповедания. Вслед за этим указом были приняты новый уголовный кодекс и новое торговое уложение, образованы смешанные торговые и уголовные суды, где разбирались дела и мусульман, и немусульман, была отменена смертная казнь для немусульманина, вступившего в брак с мусульманкой, сделаны первые попытки отделения школы от церкви (турецкие школы передавались в ведение светских властей, но содержание преподавания почти не изменялось—оно все также оставалось пронизанным религиозным духом). Был отменен налог на немусульман (харадж), было принято решение о призывае немусульман в армию. Но почти все это осталось на бумаге. Харадж, например, лишь заменили новым налогом.

В 1856 г. был обнародован еще один султанский указ — хатт-и хумаюн, который в основном повторял положения, провозглашенные первым указом. Уже один этот факт говорит о том, что многие «реформы» оставались пустыми декларациями. Оно и понятно, так как на пути их осуществления стояли многие препятствия. Мусульмане, привыкшие смотреть на христиан как на подданных второго сорта, противодействовали набору солдат из немусульман. Они не хотели подчиняться им как офицерам и чиновникам (хатт-и хумаюн декларировал допуск немусульман к государственной службе и в военные училища), отказывались идти в суды, где христиане заседали наравне с мусульманами. Мусульманские купцы и ремесленники видели в освобожденной от дополнительных налогов райе будущих победоносных конкурент-

тов на промышленном рынке. Мусульманское духовенство опасалось крушения своего влияния, так как вместе с христианскими чиновниками в управление государством могли проникнуть светские начала [46, стр. 148].

Большинство реформ танзимата осталось благими пожеланиями — в стране не было еще для их осуществления прочной социально-экономической базы. Тем не менее эти попытки объективно были направлены на облегчение развития капиталистических отношений. В хатт-и хумаюне, например, была знаменательная фраза: «Все, что вредит торговле, будет уничтожено» [229, стр. 213]. Уже это свидетельствовало о том, что развитие буржуазных отношений в стране зашло довольно далеко.

Однако в силу особенностей исторического развития новые, капиталистические отношения нарождались в Турции очень медленно: им мешали феодальные и теократические препятствия. В то время как в странах Западной Европы на смену феодализму еще во второй половине XVII—XVIII в. пришел капитализм, в Турции господствовали феодальные отношения. Капиталистический уклад все больше развивался и в странах Восточной и Центральной Европы, где на базе роста производительных сил сложились национальные рынки, и тем самым была создана экономическая основа для формирования буржуазных наций. В Турции же единого внутреннего рынка не было ни в XVIII, ни даже в начале XIX в.

Все же развитие ремесла и некоторых отраслей промышленности — военной, металлообрабатывающей, строительной и других вело к росту населения городов и увеличивало их значение как потребительских рынков. В больших, особенно приморских, городах значительное место занимала внешняя торговля. Именно в этой сфере начинали сосредоточиваться крупные капиталы.

Важно отметить, что ремеслами и торговлей — именно теми отраслями экономики, где скорее всего мог вызреть капиталистический уклад, — занимались преимущественно нетурки и даже немусульмане. Как об этом уже говорилось выше, так сложилось исторически: древнее население Малой Азии и Балкан издавна славилось своими ремеслами. Издревле была развита у него и торговля. Греки, армяне, представители славянских и других народов составляли подавляющее большинство городских ремесленников и торговцев. Кроме того, мно-

гие турки считали занятия ремеслами и торговлей зазорным для себя делом. Среди турецкой верхушки и среднего класса мелких феодалов идеальным и почетным занятием считалась военная, гражданская или духовная служба. А для турецкого крестьянина путь в ремесленники или торговцы был весьма труден: у него не было ни необходимых навыков, ни средств.

На пути освоения турками ремесел стояли и средневековые цехи (энсаф), где царила суровая конфессиональная обособленность. Цехи разных религиозных групп—православных, армян-григориан, католиков держались отчужденно друг от друга и от мусульман, допуская в свои ряды только единоверцев и строго охраняя секреты производства. Такое положение приводило к тому, что в некоторых отраслях ремесла (даже в XX в.) турок вообще не было. Например, советский посол С. И. Арапов описывает, как он в 1922 г., во время войны Турции за независимость, посетил военную школу кузнецов: «Что такое школа кузнецов?.. Странным покажется, что в Анатолии среди турок в то время не было своих кузнецов. Лошадей ковали ремесленники—греки, армяне. Теперь греки воевали против турок, с армянами также не было дружбы. Лошади страдали от неумелой ковки. И вот в армии стали создавать краткосрочные школы для обучения кузнецкому делу» [16, стр. 96—97].

Ростовщиками и банкирами тоже были почти исключительно немусульмане, нетурки. В этом, безусловно, сказался и исламский запрет ссужать деньги под проценты. Иначе говоря, этот путь первоначального накопления капитала был закрыт для тех турок, которые строго придерживались догматов веры.

Наконец, еще в одном отношении турки находились в худших экономических условиях, чем немусульманские народы. Огромной тяжестью ложилась на турок, особенно крестьян, воинская повинность. До 1909—1910 гг. только мусульмане несли военную службу, причем турки составляли три четверти общей численности регулярной армии в мирное и военное время. Беспрерывные войны Османской империи, подавление бесчисленных восстаний (против восставших арабов и курдов использовались солдаты-турки) — все это вело к колossalной убыли мужчин-турок, главным образом крестьян, что сильно было экономически по крестьянскому хозяйству. Даже

отрыв работника в мирное время тяжело сказывался на экономике крестьянской семьи. Как отмечал В. Дж. Пальгрэв в 1860—1870 гг. (это верно и для более ранних периодов), среди населения, уже находившегося на краю нищеты, в каком положении было девять десятых всех анатолийских крестьян, отрыв молодого работника от семьи часто влек за собой окончательное разорение. А воинская повинность отрывала постоянно 20% мужского населения, годного к военной службе [190, стр. 32].

Таким образом, предпосылки для развития капиталистических отношений существовали прежде всего среди нетурецкой и немусульманской части населения Османской империи — в среде национальных меньшинств, где была широкая прослойка торговцев, ростовщиков и ремесленников.

Передовая культура и ее материально-техническое обеспечение также развивались быстрее среди тех же этнических групп. Общий упадок Османской империи в XVII—XVIII вв. привел к деградации турецкой науки, искусства и литературы. Архитектура потеряла самобытность, османские строители стали рабски подражать западноевропейским образцам. Пришло в упадок и искусство миниатюры. Вообще, развитию изобразительного искусства мешал ислам суннитского толка, запрещавший воспроизведение в скульптуре и живописи живых существ. За два с половиной века турецкая литература не дала ни одного выдающегося мастера слова. Османские поэты продолжали перепевать обветшалые образы персидской лирики — соловья и розу, возводили форму стиха в высший закон в ущерб содержанию. Наука была скована духовенством, оберегавшим свои привилегии. Светское обучение по-прежнему не существовало. Мусульманские школы были очагами схоластики и мракобесия. Население оставалось почти сплошь неграмотным [105, стр. 53, 54; 185, стр. 55—56]. Первая типография в Османской империи появилась в 1494 г. у евреев, армянская типография открылась в Стамбуле в 1565 г., греки создали свою типографию в Турции в 1627 г. И только в 1729 г. была напечатана первая турецкая книга [101, стр. 47—58]. Турецким первопечатником был венгр Ибрагим Мютефферика, принявший ислам [185, стр. 57]. Позже, когда книгопечатание развилось довольно-

но широко, турецкая печать продолжала отставать от нетурецкой: в начале 70-х годов XIX в. в империи издавалось 47 газет и журналов, из них только 13 на турецком языке. Все это также тормозило рост культурного уровня турок. Турки отставали в этом отношении от других народов империи: в начале XX в. 90% турок были неграмотны, тогда как среди греков неграмотных было 50%, а среди армян — 33% [185, стр. 133—134]. Сильно сказывалось на культурном развитии турок и полное отсутствие у них женского образования. Неграмотные и малокультурные матери мало что могли дать своим детям, за исключением элементарного воспитания.

Итак, многие исторические причины обусловили такой, на первый взгляд парадоксальный, итог: социально-экономическое развитие турок, господствующей народности, все больше отставало от развития угнетенных ими немусульманских народов. Греки, армяне, представители других немусульманских народов, игравшие большую роль в торговле и ремесле, имевшие высокий культурный уровень, подвергались в Османской империи религиозной дискриминации. А это противоречие сдерживало развитие и торговли, и промышленности. Это противоречие было не только религиозно-этническим, но и социальным: когда все же начала нарождаться и турецкая торговая буржуазия, то в среде всего османского класса торговой буржуазии не было единства. Из-за религиозного гнета между мусульманами и немусульманами существовала вражда, тогда как их классовые интересы требовали объединения усилий для борьбы против феодальных порядков.

Религиозный гнет, подчеркивая этническую пестроту населения империи, усугублял обособленность отдельных народов друг от друга, углублял экономическую незаинтересованность в объединении разных национальностей в единую «османскую нацию». Он даже сдерживал консолидацию самих турок в нацию, так как тормозил их социально-экономическое и культурное развитие, ориентируя на сохранение феодальных отношений, теократической администрации, религиозных школ.

Тем не менее, несмотря на все эти отрицательные факторы, в первые десятилетия XIX в. в Турции появилась примитивная капиталистическая промышленность на дому, существовали отдельные крупные мануфактуры

и фабричные предприятия [182, стр. 98], была развита добывающая промышленность.

Конечно, уровень развития производительных сил в целом по стране был еще очень низок. Промышленность, за исключением стамбульской, находилась на стадии ремесла и мелкого товарного производства. Мануфактуры были мало развиты. Преобладал скопщик. Рынок отличался большой разобщенностью, усугублявшейся трудными для развития путей сообщения географическими условиями на востоке страны [182, стр. 23]. И. Черник в отчете об экспедиции в Турцию в 1872—1873 гг. отмечает, что большие области живут своей собственной жизнью, оторванные одна от другой, и что нет хороших путей сообщения [243, стр. 198]. Ряд довольно крупных промышленных предприятий был не чисто капиталистическим: на многих рудниках работали приписанные к ним христиане — греки, армяне, а не наемные рабочие [38, ч. I, стр. 134—135, ч. II, стр. 36, 129]; часть рудников была не капиталистической собственностью частных лиц, а арендовалась ими у правительства [190, стр. 19, 22]; крупнейшие предприятия стамбульской промышленности, обслуживавшие в основном нужды армии и флота, принадлежали государству и были организованы на военно-административных началах [228, стр. 119—122]. Сдерживали развитие промышленности и средневековые цехи и цеховая регламентация (цехи были окончательно ликвидированы лишь после кемалистской революции 1918—1923 гг.).

Таким образом, отсутствовала основная предпосылка для формирования будь то «османской» единой нации или отдельных наций — турецкой, армянской, греческой (на территории Турции) — высокий уровень развития производительных сил. Тогда как английская, голландская и некоторые другие западноевропейские нации выступили на исторической арене уже в XVI—XVII вв. потому, что их ускоренное формирование было обусловлено прежде всего высоким для того времени уровнем развития производительных сил, приведшим к падению феодальной замкнутости.

Но и при таком низком уровне развития производительных сил дальнейший промышленный прогресс Турции натолкнулся на препятствие — конкуренцию иностранных товаров. Причем эта конкуренция проходила в

условиях все возраставшего экономического закабаления Османской империи западными державами.

Еще во второй половине XVIII в. османская промышленность терпела большой ущерб от конкуренции иностранных товаров, завозившихся в страну. В первые десятилетия XIX в. эта конкуренция неизмеримо возросла и нанесла сильнейший удар по местной промышленности Турции. Анатолия, столь известная своим бархатом, сатином и шелком, производила к середине XIX в. не более одной десятой того, что она производила в начале века [182, стр. 92]. Кроме того, из-за кабальных соглашений, навязанных державами, так называемых капитуляций⁸, Турция была лишена единственного оружия против конкуренции, к которому обычно прибегают слабые в промышленном отношении государства, — оружия протекционизма. Она не имела права ни увеличить пошлины, ни обложить иностранную торговлю налогами, ни привлечь к турецкому суду иностранца, имевшего тяжбу с османским подданным или даже совершившим преступление. В иностранной торговле играла очень большую роль компрадорская буржуазия, опять-таки, как правило, нетурецкая по национальной принадлежности — греческая, армянская, еврейская. Эта буржуазия была тесно связана с иностранным капиталом.

⁸ Еще в годы расцвета и могущества Османской империи при Сулеймане I Турция даровала ряд привилегий Франции, положивших начало установлению в стране капитуляционного режима. Документы с перечнем привилегий — капитуляции (т. е. главы, статьи) давали Франции (позже они были предоставлены и другим державам) такие основные льготы: низкие таможенные пошлины, освобождение ее подданных от налогов, неподсудность турецким судам. Капитуляции предусматривали право покровительства иностранных держав своим единоверцам. Вначале капитуляции не имели характера неравноправных договоров. «Так как коран объявляет всякого чужеземца врагом, то никто не отважится появиться в мусульманской стране без мер предосторожности. Первые европейские купцы, бравшие на себя риск торговли с таким народом, пытались поэтому вначале обеспечить лично за собой исключительные условия и привилегии, которые, однако, распространялись впоследствии на всю их нацию. Таково происхождение капитуляций... капитуляции являются льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следовательно, может по своему усмотрению отменить их» [1, стр. 168, 169]. Но в дальнейшем положение изменилось — капитуляции превратились в договорные обязательства Османской империи, которые ее правительство не имело право отменять в одностороннем порядке.

Начиная с 30-х годов XIX в. до первого десятилетия XX в. происходил неуклонный рост не только компрадорской, но и вообще торговой, а также промышленной буржуазии, нетурецкой по национальной принадлежности. О росте этой буржуазии свидетельствуют многочисленные очевидцы того времени — путешественники и исследователи. Вот, например, наблюдения М. П. Вронченко (1835 г.): ремесла и торговля — главнейший промысел армян Западной и Центральной Анатолии; богатейшие купцы во внутренних городах Малой Азии — армяне; все банкиры — христиане; христианское купечество зажиточное турецкого и держит в своих руках главнейшие торговые обороты [38, ч. II, стр. 242, 263, 281]. Примерно такое же впечатление сложилось у В. Дж. Пальгрэва (1869—1872 гг.): «армяне в районе Кара-Хисара занимаются торговлей и ростовщичеством, и скоро настанет время, когда к ним перейдут все земли от первоначальных магометанских собственников» (в данном случае, видимо, бывшие феодальные поместья турок переходили в руки нарождавшегося класса буржуза), «самый богатый купец в Гиресуне — армянин», в Турецкой Грузии торговцами являются «армяне-пришельцы» [190, стр. 18, 85]. К. Мак-Коан (1879 г.) писал: основное занятие греков — торговля, лишь немногие греки занимаются земледелием; торговля в Измире, Бурсе, Анкаре находится в руках христиан (греков, армян и иностранцев); христиане обладают монополией почти всей внешней торговли и даже внутренней: так, в Анкаре, где две трети жителей — мусульмане, последние только производят шерсть, а торгуют ею христиане (греки, армяне); в Бурсе, центре шелковой промышленности, та же картина [151, стр. 109, 364]. Некоторые путешественники даже склонны были преувеличивать роль армян в торговле Турции. Д. В. Путята (1896 г.) пишет: почти все саррафы (т. е. менялы, банкиры, ростовщики) в Турции — армяне; в городах в руках армян сосредоточены торговля, промыслы, ростовщичество [202, стр. 20, 33]. Другой путешественник — Ю. Кази-Бек (1897 г.), по существу, вторит ему: вся торговля как Европейской, так и Азиатской Турции monopolизирована армянами [115, стр. 96]. Армяне действительно играли огромную роль в торговле и ростовщичестве, но нельзя сбрасывать со счетов и других христиан Турции, особенно греков. Г. Гроте (1902 г.)

отмечал, что в Анкаре первенствующую роль в торговле играли армяне-католики и греки [60, стр. 49]. П. Томилов (1904 г.) писал, что «самые богатые негоцианты Мерсина», — греки [222, стр. 38], а И. И. Голобородько (1908 г.) делал вывод, что в Европейской Турции преобладают греки-торговцы, а в Азиатской — армяне [46, стр. 149]. Во внешней торговле также преобладали греческие дельцы, чему способствовало то обстоятельство, что торговый флот Турции был почти полностью в руках греков [229, стр. 162]. И как бы итогом ко всем этим высказываниям звучат слова Ф. Энгельса: «...кто ведет торговлю в Турции? Во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю...» [5, стр. 25]. Греческая и армянская торговая буржуазия быстро богатела. В 1870—1880 гг. даже наблюдался интенсивный переход земельных участков и другой недвижимости от турок к армянам и грекам, скупавшим поля, сады, доходные дома и пр. [62, стр. 56, 60].

Конечно, из того факта, что торговля находилась преимущественно в руках греков и армян и что определенная часть их все больше богатела, не следует делать вывод о том, будто поголовно все греки и армяне Турции составляли преуспевавшую торговую буржуазию. Большинство греков Западной Анатолии и армян Восточной Анатолии были крестьянами, зачастую беднейшими, и жестоко эксплуатировались как турецкими (а на востоке и другими мусульманскими — курдскими, арабскими, лазскими) феодалами, так и своими кулаками, ростовщиками и торговцами. «Греки-земледельцы бедны, богаты только торгаши», — подчеркивает М. П. Вронченко [38, ч. II, стр. 234]. «Армянская нация к началу XIX в. расслоилась на две группы: трудящийся класс и амиранов, — пишет И. И. Голобородько. — Амираны — крупные купцы, банкиры, промышленники и чиновники, в силу богатства, служебных или личных связей при дворе, составили класс привилегированный. Они захватили в свои руки руководство национальными делами. Им удалось избавиться от многих личных повинностей, которые нес трудовой класс. Последний составлял подавляющее большинство армянской нации: в сельских округах он состоял сплошь из земледельцев, в городских — из ремесленников и мелких торговцев. Позже,

под влиянием насильственных захватов земель (армянские земли стали захватывать курды, переходившие на оседлость, и черкесы, переселенные в армянские районы. — Д. Е.), из среды крестьян выделилась еще одна группа, возраставшая не по дням, а по часам,— мараба, сельский пролетариат, отдающий свой труд батрака за бесценок земельным собственникам» [46, стр. 229]. В образовании армянского сельского пролетариата основную роль сыграло и расслоение армянского крестьянства.

Дальнейший рост буржуазии и буржуазных отношений среди армян и греков привел к тому, что экономические предпосылки для формирования буржуазной нации возникли раньше не у турецкой народности, а у этих угнетенных национальных меньшинств. Развитие же национального самосознания армян и греков убыстряла все усилившаяся в XIX в. национально-освободительная борьба народов Османской империи, особенно балканских: в 1804 и 1815 гг. произошли восстания сербов против турецкого господства, в 1821 г. началась национально-освободительная война в Греции, которая в 1830 г. добилась независимости, в 1861 г. Османская империя признала государство Румынию, в 1867 г. были удалены последние турецкие гарнизоны из Сербии, в 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, а в 1876 г.— в Болгарии, которая в 1878 г. освободилась от османского ига. Успешная борьба балканских народов, исповедовавших христианство, против турецкого господства усиливала и вызревание идей национального освобождения и национализма среди христианских меньшинств Турции, главным образом армян и греков. Однако часто эти идеи принимали религиозную окраску, были еще далеки от чистого национализма. В этом отношении показательно, например, то, что армяне и греки добивались своей национальной автономии в форме признанных султаном статутов своих религиозных общин: в 1860—1863 гг. были утверждены статуты армяно-григорианской общины, а в 1862 г.— статут греческого патриархата.

Крайне противоречивой была в это время политика европейских держав в вопросе межнациональных отношений в Османской империи. Европейские державы, под предлогом защиты своих единоверцев-христиан, все чаще вмешивались во внутренние дела Османской империи,

в частности в межнациональные конфликты. Франция покровительствовала католикам, царская Россия — православным и армяно-григорианам, Англия — вообще всем христианам. Это покровительство державы использовали прежде всего в своих интересах — для ослабления и еще большего экономического закабаления Османской империи. Но, закабалив Османскую империю экономическими, превратив ее в аграрно-сырьевой призрак, Англия, Франция и другие западноевропейские державы не были заинтересованы в действенной поддержке национально-освободительных движений, могущих привести к распаду империи, явившейся для них полем экономического грабежа. Россия же, заинтересованная в укреплении своих позиций на Балканах и тоже преследовавшая свои цели (например, известны захватнические устремления царизма в отношении Стамбула и проливов), поддерживала национально-освободительные движения, как способствовавшие оттеснению турок с Балкан, объективно играя при этом положительную, прогрессивную роль. К концу XIX — началу XX в. все балканские народы обрели независимость в результате упорной национально-освободительной борьбы против турецкого господства и при военной и политической помощи России, несмотря на то что действия России наталкивались на сильнейшее сопротивление западных держав, боявшихся русского усиления на Балканах и стремившихся взять проливы под свой собственный контроль. Поддерживала Россия, опять же не бескорыстно, и национальные движения армян, ассирийцев и курдов на востоке Турции, также объективно играя положительную роль и также встречаясь здесь с соперничеством западных держав.

Таким образом, политика европейских держав по отношению к национальным движениям народов Турции, хотя она и была крайне противоречивой и отвечала прежде всего интересам самих этих держав, все же будила национальное самосознание угнетенных народов. Турции, стимулировала его рост.

Все эти причины привели к тому, что наряду с отставанием турок от христианских национальных меньшинств в социально-экономическом и культурном отношении они отставали и по уровню развития идей национализма.

До 60—70-х годов XIX в. не существовало четких

идей турецкого национализма. Среди представителей правящего класса (к нему кроме турецких феодалов и бюрократической верхушки принадлежали и выходцы из других мусульманских народностей — курды, арабы, албанцы и др.) господствовала идеология исламизма, отрицавшая национальные особенности мусульманских народов и стремившаяся насилием исламизировать немусульманские народы с целью создать в Турции и даже во всей Османской империи «единую мусульманскую нацию». Национальные различия в представлении исламистов не играли существенной роли. Главной была, по их мнению, религиозная принадлежность. В дальнейшем своем развитии исламизм турецких правящих кругов перерос в панисламизм.

**ПРЕВРАЩЕНИЕ ТУРЦИИ В ПОЛУКОЛОНИЮ
ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

Большинство реформ танзимата осталось не реализованными⁹. Неурядицы и произвол продолжались по-прежнему. Но в Турции росли, хотя и чрезвычайно медленно, силы, все более нетерпимо относившиеся к господствующему строю: многочисленнее и богаче становилась торговая буржуазия, появились либеральные помещики, заинтересованные в экономическом сотрудничестве с ней. Это были преимущественно крупные землевладельцы, приобретшие земли путем купли или за взятку и поставлявшие сельскохозяйственные продукты на рынок, а не старые феодалы, владевшие прежними наследственными ленами. В наведении порядка в стране были заинтересованы и откупщики налогов, рудников и шахт, купцы — всех их притесняли феодалы, паши, зачастую они подвергались грабежам на дорогах и дома.

Но главным историческим фактором в последней четверти XIX — первые годы XX в., изменившим во многом

⁹ Многие законы и обычаи средневековья сохранились в Турции даже до начала XX в.; например, еще в 1908 г. христиане были обязаны выполнять для помещика ряд работ на его личных землях [46, стр. 137].

классовые соотношения и повлиявшим на национальные процессы в стране, было втягивание турецкой экономики в мировой рынок. Превращение Турции в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав сопровождалось развитием сельскохозяйственного производства, особенно технических культур. Так, площадь под табаком с 1884 по 1903 г. увеличилась в 3,3 раза, сбор хлопка с 1896 по 1908 г. — в 32 раза и т. д. [185, стр. 113].

Рост разделения труда в сельском хозяйстве, вовлечение его в мировой товарооборот, проникновение капиталистических отношений привели к усилению классовой дифференциации в деревне. Начала формироваться сельская буржуазия в лице кулаков и помещиков, переходивших к капиталистическим методам хозяйствования. Появился и сельскохозяйственный пролетариат. Хотя в городах импорт иностранных товаров вызвал упадок некоторых отраслей промышленности, там строились фабрики и заводы, нужные иностранному капиталу. Особенно большое воздействие на экономику страны оказало строительство железных дорог, необходимых иностранным капиталистам для лучшего использования ресурсов Турции в своих целях [185, стр. 113—114]¹⁰.

Во второй половине XIX в., главным образом в 80-х годах, железнодорожное строительство способствовало развитию в Турции производительных сил, укреплению экономических связей между отдельными районами и складыванию общетурецкого рынка. Конечно, железные дороги в Турции того времени, с одной стороны, представляли собой, по выражению А. Д. Новичева, «дула, по которым летели снаряды в виде дешевых иностранных товаров, разивших турецкую промышленность» [182, стр. 248], но с другой — строительство железных дорог стимулировало дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в прилегающих к ним районах, преиму-

¹⁰ В 1856 г. началось строительство железной дороги Измир — Айдын, в 1864 г. — Измир — Касаба, в 1881 г. была построена дорога Муданья — Бурса, в 1886 г. — Мерсин — Адана, в 1888 г. началось строительство участка Измит — Анкара, а позже — Багдадской магистрали, которая пересекла к началу XX в. всю Малую Азию от Босфора до Сирии [223, стр. 302—303; 147, стр. 158—159; 70, стр. 34]. Всего до первой мировой войны было построено 3931 км железнодорожных путей [213, стр. 95—96]. Поток грузов по этим дорогам стремительнорос: в 1904 г. по Багдадской магистрали было перевезено 4424 т грузов, а в 1912 г. — 57 456 т [182, стр. 164].

щественно сельских, где натуральное хозяйство сменилось товарным. Развивалось и морское судоходство, в основном каботажное, строились порты¹¹.

Торговый обмен в Турции, писал И. И. Голобородько, быстро растет благодаря развитию путей сообщения. Установлены регулярные пароходные рейсы во все значительные порты, строятся железные дороги. Прежде товары шли трудными караванными путями, купцу грозила постоянная опасность нападения разбойничих шаек. Теперь его товар в целости и сохранности доставляется в любой пункт железной дороги. Дешевизна, скорость и безопасность доставки дали сильный толчок развитию торгового обмена внутри страны. Установилась также обширная сеть торговых сношений с недоступными раньше для иностранного капитала местностями. На южном побережье Малой Азии, в местностях, по которым прошла железная дорога, земледелие ведется уже при помощи усовершенствованных орудий, плугов, молотилок и т. д. Оно дает прекрасные результаты [46, стр. 149, 125].

Правда, строительство железных дорог велось в отношении их географического распределения по стране крайне неравномерно: они строились только в Западной и Центральной Анатолии. Накануне первой мировой войны в этих районах на 100 кв. км приходилось 570 м железнодорожного пути — довольно значительная цифра [182, стр. 242]. Восточные же районы, гористые и полуизолированные, оставались без дорог. Отсутствие дорог препятствовало разрушению натурального хозяйства в восточноанатолийской деревне, излишки продукции сельского хозяйства некуда было сбывать. Например, в Харпукском округе производили хлопок, шерсть, виноград, хлеб, писала А. Тыркова. Но все это некуда было девать, так как не было вывоза из-за отсутствия хороших дорог. Один вилайет Битlis мог дать 0,5 млн. т хлеба в год. Но на вывоз его надежды не было, и многие земли оставались необработанными, а многие руки — незанятыми. Это было, в частности, одной из причин того, что из Битлиса ежегодно эмигрировало в Америку 30 тыс. армян [227, стр. 70—71].

¹¹ В 1844 г. была основана первая турецкая пароходная компания, а к началу первой мировой войны в Турции насчитывалось 230 таких компаний, частных и государственных [213, стр. 98].

Поэтому Восточная Анатолия — Турецкий Курдистан, Турецкая Армения, Турецкая Грузия и восточные районы Лазистана гораздо медленнее включались в общетурецкий рынок и отставали в социально-экономическом развитии от остальной Турции, что задерживало и национальные процессы. Например, этот фактор в какой-то мере замедлил сложение курдов в нацию (наряду с другими причинами — расселением отдельных частей курдского народа по разным странам, их племенной раздробленностью и т. д.). Он же затормозил и национальную консолидацию турецких армян, так как капиталистические отношения развивались не среди восточноанатолийских армян, этой сравнительно компактной массы армянского народа, а главным образом среди армян, живших в городах Центральной и Западной Анатолии, т. е. оторванных от районов с армянским большинством населения. К тому же другая, большая часть армян проживала в пределах Российской империи.

Развитие экономических связей в западных и центральных районах усиливало процессы национальной ассимиляции (туркизации) нетурецкого населения, составлявшего здесь меньшинство и разбросанного среди массы турок¹². Особенно быстро ассимилировались те этнические общности, которые давно приняли ислам и частично уже подвергались отуречиванию. Так, в отношении лазов западных районов Лазистана Н. Я. Марр писал: «Интенсивное общение с различными народами, единственная воодушевляющая мысль о наживе и сильное эмиграционное движение во все портовые города Турции и их окрестности сильно содействуют окончательной гибели национального самосознания лазов» [157, стр. 625]. Еще в середине XIX в. лазы, по свидетельству итальянского путешественника А. Бианки, чувствовали себя самостоятельной силой, нередко враждовали с турками [257, стр. 302]. «Теперь (т. е. в 1910 г. — Д. Е.), — отмечал Н. Я. Марр, — едва-едва улавливаются местами пережитки этого чувства; в общем лазы — убежденные

¹² Большое методологическое значение для изучения влияния экономических отношений на национальные процессы имеет следующее высказывание В. И. Ленина: «...потребности экономического оборота сами собой определят тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений» [6, стр. 117].

турецкие патриоты» [157, стр. 624]. Многие лазы уже не знали лазского языка и говорили только по-турецки. Более того, они часто даже стыдились своего родного языка. Таким образом, ассимиляция части лазов была, видимо, близка к завершению. Но в восточных районах Лазистана (Вице, Архаве, Хопе) положение было иным: подавляющее большинство лазов сохраняло и родной язык и свое национальное самосознание [157, стр. 626]. Это объяснялось не в последнюю очередь тем, что Восточный Лазистан, не имевший хороших путей сообщения, был слабо связан экономически с остальной Турцией.

Превращение Турции в полуколонию и строительство железных дорог повлекли за собой еще одну немаловажную особенность. Раньше торговые пункты страны оперировали товарами внутреннего производства, товарные потоки двигались главным образом между отдельными центрами внутри страны, что способствовало формированию торговой буржуазии во внутренних районах. Последнее не могло не вовлекать в этот процесс и часть турецкого населения, порождать и турецкую по национальности торговую буржуазию. Однако, когда Турция стала сырьевым придатком и рынком сбыта промышленных держав, внутренняя торговля в значительной степени подчинилась интересам внешней, торговые центры переместились из внутренних районов в портовые города, возникли и новые центры (из них некоторые даже во внутренней Анатолии), ставшие железнодорожными узлами или пунктами вывоза сельскохозяйственной продукции и сырья. Такое перемещение центров торговой активности из внутренних районов (где преобладало турецкое по национальности население) во внешние, расположенные, как правило, на побережье, привело к новому усилинию компрадорской буржуазии, связанной с иностранным капиталом. Эта буржуазия, в большинстве нетурецкая по национальной принадлежности, приобрела господствующее значение в торговле страны [182, стр. 116]. Таким образом, и в Азиатской Турции возникла ситуация, подобная создавшейся в Европейской Турции еще в первой половине XIX в., о которой писал Ф. Энгельс: «Именно славянская и греческая буржуазия во всех городах и торговых пунктах... становится все богаче и влиятельнее, а турки все более и более оттесняются на задний план»

[5, стр. 25]. Это замечание справедливо и для Азиатской Турции, лишь с той поправкой, что здесь почти не было славянской буржуазии, а была преимущественно армянская и греческая.

Полуколониальное положение Турции обусловило медленное и уродливое развитие промышленности. С проведением железных дорог поток иностранных товаров в глубь Турции увеличивался, целые отрасли турецкой промышленности свертывались, за исключением, пожалуй, лишь ковровой, которая стала работать на экспорт. Турция все больше становилась страной, вывозящей сырье, тогда как раньше она вывозила и готовую продукцию — шелк, бархат, сукно, сафьян, оружие. Иностранный капитал встал на пути развития турецкой промышленности и сделался основной причиной ее застоя. В конце XIX — начале XX в. турецкая промышленность находилась в состоянии крайней отсталости, хотя известное развитие и получили ее некоторые отрасли, например, мукомольная (так как после проведения железных дорог усилилось поступление зерна на рынки Стамбула, Измира и других городов) [182, стр. 93, 101, 103, 108]; затем в Адане, центре торговли хлопком, возникли хлопкоочистительные и прядильные фабрики, были многочисленны ткачи-надомники [223, стр. 52]. Но опять-таки значительная часть предприятий по обслуживанию внутреннего рынка принадлежала иностранцам или инонациональной буржуазии. Так, из шести лесопильных заводов к началу 90-х годов XIX в. три принадлежали иностранцам, а три других — турецким грекам: из пяти литейных заводов не было ни одного турецкого, все они были собственностью либо греков, либо других инонациональных капиталистов [182, стр. 108]. Иностранцы прибрали к рукам муниципальные предприятия — газовые заводы, электростанции, трамвайные линии, а также предприятия по постройке доков, складов, арсеналов [182, стр. 108]. Все существенное в турецкой промышленности принадлежало иностранцам или, в меньшей степени, инонациональной буржуазии. В этом была основная причина слабости турецкой национальной буржуазии.

В Анатолии, писал И. И. Голобородько, образовался слой турецкой промышленной буржуазии. Однако все выгоднейшие промыслы и концессии были уже захвачены иностранцами. Они обладали рядом огромных привиле-

гий и преимуществ. Турецкие промышленники не могли успешно конкурировать с иностранными предпринимателями [46, стр. 212]. Очень сильны были и позиции ионациональной буржуазии. «Банки и нарождающиеся промышленные предприятия, — свидетельствует А. Тыркова, — ведутся греками, армяне делают торговые дела... Теперь турки спохватились и рады бы конкурировать и с османскими христианами, и с европейцами, и с левантинцами (потоками западноевропейцев, обосновавшихся в XVII—XVIII вв. в странах Леванта, т. е. Ближнего Востока. — Д. Е.), но нет у них для этого ни навыка, ни денег» [227, стр. 131].

Пролетариат был в основном нетурецким по национальности. «Среди рабочих мало турок. В Стамбуле, например, на табачной фабрике... из 2,5 тыс. рабочих только 200 турок. Среди ремесленников их тоже мало. Только в цехе носильщиков-хамалов на 7 тыс. человек половина мусульман, но преимущественно курдов», — таково еще одно свидетельство А. Тырковой [227, стр. 231]. Общая численность пролетариата в Турции накануне первой мировой войны равнялась 50 тыс. человек [182, стр. 112]. Помимо своей малочисленности он был очень распылен, так как крупных предприятий было мало.

Среди интеллигенции тоже преобладали нетурки. Инженерами, врачами, адвокатами были, как правило, греки, армяне, евреи. «Все свободные профессии заполнены христианами, чаще всего получившими образование на Западе» [227, стр. 132]. В этом сказалось очень сильное отставание турецкого народного образования, особенно специального и высшего. Образование турок, по существу, продолжало находиться в руках духовенства. Специалистов — врачей, инженеров — из числа турок и других мусульман готовили только военные училища, общий уровень подготовки в которых был не выше, чем в среднеобразовательных школах. Для получения образования на Западе турок командировали очень редко, причем только офицеров. В 1869 г. был принят закон о всеобщем обязательном бесплатном начальном образовании, создании сети средних школ и открытии университета (он начал работу лишь в 1900 г.). Этот закон плохо проводился в жизнь. Не случайно уже в 1913 г. был введен в действие новый закон об обучении в начальных

школах. Однако и после этого закона успехи светского образования были незначительны. Даже в светских начальных и средних школах преподавание ислама занимало очень большое место [185, стр. 132—134].

Итак, развитие производительных сил и социальных отношений в Турции в последней четверти XIX—начале XX в. привело к наибольшему росту капиталистических отношений, а также и общекультурного уровня, у угнетенных национальных меньшинств, а не у турок. Причем это противоречие становилось все более острым еще и потому, что турецкая национальная буржуазия, хотя и медленно и с большим опозданием, но все же тоже начала развиваться. Это противоречие, ощущавшееся вначале лишь как экономическое, вследствие неминуемо должно было вылиться в политическое, идеологически оформиться в виде буржуазно-националистических течений.

В самом деле, торговля товарами внутреннего производства, особенно турецких предприятий, имела и турецких купцов. «В портовых городах большая часть лавок на базарах в руках греков и армян, реже — евреев, — писал И. И. Голобородько, — но чем дальше углубляться в Анатолию, тем больше торговцев турок, главным образом мелких» [46, стр. 18, 149]. Масштабы этой торговли были меньше, чем у торговли импортными и экспортными товарами, тем более что последняя кредитовалась иностранными фирмами. Поэтому торговцы-турки были меньше калибром, причем концентрировались главным образом во внутренней Анатолии [182, стр. 122]. Кроме того, крупные и мелкие помещики-турки, сельские богатые, эксплуатируя крестьян полуфеодальными методами, постепенно приобщались и к торговле. Они открывали в городах лавки и магазины, стремились умножить свои богатства при посредстве и более крупных торговых и финансовых операций [164, стр. 84]. Все эти турецкие по национальности представители новых нарождавшихся сил с завистью смотрели на торговцев-ионационалов, но, лишенные защиты от империалистического засилья и страдая больше других буржуа от феодального произвола, ничего не могли поделать, чтобы улучшить свое положение [182, стр. 122]. Путь им преграждала конкуренция иностранцев и ионациональных компрадоров, располагавших капитуляционными льготами и по-

кровительством европейских держав. Нарождавшаяся турецкая буржуазия с первых своих шагов натолкнулась на препятствие, не сразу ею осознанное, но вполне ощущимое по конкретным результатам. Непосредственным виновником создавшегося положения турецкая буржуазия считала султана, сделавшего турок бесправными в их собственном доме. Выразителем этого, на первых порах еще смутного, недовольства стала турецкая интеллигенция, по происхождению феодально-бюрократическая, по идеологии — уже буржуазная [164, стр. 84—85]. Она же явила распространительницей первых идей турецкого национализма. Первые зачатки турецкого национализма возникли в 60-е годы XIX в. — в движении «новых османов» (ени османлылар), конституционных монархистов, стремившихся провести ряд буржуазных реформ и надеявшихся этим предотвратить распад империи [см. 195]. Национализм «новых османов» был еще очень неопределен. Он сводился главным образом к движению за очищение турецкого языка от заимствованной арабской и персидской лексики. Под влиянием идей «новых османов» зародилась и новая художественная литература — проза, которая в прошлом почти отсутствовала. Развивалась драматургия, отходила от закостеневших форм поэзии. Новая литература часто была проникнута патриотическим содержанием, иногда пропагандировала равенство в буржуазном понимании. Во второй половине XIX в. появились выдающиеся турецкие литераторы, стремившиеся реформировать язык — приблизить его к народному — и развить новые жанры литературы. Ибрагим Шинаси (1826—1871) издал сборник турецких пословиц¹³, впервые в турецкой литературе написал комедию. Он даже внес предложение о замене арабского алфавита в турецкой письменности латинским [496, стр. 223—249]. Намык Кемаль (1840—1888) начал писать стихи, проникнутые патриотическими чувствами, создал первый турецкий роман. Сторонником обновления в литературе и упрощения литературного языка был и Зияпаша (1825—1881). Все эти писатели были в числе лидеров «новых османов» [511, т. II, стр. 60—63, т. III, стр. 117—118, т. IV, стр. 84—87].

¹³ Правда, этот сборник назывался «Османские пословицы» (а не турецкие) — «Дуруб-ы эмсал-и османие», т. е. название «турецкие» все еще по традиции казалось однозным.

Многие руководители «новых османов» хотели использовать в целях сохранения Османской империи и доктрину панисламизма, который отражал интересы феодально-клерикальной верхушки империи и стал в конце XIX в. государственной идеологией, пытавшейся обосновать сохранение территориальной целостности Османской империи, порабощение правящим классом ее народов. Вместе с тем, идеология панисламизма использовалась и как средство для борьбы с засильем европейских капиталистических держав в Османской империи и на всем мусульманском Востоке. Но по мере своего развития панисламизм турецких правящих кругов приобретал все более реакционный и даже агрессивный характер, служил такой экспансионистской внешнеполитической цели, как объединение всех мусульман мира под властью османского султана-халифа, а внутри империи призывал подавлять и физически уничтожать христианские национальные меньшинства.

Но в движении «новых османов» особо знаменательным был факт пропаганды турецкого языка, стремление очистить его от непонятных простому народу заимствованных слов, приблизить его к разговорному. Ведь, как об этом уже говорилось, до «новых османов» понятия «турецкий язык», «турок» для представителей османского господствующего класса служили синонимами всего грубого, «мужицкого», считались зазорными; турком в правящих кругах называли «простонародье», турецкого «мужика», «мужлана».

Пытаясь сочетать идеи панисламизма с еще нечеткими идеями национализма, «новые османы» проповедовали любовь к «османскому отечеству», выдвинули лозунг создания «османской нации», которая, по их мысли, должна была включить в себя как мусульман, так и христиан империи. Иначе говоря, их идеология была не только очень расплывчатой, но и противоречивой. Все же они считали, что именно турки должны сцепментировать эту «османскую нацию». Так появилась концепция османизма — своего рода смесь идей нарождавшегося турецкого национализма и панисламизма.

В 1876 г. «новым османам» удалось добиться принятия первой турецкой конституции, которая снова декларировала примерно те же буржуазные свободы, что и султанские указы 1839 и 1856 гг. («Личная свобода

вполне неприкосновенна...» — ст. 10; «Все османцы равны перед законом» — ст. 16; «Недвижимая и движимая собственность... гарантирована» — ст. 21 [229, стр. 217]). В конституции наглядно отразились и идеологические установки «новых османов» по национальному вопросу. Так, ст. 8 — «Все подданные империи называются османцами без различия вероисповедания» — отражала принцип османизма; ст. 11 — «Ислам есть государственная религия» — проводила в жизнь идеи исламизма; ст. 18 — «Допущение к общественным должностям обусловлено знанием турецкого языка, который является официальным языком государства»; ст. 57 — «Прения в парламенте происходят на турецком языке» и ст. 68 — «Не могут быть избраны депутатами... 3) лица, не знающие турецкого языка..., 10) лица, претендующие на принадлежность к чужой национальности» — говорили о турецком национализме «новых османов» [см.: 229, стр. 216—227].

По этой конституции право избирать своих депутатов получили и немусульманские религиозные общины (но не национальные меньшинства, будь то христианские, мусульманские или другие). Среди депутатов первой сессии парламента было 69 мусульман, 42 христианина, 2 иудея [46, стр. 208]. Это говорило о том, что религиозная принадлежность имела для «новых османов» гораздо большее значение, чем национальная.

Первая турецкая конституция просуществовала недолго: в 1878 г. султан Абдул Хамид II разогнал парламент, упразднил конституцию и объявил себя неограниченным монархом. Тирания Абдула Хамида продолжалась до 1908 г. В его царствование Османская империя окончательно превратилась в полуколонию иностранного капитала. Даже финансы самой империи контролировало англо-французское предприятие — «Оttomanский банк», который был одновременно эмиссионным банком и казначейством государства. В стране все эти годы свирепствовала реакция. По отношению к христианским меньшинствам Абдул Хамид проводил оголтелую шовинистическую политику. Будучи ярым панисламистом, он не доверял даже туркам и окружал себя приближенными из числа черкесов, курдов, лазов, аджарцев. Ими пополнялся и офицерский корпус. И. И. Голобородько писал, что среди учащихся военных школ всего несколько сот турок, остальные — черкесы, лазы, аджарцы [46,

стр. 190]. Абдул Хамид решил «покончить с армянским вопросом, покончив с армянами». Административно-военные функции в армянских районах были переданы курдским племенным вождям-феодалам. Была создана специальная иррегулярная кавалерия из курдов, черкесов и кара-папахов, названная по имени султана «хамидие». Эта кавалерия приступила к систематическому уничтожению и погромам армян в тех вилайетах, где они составляли большинство или значительный процент населения. Панисламисты использовали также ненависть простых мусульман, вызванную у них действиями армян-ростовщиков и торговцев, чтобы патратьить их на весь армянский народ. В результате была спровоцирована резня, в которой погибли сотни тысяч армян.

В этих условиях многие армяне, чтобы спасти свою жизнь и имущество, переходили в ислам. В последние десятилетия, отмечал в 1912 г. П. И. Аверьянов, из-за гонений есть случаи перехода целых армянских селений в мусульманство [13, стр. 16]. Большой урон был нанесен и армянской буржуазии в городах — почти вся их торговля была нарушена, собственность в результате реквизиций перешла в руки турок [46, стр. 251]. Режим Абдул Хамида подавлял и национальную культуру армян, например было запрещено ставить армянские пьесы [46, стр. 119].

Несмотря на то что национальные противоречия, используемые и разжигаемые правящими кругами в своих целях, мешали объединению всех антифеодальных сил, прогрессивные элементы всех национальностей начали борьбу против реакционного абдулхамидовского режима. Эта борьба завершилась в 1908 г. младотурецкой революцией.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРЦИИ

Первый подпольный комитет младотурок был основан в 1889 г. Его учредителями были представители различных мусульманских национальностей: курды, албанец, босняк, турок и др. Младотурок поддержали и тайные буржуазно-националистические организации других

народов — армян, евреев, арабов. Однако в основном младотурки отражали стремления либеральных слоев турецкой национальной буржуазии и связанных с ней помещиков, интеллигенции, части офицерства и чиновничества, недовольных режимом Абдул Хамида. Младотурецкое движение было либеральным движением, направленным против крайностей феодально-клерикального строя. Народившаяся турецкая торговая буржуазия была движущей силой младотурецкой революции, турецкая интеллигенция — ее идеологом, а исполнителем стало офицерство, поднявшее восстание в войсках.

Младотурецкая революция не означала преобразования Турции в буржуазное государство. Младотурки, добившись восстановления конституции, считали движение законченным. Они не были способны разрешить задачи буржуазно-демократической революции, не допустили развертывания аграрной революции и жестоко расправились с начавшимся рабочим движением [см.: 163].

Младотурецкое движение свидетельствовало вместе с тем, что процесс сложения турецкой буржуазной нации вступил в новую fazu. Экономические предпосылки для национальной консолидации турок уже существовали: в Анатолии народилась турецкая торговая буржуазия, укреплялись экономические связи между отдельными районами Анатолии и Восточной Фракии, где большинство населения составляли турки.

Идеологическим выражением далеко зашедшего процесса национальной консолидации турок явилось течение туранизма — первой четкой идеологии турецкого буржуазного национализма, которая постепенно получила развитие в среде младотурок.

Правда, вначале идеологией младотурок в национальном вопросе был османизм. До прихода к власти младотурки обещали другим народам Османской империи признать их право на самостоятельное существование в рамках империи. Это было вызвано тем, что империя разваливалась под ударами национально-освободительного движения угнетенных народов. Так, в воззвании младотурок 1908 г. болгары, армяне, арабы названы братьями. Но все эти народы, по мысли младотурок, должны были остаться под эгидой Турции, влиться со временем в «османскую нацию» [492, стр. 68].

После прихода младотурок к власти османизм быстро превратился по сути в неприкрытый турецкий национал-шовинизм, непримиримый по отношению к другим народам Османской империи, особенно христианским. Это объяснялось тем, что приход младотурок к власти вскрыл глубокие непримиримые противоречия между буржуазией турецкой и инонациональной — главным образом греческой и армянской. Это понимали многие лидеры нетурецких националистических организаций и до революции. Их блок с младотурками носил временный, тактический характер. Соглашение было действительно только до достижения общей цели — низвержения абдулхамидовского режима, после чего каждая из договорившихся групп оставляла за собой право действовать самостоятельно (это были — младотурецкий комитет «Единение и прогресс», армянская организация «Дашнакцутюн», еврейский комитет «Лавара», арабская организация «Хайфет» и др.) [46, стр. 216]. Буржуазия национальных меньшинств повела борьбу за административную децентрализацию, имея в виду добиться в дальнейшем полного отделения от империи. Это встретило решительное сопротивление турецкой буржуазии, пытавшейся укрепиться в области компрадорской торговли и отбить у инонациональной буржуазии захваченные позиции. К тому же в самом младотурецком движении после революции произошли перемены — в нем все больше одерживали верх «правые» группировки.

Теперь лидеры младотурок заявляли, что отныне в Османской империи нет ни болгар, ни греков, ни македонцев — все равны и все османцы. На деле это привело к новому преследованию национальных меньшинств. Младотурки решили «османизировать» всех подданных империи. Под османизацией же понималась исламизация и туркизация. В резолюции пленума ЦК партии младотурок (1911 г.) говорилось: «Империя должна стать мусульманской... Надо отказать инородческим элементам в праве иметь свои особые национальные организации... Распространение турецкого языка есть превосходное средство для установления господства мусульман и для ассимиляции инородческих элементов» [248, стр. 174].

Кризис османистской идеологии, не имевшей под собой реальной почвы, наступил скоро — народы империи разгадали ее цели. Завершающий удар по османизму

нанесли триполитанская война и балканские войны, а также восстания арабов. В этих условиях, особенно в связи с проникновением в Османскую империю германского империализма и ориентацией правящих кругов на кайзеровскую Германию, младотурки проводят все более антирусскую внешнюю политику и как средство идеологического обоснования этой политики берут на вооружение идеологию пантюркизма, которая призывала присоединить к Турции все земли, населенные тюркскими народами. Эти народы, по мысли пантюркистов, должны были быть поставлены под власть Турции и, потеряв свои национальные особенности, слиться с турками. Таким образом оправдывались агрессивные замыслы младотурок в отношении Средней Азии, Кавказа и некоторых областей Ирана. Внутри империи пантюркизм призывал физически ликвидировать или окончательно отуречить национальные меньшинства.

Пантюркистская идеология развивалась на базе молодого турецкого национализма, получившего вначале название «туркчюлюк» или «туркизм»—термин, имевший двоякий смысл. В нем были скрыты два совершенно разных понятия: туркизм (турецкий национализм) и тюркизм (пантюркизм), ибо «турк», как уже отмечалось, по-турецки значит и «турок» и «турк». Турецкая буржуазия, как и всякая буржуазия угнетенной нации (а Турция к тому времени уже превратилась в полуколонию империалистических держав), имела двойственный характер. С одной стороны, она была носительницей исторического прогресса — боролась против феодализма, засилья иностранного капитала, своего неравноправного положения, культурной отсталости страны, стремилась убрать препяды с пути капиталистического развития Турции. А с другой — она не только несла своему собственному народу капиталистическую эксплуатацию и стремилась к обогащению за счет турецких трудящихся масс, но и мечтала об экспансии, захвате чужих территорий, угнетении других народов [41, стр. 133; 44, стр. 149]. Эти стремления маскировались шовинистической идеологией. В конкретных исторических условиях того времени турецкий национализм (туркчюлюк) имел у младотурок двойственное содержание, а в последний период их политической деятельности окончательно выродился в пантюркизм [256, стр. 364].

Пантюркизм младотурок тесно переплетался с панисламизмом. Оно и понятно, так как, во-первых, в пантюркистской пропаганде младотурки использовали в своих целях и религиозные чувства тюрок-мусульман, а во-вторых, подобно османским султанам-халифам, они пытались опереться на панисламизм в борьбе против национального движения арабов за независимость. Вместе с тем это говорит о том, что национализм младотурок все еще не был свободен от религиозных настроений. А это свидетельствовало о его незрелости, отражавшей объективные условия — еще не полное завершение консолидации турок в нацию.

Однако национальное самосознание турок все более и более выкристаллизовывалось. Чисто националистические идеи все больше и больше распространялись среди турецкой интеллигенции. А. Тыркова записала очень характерное с этой точки зрения высказывание одного, как она определяет, «видного турецкого писателя», сделанное в 1911 г.: «Турок забыл свое происхождение. Спросите его, кто он? Он скажет, что он — мусульманин. От него все отняли, даже язык. Вместо здорового, простого турецкого языка ему дают чужой, непонятный, испещренный персидскими и арабскими словами (имеется в виду „османский язык“.— Д. Е.)» [227, стр. 175]. А турецких прогрессивных интеллигентов она характеризует следующим образом: «Старая религиозность мусульманства отпала от них, а на место ее нарождается доведенная до религиозности любовь к родине» [227, стр. 157]. Росту национального самосознания турок способствовало также то, что после младотурецкой революции получило некоторое развитие просвещение. Число начальных школ увеличилось с 28 615 в начале XX в. до 36 230 в 1910 г., расширилось и среднее образование, были организованы первые женские средние школы, открылись новые факультеты в Стамбульском университете и т. п. [185, стр. 134]. Появились первые учебники на турецком языке. Многие писатели все больше приближали язык своих произведений к народному разговорному турецкому языку. Еще в 1899 г. поэт Мехмед Эмин опубликовал поэтический сборник под названием «Стихи на турецком языке» (Тюркче шиирлер) [511, т. IV, стр. 69]. Истинным реформатором турецкой поэзии — в отношении языка, формы и содержания — стал Тевфик Фикрет (1870—

1915) [511, т. IV, стр. 20—22]. В литературе все больше места занимали патриотические темы; правда, некоторые произведения отражали и пантюркистские идеи. В 1914 г. в Стамбуле открылся турецкий театр «Дарюльбеда-и османи» (Османский храм искусства).

Младотурки провели также ряд мер по внедрению турецкого языка среди национальных меньшинств: во всех частных школах, где преподавание велось не на турецком языке, были введены обязательные предметы — турецкий язык, география и история Турции. Турецкий язык был введен в употребление также во всех иностранных концессиях, где основную массу служащих составляли греки и армяне.

Рост национального самосознания вызвал и усиление антиимпериалистических настроений среди турецкого народа, главным образом против Англии и Франции, капитал которых наиболее хищнически эксплуатировал турецкую экономику. Эти настроения разделяла и поддерживала и турецкая национальная буржуазия, выдевшая в капиталистах стран Антанты и связанных с ними ионнациональных компрадорах своих непримиримых соперников. Это было одной из причин того, что Османская империя, несмотря на существовавшее даже среди части ее правящих кругов мнение о нежелательности вступления в войну на стороне Германии (многих страшила мысль о столкновении с Россией), все же пошла в фарватере германской внешней политики, ловко использовавшей пантюркистские устремления младотурок в своих целях, и вступила в первую мировую войну против стран Антанты. Однако в годы войны германский империализм, почувствовав себя полным хозяином в Турции, стал грабить страну еще более хищническими методами. Это вызвало в турецком народе, особенно к концу войны, сильные антигерманские настроения, кое-где вылившиеся в восстания.

В военные годы младотурки попытались осуществить внутри страны свои пантюркистские и панисламистские цели — ликвидировать немусульманские национальные меньшинства. В осуществлении этого они частично преуспели. Воспользовавшись военным положением, младотурки, по совету кайзеровских генштабистов, приступили к депортациям армянского населения из Восточной Анатолии. 1,2 млн. армян были выселены в Сирию и Ирак,

около 1 млн. армян (по другим данным, около 1,5 млн.) были истреблены во время этих переселений, умерли от голода и болезней [164, стр. 155; 185, стр. 131]. Много армян бежало в Россию, Иран и другие страны. В результате ряд районов Восточной Анатолии и Киликии совершенно обезлюдел. Участь армян разделили и ассирийцы.

Во время первой мировой войны в экономике Турции произошли существенные изменения. Хотя турецкое сельское хозяйство в целом в военные годы пришло в упадок (главным образом за счет деградации бедняцких и средняцких хозяйств), деревенские богачи наживали огромные прибыли, поставляя сельскохозяйственные продукты армии и занимаясь спекуляцией дефицитными товарами. Используя накопленный таким образом капитал, они стали принимать участие в торговле и даже промышленности [168, стр. 32]. Турецкая торговая буржуазия, анатолийские помещики и кулаки усилились в связи с вывозом сельскохозяйственных продуктов в Германию и Австрию. Этот экспорт, хотя он представлял собой, в сущности, беспощадное выкачивание турецкого сырья, сказался выгодным особенно для турецкой торговой буржуазии, впервые получившей доступ к внешним рынкам. В то же время компрадорская (как правило, нетурецкая по национальной принадлежности) буржуазия, связанная с внешней торговлей стран Антанты и зависевшая от их кредитов, сильно ослабла из-за полного прекращения торговых связей с этими странами. Этую буржуазию ослабляла и националистическая политика младотурок, проводивших в отношении инонациональной буржуазии дискриминационные экономические мероприятия (повышенные налоги, реквизиции и т. п.) [186, стр. 68].

Большие перемены произошли и в промышленности. Промышленность, связанная с экспортом и импортом, т. е. опять-таки те отрасли, где господствовали инонационалы, резко сократила производство. В то же время промышленность, обслуживающая нужды армии и внутреннего потребления, получившая рынок, свободный от конкуренции иностранных товаров в связи с почти полным прекращением импорта, поощряемая протекционистской политикой младотурок, получила определенное развитие. Стали создаваться некоторые мелкие предприятия по

снабжению армии сукном, обувью и т. п., а также работавшие на внутренний рынок. В условиях военного времени они возникли не в портовых городах, уязвимых для вражеского флота (и в этих городах как раз была сильная ионациональная буржуазия), а в глубинных районах Анатолии, где преобладало турецкое население и уже народилась турецкая буржуазия. Усилинию турецкой буржуазии способствовало и то, что во время войны фактически перестал применяться режим капитуляций.

Оккупация войсками противника окраинных районов империи, падение роли портов в экономике содействовали тому, что экономические связи развивались в основном в Анатолии, где окончательно сложился единый внутренний рынок [см.: 186, стр. 68 и сл.].

Эти факты говорили о том, что все условия для завершения консолидации турецкой буржуазной пции уже имелись. Политические результаты этого процесса не замедлили сказаться. Правда, они проявились во всей силе лишь после окончания первой мировой войны, во время иностранной интервенции, когда турецкая буржуазия, охраняя свой, хотя бы и незначительный по размерам капитал, выступила против империалистических захватчиков под лозунгом национально-освободительного движения турецкого народа [164, стр. 160—162].

КЕМАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАВЕРШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ТУРОК

После поражения в первой мировой войне Османская империя потеряла все свои территории в Африке и Азии, за исключением собственно Турции. Но и сама Турция по Севрскому мирному договору подлежала разделу между странами Антанты. Этот раздел был согласован между ними в 1916 г. (так называемое соглашение Сайкс — Пико). Восточная Фракия с Адрианополем и Измирский район должны были отойти к Греции, широкая полоса вдоль сирийской границы — к Франции, зона Проливов выделялась в особый район с международным управлением. Стамбул оставался за Турцией лишь условно. Предусматривалось создание на востоке Анатолии якобы независимых, но фактически подвластных Англии буферных государств — дашнакской Армении и

феодального Курдистана, которые должны были служить империализму форпостом против молодой Советской России. Значительная часть остальной Анатолии разделялась на сферы влияния между Францией и Италией. За турками сохранялся лишь небольшой участок от Черного моря до Анкары. Но он должен был стать полуколонией. Турция подлежала разоружению. Подтверждался режим капитуляций. Вводился полный финансовый контроль держав Антанты.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России и образование Республики Советов изменили в корне положение в мире и вызвали подъем антиимпериалистической борьбы в колониальных и зависимых странах. Турецкий народ поднялся на борьбу за свою национальную независимость. Основной силой этой борьбы стало крестьянство.

Еще во время первой мировой войны сотни тысяч турецких крестьян, призванных в армию, не желая сражаться за чуждые им цели германских империалистов и пантюркистских экспансионистов, вернулись с оружием в свои деревни и создали в Анатолии многочисленные партизанские отряды. Эти отряды первыми начали вооруженную борьбу с оккупантами [164, стр. 172].

Рабочий класс Турции был слишком малочислен и политически слаб, чтобы стать гегемоном национально-освободительного движения. И это движение возглавила анатолийская буржуазия, выступившая как выразитель общенациональных турецких интересов. Проводником турецкой национальной буржуазии явились интеллигентские (преимущественно военно-интеллигентские) круги, видевшие в вооруженной борьбе против интервентов и султана, ставшего марионеткой в руках империалистов, единственное средство спасения родины. Из их среды вышел и руководитель национально-освободительной борьбы турецкого народа генерал Мустафа Кемаль-паша (впоследствии он принял фамилию Ататюрк). По его имени все движение стало называться кемалистским [164, стр. 173].

При поддержке Советской Республики турецкое национально-освободительное движение, носившее антиимпериалистический характер, победило. 24 июля 1923 г. был подписан мирный договор, закрепивший те границы Турции, которые ее народ отстаивал в борьбе против

интервентов, и отменивший капитуляции и другие прерогативы западных держав. Было также подписано соглашение об обмене населением между Турцией и Грецией: из Турции подлежали выселению все, за исключением живущих в Стамбуле, греки, а также гагаузы и другие православные элементы, а из Греции — мусульмане, подавляющее большинство которых составляли турки. Этих переселенцев в Турцию выехало до 1927 г. около 0,5 млн. человек¹⁴.

В ходе национально-освободительной борьбы в Турции произошла буржуазная революция, получившая название кемалистской. В 1920—1930 гг. в стране были проведены буржуазные реформы. Их необходимость назрела очень давно в силу все большего развития капитализма в Турции. Был ликвидирован султанат и халифат. Турция объявлена республикой. Церковь отделена от государства, а школа — от церкви. Были введены новые гражданский и уголовный кодексы по европейским образцам, начисто лишенные связи с мусульманским правом. Было запрещено многоженство, ношение чадры. Туриецкая письменность переведилась на латинский алфавит. Даже Коран перевели на турецкий язык и читали в мечетях начиная с 1932 г. не по-арабски, а по-турецки; печатался он латинскими буквами [159, стр. 200]. Вводилась европейская одежда (в частности, запрещалось ношение фески). Официальным календарем стал григорианский вместо мусульманского. Днем отдыха объявлялось воскресенье вместо пятницы, священного дня мусульман, и т. п. Были запрещены все виды духовного образования, закрыты медресе и богословский факультет Стамбульского университета¹⁵.

«Османский язык» был окончательно заменен турецким, который стал официальным, государственным, а постепенно и литературным языком. Кемалисты упорно боролись за очищение его от арабской и персидской лексики, арабо-персидских грамматических форм, однако это, в целом прогрессивное, движение подчас выливалось

¹⁴ Иммиграция в Турцию продолжалась и позже. Всего в 1923—1955 гг. переселилось около 1,5 млн. человек [171, стр. 107, 125]. После второй мировой войны в Турцию переселялись турки из Болгарии, Югославии и Румынии.

¹⁵ Законы, проводившие в жизнь все эти реформы кемалистов, изданы в Турции отдельной книгой в 1957 г. [см.: 474].

в непримиримый пуританский дух, когда некоторые, даже прочно вошедшие в обиход заимствованные слова заменялись искусственно созданными, непонятными народу. В этом проявились уже крайности буржуазного национализма. На новый литературный язык большое влияние оказал анкарский диалект турецкого языка, так как Анкара стала столицей Турции и ее общее воздействие на развитие национальной культуры турок резко возросло.

После кемалистской революции признанным названием турецкого народа стал этноним «турки» вместо прежних «мусульмане» или «османцы». Одно время, как об этом уже говорилось выше, хотели даже вместо этнонима «турок» (по-турецки «тюрк») ввести название «анатолиец» (анадолулу), чтобы окончательно устранить путаницу между этнонимами «турок» и «тюрк», существующую в турецком языке [343, стр. 168].

Кемалисты очистили турецкий национализм от пантюркистских и панисламистских наслоений [см.: 83, стр. 58—70; 40]. Они даже заменили термин «туркчюлюк», значивший и туркизм, т. е. турецкий национализм, и тюркизм, т. е. пантюркизм, термином «миллиетчилик» (впоследствии — «улусчуулук»), что означает национализм. Миллиетчилик (улусчуулук) был провозглашен одним из шести принципов¹⁶ Народно-республиканской партии, созданной Кемалем Ататюрком, и понимался как борьба за независимость турецкой нации. Симптоматично, что вооруженные силы кемалистов назывались «кувва-и миллие» (национальные силы), тогда как «халифатская армия», выступившая при поддержке стран Антанты за реставрацию прежних османских порядков, в защиту халифата и султаната против кемалистов, именовала себя «кувва-и Мухаммедине» («силы Мухаммеда», «магометанские или мусульманские силы») [515, стр. 5].

¹⁶ Остальные пять принципов — джумхуриетчилик (республиканизм), т. е. верность республиканской форме правления; халкчылык (народность), т. е. признание народного суверенитета и вместе с тем отрижение наличия классов и классовой борьбы в «едином турецком народе»; девлетчилик (этатизм), т. е. развитие государственного сектора в экономике, главным образом в промышленности, государственный капитализм; ляиклик (секуляризм, «светскость»), т. е. отделение всех религиозных дел от государственных и освобождение школы от влияния мусульманского духовенства; инкылапчылык (революционность), т. е. верность идеям кемалистской революции, ныне в этом значении употребляется и неологизм «девримджилик».

Такая четкость националистических воззрений кемалистов была идеологическим отражением объективных процессов, в частности того, что турецкая буржуазная нация окончательно сложилась. Временем завершения консолидации турок в буржуазную нацию можно считать период кемалистской революции и национально-освободительной борьбы турецкого народа (1918—1923). Эта же революция оформила и в государственном отношении закончившийся процесс национальной консолидации — создала турецкое национальное государство, Турецкую Республику.

Окончательная консолидация турецкой нации была ускорена национально-освободительной борьбой подобно тому, как формирование итальянской, испанской, германской и других наций Западной Европы было ускорено борьбой этих народов против агрессии наполеоновской Франции. В этом отношении очень интересен один эпизод из периода войны Турции за независимость: часть анатолийских греков, говорящих по-турецки и совершенно забывших свой прежний родной язык, отделилась от Константинопольского патриарха, считая его изменником дела турецкой национально-освободительной борьбы. Их глава — папá Эфтим (диакон Ефим), заявивший о верности турок-православных своим братьям — туркам-мусульманам, сделал даже попытку захватить учреждения патриархата [51, стр. 210; 8, стр. 124]. Эфтим выступил против изучения греческого языка турками-православными (т. е. отуреченными греками), VII сессия съезда «православных османцев» в Кайсери вынесла решение о том, чтобы молитвы читались только на родном (т. е. турецком!) языке, чтобы на нем велась и вся официальная церковная переписка [51, стр. 210]. Этот факт говорит о том, что многие греки были уже настолько туркизированы, ассимилированы турками, что даже разница в вероисповеданиях не мешала им считать себя частью турецкой нации и выступить вместе с остальными турками против иностранной интервенции.

Образование турецкого национального государства способствовало распространению идей национального самосознания среди всех слоев турецкого народа. Идеологический фактор турецкого национализма также сыграл при этом свою роль, так как кемалисты усиленно пропагандировали национальные и националистические

идеи. Под родиной надо понимать не просто территорию Турции, писала, например, газета «Ватан» («Родина»), но и морально-политическое единство турецкого народа, устранение местничества, отказ от противопоставления столицы провинциям, Стамбула — Анатолии и т. д. [42, стр. 28]. Принцип «национальности», сознание принадлежности к турецкой нации пришли у турок на смену принципам исламизма и османализма, идее преданности султану-халифу.

РАЗВИТИЕ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ В 1930—1965 ГГ.

Кемалистская революция, несмотря на свой исторически прогрессивный характер, была половинчатой. Она не затронула социально-экономических основ существовавшего строя, в частности не разрешила аграрного вопроса. Руководящую роль в этой революции захватила турецкая национальная буржуазия. Турецкая Республика, образовавшаяся после победы кемалистов, стала государством буржуазно-националистическим. С самого начала захвата власти турецкая буржуазия повела борьбу против инонациональной буржуазии в Турции и, борясь против нее всеми средствами (экономическими, политическими, административными), стала систематически подавлять и национальные меньшинства как таковые.

Турецкое государство всячески поддерживало турецкую буржуазию, стимулировало ее развитие и укрепление. В этом отношении большую роль сыграл этатизм — развитие кемалистами государственного сектора в экономике, или иначе — государственного капитализма, и поощрение частного предпринимательства в промышленности, а также создание ссудных и сбытовых кооперативов в деревне, служивших существенной подмогой турецким кулакам.

Кемалистское правительство стремилось развивать и турецкую национальную культуру и науку. Особенно большие успехи были достигнуты в области народного просвещения. Вместо старой феодально-религиозной системы образования была создана новая, светская система, что наряду с реформой письменности (арабский алфавит был более труден для изучения) подняло уровень грамотности в стране. Большее развитие, после

освобождения турецкой женщины от многих оков мусульманства, получило и женское образование. Однако кемалисты не смогли полностью ликвидировать неграмотность и охватить хотя бы начальным образованием все население. Так, даже в 50-х годах из 40 тыс. турецких деревень 16 тыс. не имело школ. В 1965 г. только 78% детей младшего школьного возраста посещали школу, а среди населения только 48% были грамотны [442, стр. 22]. Причем наибольший процент неграмотных падает на восточные вилайеты страны, наименее развитые и экономически. Развивалось также среднее и высшее образование: в 1960 г. насчитывалось уже около 30 высших учебных заведений.

Определенное развитие получили турецкая литература и искусство. В 20-е годы в литературе господствовали патриотические и националистические идеи, на 30-е годы приходится возникновение и развитие турецкого критического реализма (Р. Н. Гюнтекин, С. Али, Я. К. Карадоганоглу — виднейшие его представители). После второй мировой войны успехи в литературе и искусстве Турции сделали прогрессивные течения. Такие поэты и писатели, как Назым Хикмет, Яшар Кемаль, Орхан Вели, Суат Дервиш, Рыфат Ылгаз, Азиз Несин и другие, прославили турецкую литературу во всем мире. Изобразительное искусство Турции, освобожденное от догматики ислама, создало признанные шедевры. Многие художники-реалисты, освоив достижения европейской живописи и скульптуры и используя национальные традиции главным образом народного турецкого творчества, создали свой собственный, турецкий стиль [81].

В 1950—1960 гг., когда у власти находилась Демократическая партия (правительство А. Мендереса), в стране наметился существенный отход от прогрессивных преобразований, проведенных кемалистами. В Турции усилилась реакция, что было вызвано подчинением политики и экономики страны интересам США. Правительство А. Мендереса разрешило совершать молитвы на арабском языке, три раза в неделю передавать по радио текст Корана, преподавать ислам в начальных и средних школах. Возобновилась деятельность факультета богословия. За это время было построено 5 тыс. мечетей, в то время как в 16 тыс. деревень не было школ. В эти годы активизировались турецкие панисламисты, так как создание

таких агрессивных блоков, как Багдадский пакт (впоследствии СЕНТО), прикрывалось помимо всего прочего и флагом «защиты ислама от коммунистов». Панисламисты требовали возврата к арабскому алфавиту, старой лексике (в тексте турецкой конституции все неологизмы в это время были вновь заменены арабо-персидскими словами), объявления нерабочим днем пятницы — вообще хотели уничтожить грань, которая, по их мнению, возникла между Турцией и другими мусульманскими странами в результате реформ Ататюрка [278]. Они заявляли, что возврат к исламским идеалам даст Турции возможность вновь играть на Востоке роль «мечи ислама», создаст моральную основу в борьбе против коммунистической идеологии. После свержения А. Мендереса в Турции к власти пришли общественные силы, заявившие о своей верности принципам кемализма. Но в стране остались весьма сильны и реакционные круги, опиравшиеся на поддержку США.

В отношении национальных меньшинств турецкие правящие круги с самого начала встали на путь их отчуждения. Установки турецких националистов были закреплены в законодательном порядке. Так, первоначальная редакция ст. 88 проекта конституции 1924 г. считала всех лиц, проживающих в стране, турками. И хотя парламент принял эту статью с поправкой («именуются по гражданству турками»), сущность ее не изменилась. Закон о гражданстве считает турками также всех лиц, родившихся в стране от нетурков. Наконец, ст. 54 конституции 1961 г. всех турецких граждан считает турками. О непризнании прав национальных меньшинств на свое национальное существование свидетельствуют и другие законодательные акты. Так, ст. 2 конституции 1924 г. гласила: «Государственным языком является турецкий». В новой конституции слово «государственным» заменено словом «официальным» (ст. 3) [45, стр. 132].

Национальные меньшинства подвергаются многим ограничениям: для них закрыт доступ к государственным должностям, в офицерский корпус, регламентируется передвижение по стране, занятие некоторыми ремеслами, внешней торговлей. Инонациональная буржуазия поставлена в неравное положение по сравнению с турецкой в налоговом отношении. Так, по закону о налоге на состояние, действовавшем в 1942—1944 г., торговцы из

греков, армян, евреев должны были платить гораздо более высокий налог, чем торговцы-турки [45, стр. 138].

Демократическая партия, находясь у власти в 1950—1960 гг., проводила еще более шовинистическую политику в национальном вопросе. Она дошла до организации погромов греков и армян в сентябре 1955 г. Непосредственным поводом для погромов явилось обострение греко-турецких разногласий по кипрскому вопросу. Как доказал судебный процесс по делу правительства Демократической партии, погромы были организованы самим бывшим премьер-министром А. Мендересом.

Официальная турецкая статистика игнорирует вопрос о национальном составе населения Турции, подменяя его данными о распределении населения по языковой принадлежности: в бюллетенях переписей нет графы «национальная принадлежность» или «национальность», она заменена графикой о родном языке. Естественно, это влечет за собой искажение действительной картины национального состава и значительно преуменьшает численность национальных меньшинств. К тому же, в условиях национального неравноправия многие представители национальных меньшинств предпочитают скрывать свою национальность, свой родной язык.

О том, что данные о родном языке преуменьшают численность национальных меньшинств, говорят данные турецких переписей. Например, в 1955 г. армянский язык признали родным 47 тыс. человек. В то же время григорианами объявили себя более 55 тыс. человек. Григорянство же исповедуют только армяне. Таким образом, на этом примере наглядно видно, как резко уменьшается численность армянского национального меньшинства, если ее определять по признаку родного (армянского) языка. Кроме того, к 55 тыс. армян-григориан нужно еще добавить и армян, исповедующих другие религии.

Из соотношения данных о языке и религии турецких армян можно сделать также вывод о том, что в процессе ассимиляции религия сохраняется дольше, чем язык, и что именно религиозная принадлежность остается последним барьером на пути полного слияния армян с турками и утраты ими своего национального самосознания.

В некоторых случаях цифровые данные по родному языку вызывают сомнение и непонятными скачками от одной переписи к другой: численность национальных

меньшинств то вдруг резко уменьшается, то вдруг резко увеличивается (см. табл. 1). Вряд ли это можно объяснить, например, языковой ассимиляцией (когда идет уменьшение говорящих на родных языках национальных меньшинств) или естественным приростом среди них. Так, курдов (по языку) в 1935 г. насчитывалось 1480 тыс. человек, а в 1940 г.— только 1020 тыс., т. е. их число уменьшилось на 460 тыс. Правда, в отношении курдов нужно учитывать и то, что многие из них ведут кочевой образ жизни и могут просто ускользнуть от счетчиков переписи. Однако переписи дают резкое уменьшение численности и оседлых национальных меньшинств— армян, греков и др. Численность же лазов и грузин с 1945 по 1950 г. увеличилась, если судить по переписям, почти в два раза.

Таблица 1

Национальный состав населения Турции по признаку родного языка согласно данным турецких переписей*,
тыс. человек

Родной язык	1927 г.	1935 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.
Турецкий	11 778	13 899	16 079	16 598	18 255	21 792	25 200	28 290
Курдский	1 184	1 480	1 020	1 477	1 855	1 504	1 850	2 370
Арабский	134	154	249	247	269	346	350	365
Греческий	120	109	81	89	89	82	65	48
Черкесский (т. е. язы- ки кавказ- ских гор- цев) . . .	96	92	—	67	76	91	63	58
Еврейский	69	57	47	62	36	29	—	10
Армянский	65	58	38	56	53	47	53	33
Лазский . .	—	63	—	47	70	27	22	26
Грузинский	—	57	—	40	73	54	33	34
Прочие . .	202	189	307	117	171	150	119	157
Итого . . .	13 648	16 158	17 821	18 790	20 947	24 122	27 755	31 391

* Таблица составлена по: [422; 423; 424].

Данные турецких переписей показывают постепенное снижение доли национальных меньшинств в общей численности населения Турции: в 1927 г. турки составляли 86%, а в 1955 г. — уже 90,3% всего населения. Хотя эти переписи не точно отражают картину национального состава населения страны, все же, очевидно, ассимиляционные процессы — туркизация национальных меньшинств — идут довольно быстро. Увеличению доли турок в численности населения способствует также их иммиграция из других стран и эмиграция лиц нетурецкого происхождения (греков в Грецию, евреев в Израиль и т. д.).

Политика турецкого правительства по отношению к национальным меньшинствам способствует их ассимиляции турками. В стране нет национальных школ и национальной печати, радиовещание ведется исключительно на турецком языке. Школы национальных меньшинств — греческие, армянские, еврейские есть только в Стамбуле, да и то лишь начальные и средние; курдских, лазских, грузинских или черкесских школ нет вовсе; газеты на национальных языках — греческом, армянском, еврейском и албанском тоже издаются только в Стамбуле, на языках других национальных меньшинств газет вообще нет. В 20-х годах были попытки создать в Стамбуле курдские и черкесские школы и газеты, издавать литературу на этих языках. Это движение возглавлялось курдской и черкесской интеллигенцией. Но турецкая администрация пресекла эти попытки [8, стр. 121—123].

Для национального состава населения современной Турции как основной территории обитания турок характерна более или менее выраженная однородность. Сравнительно недавно — в 20—30-е годы — турки заселили районы бывшего расселения армян и ассирийцев в Восточной Анатолии и греков на морском побережье и в Западной Анатолии. Особенно заметна эта национальная однородность населения современной Турции при сравнении с национальным составом ее населения османского периода (в современных границах). Тем не менее, по оценочным данным, которые расходятся с данными переписей, национальные меньшинства и в настоящее время составляют не менее 20% населения страны и заселяют почти четверть ее территории. Самое крупное из них — курды, численность которых многими исследователями оценивается в три и более миллионов человек.

Среди турок до сих пор сохранилось много этнографических групп. Юрюки и туркмены, численность которых очень сократилась с середины XIX в. (юрюков сейчас насчитывается 300—500 тыс., а туркмен — около 70 тыс.), еще не полностью перешли на оседлость и не окончательно слились с турками. На вопрос о своей национальной принадлежности они, как правило, отвечают «юрюк» или «туркмен», а не «турок». Они не вступают обычно в брачные отношения с турецким населением. Но после перехода к полной оседлости довольно быстро ассимилируются с ним. Основные районы обитания юрюков сохранились в Юго-Западной и Южной Анатолии; туркмены живут отдельными очагами среди турецкого, а в некоторых районах — и курдского населения Восточной и Центральной Анатолии [85; 88; 96; 97; 183; 329]. Другие этнографические группы — тахтаджи, абдалы и пр. — незначительны по численности. Они быстро сливаются с турками.

Вообще, преобладающая тенденция в современных национальных процессах в Турции — ассимиляция национальных меньшинств турками и слияние их с турецкой нацией; такая же тенденция господствует и в процессах, касающихся этнографических групп турок. Ассимиляционные процессы ускоряет развитие экономики и социально-экономических отношений — капитализм быстро развивается и в городе и в деревне. Растет рабочий класс: в 1960 г. в Турции только обрабатывающая промышленность насчитывала 640 тыс. рабочих, а всего в стране было 1057 тыс. рабочих (в том числе 52 тыс. горняков, 165 тыс. строителей, 200 тыс. транспортников) [213, стр. 29]. Развиваются пути сообщения: в 1923 г. было 4188 км железнодорожных путей, к концу второй мировой войны — 7585 км, к 1964 г. — 8058 км. По развитости железнодорожной сети Турция опережает соседние страны Востока: в Турции на 100 кв. км приходится 1040 м железных дорог, на 1000 жителей — 290 м, а в Сирии, Ираке и Иране — соответственно 455 и 168, 370 и 236, 213 и 164 м [213, стр. 95—96]. Протяженность шоссейных асфальтированных дорог составляет 8066 км [213, стр. 100]. Развивается и воздушный транспорт: если в 1933 г. была только одна пассажирская линия (Анкара — Эскишехир — Стамбул), то в 1960 г. авиантранспорт обслуживал уже 25 городов [213, стр. 102]. Правда, нужно

заметить, что западные районы Турции гораздо больше насыщены путями сообщения, чем восточные. Некоторые районы Восточной Анатолии до сих пор, например, не имеют железных дорог.

Быстро происходит в последние годы урбанизация страны: число городов с населением свыше 100 тыс. человек увеличилось с 1960 по 1965 г. с 9 до 14. Бурный рост численности населения отмечен в Стамбуле (1467 тыс. в 1960 г. и 1795 тыс. в 1965 г.), Анкаре (соответственно 650 тыс. и 902 тыс.), Измире (361 тыс. и 417 тыс.) [423, стр. XII, 507]. Этот рост, как и в других городах Турции, идет главным образом за счет переселения из деревни разорившихся крестьян, безработных батраков и обнищавших кочевников. Урбанизация происходит гораздо интенсивнее в западных и центральных районах страны, чем в восточных. Поэтому ассимиляционные процессы и по этой причине идут медленнее на востоке, чем в центре и на западе Турции.

* * *

Итак, из анализа истории сложения турецкой нации можно сделать следующие выводы.

1. По целому ряду исторических причин развитие буржуазных отношений в Анатолии и Восточной Фракии в XIX в. началось сначала среди немусульманских этнических общин — греков, армян и др. Это определило на первых порах и более высокий уровень этнического развития этих общин по сравнению с турками. Быстрое развитие буржуазных отношений среди греков, армян и других немусульман привело к тому, что первая буржуазия Турции была преимущественно нетурецкой по национальной принадлежности. Сила этой буржуазии стала особенно возрастать в середине XIX в. в связи с интенсивным проникновением в Турцию иностранного капитала, который опирался при эксплуатации турецкой экономики на инонациональную компрадорскую буржуазию, захватившую в свои руки почти всю внешнюю торговлю страны, и оказывал ей в свою очередь поддержку. Большинство национальных промышленных предприятий Турции до первой мировой войны также было в руках инонациональной буржуазии. Превращение Турции в полуколонию западных держав в конце XIX — начале

XX в., вмешательство империалистов в ее внутренние дела усилили уродливый характер национального развития народов Турции — турки стали угнетенным народом, эксплуатируемым иностранным капиталом, в то время как и сами они угнетали другие народы, зачастую более развитые в социально-экономическом и этническом отношении.

2. С 30-х годов XIX в. началось постепенное становление турецкой буржуазной нации. Этот процесс был очень противоречивым и медленным. Прежде всего, единый рынок в Турции складывался с большими трудностями из-за относительной изолированности отдельных географических районов, из-за отсутствия хороших путей сообщения. Уже поэтому турецкая буржуазия была плохо связана между собой экономически. К тому же она была намного слабее инонациональной буржуазии, опиравшейся на чокровительство и капиталы западных держав. На пути развития турецкой буржуазии стояли и многие препятствия феодального строя. Но все же процесс развития капиталистических отношений неуклонно шел. В этот процесс вовлекались и турки. А вместе с развитием у них капитализма шло и постепенное складывание турецкой буржуазной нации, которое завершилось в основном в годы первой мировой войны, когда образовался единый турецкий рынок, появилась турецкая промышленная и окрепла турецкая торговая буржуазия. Накануне и во время первой мировой войны, а также после ее окончания обострились национальные взаимоотношения внутри страны. Это было вызвано непримиримым соперничеством между турецкой и инонациональной буржуазией, что привело в конечном счете к обострению национального вопроса в Турции до крайних пределов, вылилось в истребление армян, ассирийцев, выселение в Грецию турецких греков.

3. Турецкая национально-освободительная борьба против империалистов и иноземных захватчиков (1918—1923) способствовала окончательной консолидации турок в нацию. После образования буржуазной Турецкой Республики турки — господствующая нация — получили некоторый простор для своего национального развития, так как были ликвидированы многие феодальные и теократические ограничения, мешавшие такому развитию.

4. Турки стали сознавать себя единой нацией. Нацио-

нальное самосознание пришло на смену религиозному, принцип «национальности» — на смену прежним принципам исламизма, османизма, идеи преданности султану-халифу. Этноним «турок» (турк) распространился на весь турецкий народ, а не только крестьяни, как прежде. Он вытеснил прежнее религиозное наименование «мусульманин», подменявшее этноним. Перестало употребляться и прежнее официальное название турка — «османец». От бывших крупных племен и территориальных групп, слабо связанных в прошлом с турецкой народностью, в составе турецкой нации остались лишь незначительные количественно этнографические группы (ююки, туркмены, тахтаджи и др.), которые все больше растворяются в турецкой нации. Вместо далекого от разговорного и непонятного простому народу официального письменного и литературного языка («османского») постепенно возник новый, близкий народному письменный и литературный язык. Письменность его была заново создана на основе латинского алфавита. Местные диалекты все больше сближаются с литературным языком и между собой, у них уже нет тех резких отличий, которые были характерны для периода до превращения турецкой народности в нацию.

Глава V

ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ ТУРОК

По оценочным данным на 1970 г., в Турции проживает примерно 30 млн. турок¹. Турецкие национальные меньшинства есть в Болгарии (700 тыс. человек), Югославии (200 тыс.), Греции (120 тыс.), на Кипре (100 тыс.), в Румынии 15 тыс.), Ираке (10 тыс.). В СССР живет 79 тыс. турок.

Согласно официальным турецким данным 1965 г., 70% населения Турции (а значит, примерно столько же и турок) проживает в деревнях. Самодеятельное население распределется следующим образом: 75% занято в сельском хозяйстве, 12% — в промышленности, 13% — в сфере обслуживания [442, стр. 22]. Иными словами, давляющее большинство населения (70—75%) — крестьяне, преимущественно бедняки и середняки. Основное занятие крестьян — земледелие, на втором месте по значению стоит скотоводство. Этнографические группы товодством, зачастую кочевым или полукочевым. На морском побережье большое значение имеет рыболовство и другие морские промыслы, например ловля губок. Рабочий класс малочислен — не более 10% всего населения. Это вытекает из общего уровня экономического развития Турции: она пока остается аграрной страной, хотя тенденция к превращению ее в аграрно-индустриальную наметилась довольно определенно. Крупных капиталистов немного, преобладают мелкие предпринима-

¹ Все население Турции по переписи 1970 г. — 35,6 млн. человек.

тели. Значительна прослойка кулаков, сохранились крупные помещики, особенно на востоке страны. Сравнительно много населения занято в сфере обслуживания: наряду с различной прислугой, это в основном мелкие торговцы, владельцы небольших гостиниц и ресторанов, кофеен и прочие мелкие буржуа.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Одно из первых антропологических описаний турок сделано английским исследователем Дж. Рейдом. Он делал их на три типа: турок-монголоидов, которые, по его мнению, восходят к татарам Чингисхана: турок-европеоидов, которые произошли от исламизированных и отлученных групп малоазийского населения; «смешанных» турок, возникших в процессе метисации первых со вторыми [334, стр. 100]. Утверждение автора о происхождении части турок от татаро-монголов, которое продолжает традицию многих средневековых европейских историографов, считавших турок связанными происхождением с монголами, конечно, совершенно неверно. Монголоидность, которая проявляется у турок лишь крайне незначительно среди отдельных групп, связана не с монголами, а с раннесредневековыми тюрками Средней Азии, которым были свойственны, правда, очень сглаженные, монголоидные черты. Эта монголоидность, еще больше ослабленная в результате смешения этих тюрок с европеоидами Средней Азии и Кавказа, была принесена в Малую Азию племенами огузов и туркмен. В Малой Азии, в итоге дальнейшего смешения с местным европеоидным населением, монголоидные черты огузов и туркмен почти совершенно растворились в массе европеоидных признаков. Однако, отмечая смешанное происхождение турок, в частности слияние с ними многих групп местного населения, Дж. Рейд, безусловно, прав.

Другая попытка антропологической характеристики турок в самых общих чертах принадлежит Н. А. Аристову. Разнообразные типы турок, пишет он, — результат метисации тюрок, переселившихся из Средней Азии в Малую Азию не ранее девяти веков назад и позднее — на Балканский полуостров, с местными курдами, греками,

ками, славянами... При общности веры и языка турки сильно различаются по областям своим физическим типом, в зависимости от этнических групп, которые были отуречены, и от густоты тюркской крови в помесях, которая в некоторых районах, например на Балканском полуострове, была совершенно незначительна [18, стр. 412].

Из современных исследователей антропологическое описание турок дал Н. Н. Чебоксаров. Согласно его выводам, среди турок можно выделить средиземноморско-балканскую (средиземноморскую) группу южных европеоидов, которой свойственны узко-волнистые волосы, сильное развитие третичного волосяного покрова, грацильность (тонкость) в строении лица, слабое развитие скул, широко открытые (миндалевидные) глаза, выступающий узкий нос с прямой спинкой, несколько утолщенные губы. Для турок, как и вообще для всех южных европеоидов, характерна сильная пигментация — черные или карие глаза, черные или каштановые волосы. Распространена среди турок и другая группа южных европеоидов — переднеазиатская (иначе — арmenoидная, ассироидная или анатолийская). Представители этой группы больше встречаются на востоке страны. Переднеазиатская группа отличается очень сильным развитием третичного волосяного покрова; для нее характерны также резко выступающий нос с выпуклой формой профиля, нос имеет развитые крылья, кончик носа опущен. Для представителей этой группы свойственны массивный череп, большой наклон лба, четко выраженное надбровье. Монголоидные элементы у турок совершенно исчезли. Лишь у некоторых локальных групп в небольшом числе случаев отмечено наличие эпикантуса (кожной складки, закрывающей слезный бугорок во внутреннем углу глаза) [237, стр. 26]. Турецкая исследовательница С. Тунакан обнаружила также «монгольское пятно» (скопление пигmenta на щеках, характерное для монголоидов) у небольшого числа турецких новорожденных и детей [502, стр. 41—50].

Как уже отмечалось выше, у турок преобладает брахицефалия; головной указатель, по данным А. Ш. Кансу и А. В. Елисеева, равен 84 [516, стр. 479; 78, вып. 127], отношение высоты черепа к длине составляет 77,6 [516, стр. 479]. Оба эти индекса ближе всего стоят, как уста-

новил А. В. Валлуа, к аналогичным показателям, отмеченным В. В. Бунаком для армян восточноанатолийских вилайетов — Битлиса и Вана (они равны соответственно 84 и 78,3) [516, стр. 479].

Советские антропологи, например В. В. Бунак, считают, что физический облик турок сложился при участии не менее четырех основных и наиболее выделяющихся компонентов. Это — антропологические типы чорохско-рионский, понто-загросский, балкано-динарский, как древнейшие местные — малоазийские и балканские элементы, и тип закаспийский, восходящий, по крайней мере, к VIII—IX вв., но не местного, а пришлого происхождения.

Чорохско-рионский или понтийский тип ныне распространен главным образом вне Турции — в западных областях Грузии. В Турции он представлен лишь в пределах сравнительно небольшой области на северо-востоке Анатолии. Его можно связать с местным лазским этническим компонентом, влившимся в состав турок. Однако сочетание некоторых специфических признаков этого типа встречается на всей территории Турции. Видимо, когда-то он был распространен в Анатолии шире. Древние народы Малой Азии — хетты, лидийцы, карийцы и другие включали в себя и предков лазов и грузин.

Понто-загросский тип (иначе его называют переднеазиатским, арменоидным, ассириодным и т. п.) отчетливо выступает у турок Восточной Анатолии. Он тоже принадлежит к числу древнейших малоазийских типов, был связан с народами государства Урарту. Об облике этих народов дают представление скульптурные памятники древней Ассирии, воспроизводящие типичные понто-загросские черты. Этот тип широко распространен у армян (почему и называется иногда арменоидным).

Балкано-динарский тип характерен для турок некоторых районов Западной Анатолии и Восточной Фракии. Он распространен также среди балканских народов — греков, болгар, сербов и др. К туркам он попал через туркизацию ими части этих народов.

Закаспийский тип не имеет в Турции определенной локализации и как таковой исчез, сохранив лишь ряд разрозненных черт в смешении с другими. Его распространение в Анатолии восходит к периоду сельджукского завоевания. По историческим и лингвистическим данным

тюрки-сельджуки были наиболее близки туркменам, современным представителям закаспийского типа.

Среди турок встречаются и другие типы, например голубоглазые блондинки, характерные для северных европейских народов, и очень темнопигментированные брюнеты почти африканского облика. Все это говорит о чрезвычайно гетерогенном происхождении турок.

Несколько отличаются антропологически от турок юрюки. Они более смуглые, выше ростом (средний рост турок — 167 см [78, вып. 7, стр. 127], юрюков — 170 см [433, стр. 15]). У них преобладает долихоцефалия (головной указатель 76,46 [433, стр. 15]). Эту особенность А. В. Елисеев объяснял сильным смешением юрюков с курдами, которые тоже долихоцефальны [78, вып. 2, стр. 81]. Но долихоцефалия преобладает и у среднеазиатских туркмен. Поэтому она не обязательно связана у юрюков с курдским элементом. Кроме того, у юрюков, как и у многих других кочевников, есть обычай бинтования головы младенца, что приводит к искусственной деформации черепа, удлинению его затылочной части, т. е. долихоцефалии. А. А. Ивановский обнаружил у юрюков и довольно заметные монголоидные черты — выступающие скулы, слабое развитие третичного волоссянного покрова, а 18 человек из 84 обследованных им юрюков имели эпикантус [108, стр. 100]. Эта слабая монголоидность восходит, несомненно, к тюркским племенам средневековья.

Исследования по распространению групп крови у турок показывают, что турки являются как бы промежуточным звеном в антропологическом отношении между расами Европы и Азии. Так, процент группы А повышается по направлению из Азии в Европу, в Турции — по направлению из Анатолии в Румелию: в Анатолии группа А составляет 40%, группа В — 18,6%, а в Румелии соответственно 41% и 12,8%. Вообще, процент группы В у турок больше, чем у европейских народов [477, стр. 851; 387; 388, стр. 282]. Это еще раз свидетельствует, что при этногенезе турок произошло смешение местных народов Анатолии с переселившимися из Средней Азии тюркскими племенами.

Итак, можно констатировать, что турки антропологически связаны, во-первых, с местным («досельджукским» и «доосманским») населением Малой Азии и Балкан и,

во-вторых — с пришлыми элементами, среднеазиатскими, огузо-туркменскими в основном. Этот вывод прекрасно согласуется со всеми историческими фактами и, как будет показано ниже, с данными языкоznания и этнографии.

язык

Язык как основной этнический показатель ярко отражает особенности этногенеза того или иного народа. Действительно, основа турецкого языка — тюркская: типично тюркские — определяющие моменты фонетической структуры и грамматического строя, большинство лексики. Оно и понятно: ведь определяющим компонентом в сложении турецкого народа были тюркские племена.

Лингвистические особенности турецкого языка, как и всех других тюркских языков, характеризующиеся неизменностью корня-основы, облегчают этногенетический анализ: в тюркских языках корни и производные основы слов удивительно мало подверглись изменениям и обычно в памятниках тысячелетней давности имеют тот же вид, что и в современных тюркских языках. Поразительна также стабильность основных значений большей части слов, относящихся к общетюркскому фонду [111, стр. 4]. Естественно, что на таком фоне очень легко выделяются заимствованные из других языков слова: они как бы лежат на поверхности словарей, представляя собой, по археологической терминологии, «подъемный материал».

Тюркская основа турецкого языка сближает его с другими тюркскими языками. Это является общим для данных языков, подобно тому как славянская языковая основа составляет общее для всех славянских языков. Чем же обусловлено особенное, отличающее один язык от другого в пределах тюркской языковой группы? Во-первых, это различные части самой основы, восходящие к разным племенным языкам и диалектам. Во-вторых, это различные субстраты, вошедшие в состав языков при ассимиляции иноязычных групп. Есть и третья причина, вызывающая различия между родственными языками, — расхождение языков в процессе спонтанного развития.

Но этот момент не имеет прямого отношения к проблеме этногенеза.

У турок, азербайджанцев, туркмен, гагаузов победившим в языке компонентом оказался огузский. Этот общий для указанных народов огузский компонент в то же время является и особым, выделяющим огузскую языковую подгруппу из всей тюркской группы языков. В этногенезе туркмен и, в меньшей степени, азербайджанцев приняли участие помимо огузов другие тюркские народы, например кыпчаки, также внесшие свои особенности как в язык, так и культуру этих народов. Но главное — в языках тюркских народов особенное определили языковые субстраты ассимилированных этнических групп, например у туркмен — древних иранских народов Средней Азии, у азербайджанцев — иранских народов Кавказа, мидян, албанов, персов, у турок — греков, курдов, армян, славян и др.

Самый ранний памятник древнетюркской письменности (из условно датируемых) — памятник в честь Гудулу-хана, относящийся к 693—704 гг. Этот памятник, а также другие — стелы, надписи на скалах и валунах, на предметах обихода (чашах, прядильцах и т. п.) имеют некоторые языковые отличия, но содержат ту лингвистическую основу, которая в разной мере повторяется во всех современных тюркских языках. Эти памятники найдены в Туве, Хакасии, Южной Якутии, Киргизии, Северной Монголии, на Алтае. На базе языка, отдельные признаки которого зафиксированы енисейскими памятниками, развивались языки предков киргизов, тувинцев, шорцев, хакасов и других народов [27, стр. 10—12]. На основе языка, отраженного в огузских (орхонских) памятниках, возникли потом в ходе сложного развития туркменский, азербайджанский, турецкий, гагаузский, крымско-татарский языки.

Фонетика турецкого языка сохранила четное число гласных, как в орхено-енисейско-таласских памятниках: *a* — *э*, *ы* — *и*, *о* — *ө*, *у* — *ү*. В турецком, как и в этих памятниках, нет следов звука *ə*, который появился, например, в азербайджанском и уйгурском языках, видимо, под влиянием местных дотюркских субстратов. Турецкий язык сохранил в основном деление на мягкие и твердые согласные (сингармонизм слова), что было довольно четко отражено, как пишет А. И. Батманов, в графике

древнетюрской письменности: *б* — *бъ*, *đ*—*đъ*, *г* — *гъ*, *к* — *къ*, *л* — *ль*, *н* — *нъ*, *р* — *ръ*, *с* — *съ*, *т* — *ть* [27, стр. 13]. Сингармонизм слова также происходит в турецком языке от древнетюрского языка. Для турецкого языка характерна лабиализация узких гласных (о не широких), так же как в языке некоторых древнетюрских памятников, например древнетюрское *болду* (был) и турецкое *олду* (был, стал). Нет в турецком следов *джоканья* (жоканья): *йок* (нет), *киши* (человек). А в казахском и тувинском, например, эти явления есть. Нет в турецком и диссимилиации аффиксальных *л*: *атлар* (лошади), тогда как в киргизском и некоторых других языках это стало фонетическим законом, например киргизское *аттар* (лошади) и пр.

Сохранил турецкий язык и многое от морфологии древнетюрских языков. В нем остались, например, те же аффиксы залогов: *-ын*, *-ыл* (возвратный и страдательный залоги), *-ыш* (взаимный залог), *-т*, *-тур*, *-ар* (понудительный залог); бытуют и древнетюрские деепричастные аффиксы: *-а*, *-ып* и т. д.

В лексике турецкого языка большинство основного словарного фонда — тюркское. Например, названия органов и частей человеческого тела, физиологических выделений: *баш* (голова), *юз* (лицо), *гёз* (глаз), *агыз* (рот), *диль* (язык), *диш* (зуб), *сач* (волосы), *каш* (бровы), *бурун* (нос), *дудак* (губа), *сакал* (борода), *энсе* (затылок), *бойун* (шея), *богаз* (горло), *бель* (поясница), *арка* (спина), *эль* (кисть руки), *кол* (рука), *пармак* (палец), *тырнак* (ноготь), *айак* (нога), *диз* (колено), *карын* (живот), *бёбрек* (почка), *юрек* (сердце), *дери* (кожа), *кан* (кровь), *тер* (пот), *яш* (слезы) и др. Преимущественно тюркскими являются термины родства, названия животных и птиц, все числительные (за исключением заимствований в новое время — миллиард, миллион), почти все глаголы движения, многие прилагательные, многие названия предметов домашнего обихода, пищевых продуктов, средств передвижения, металлов и минералов, небесных светил и т. д. [23, стр. 23—36; 199, стр. 15—17; 221, стр. 260; 241, стр. 83—159].

Тюркская лексика в турецком языке представлена главным образом огузскими словами. Так, в турецком языке сохранились почти все слова, зафиксированные Махмудом Кашгари в его словаре как огузские: *ак* (бе-

лый), ав (охота), бен (я), бок (навоз), чанак (чашка), экин (посев), эвет (да), илик (костный мозг), яф (жир), енгеч (рак), юзерлик (рута), кече (войлок), кечи (коза), оба (род, племя), карынджа (муравей), коч (баран), кова (ведро), курт (волк), утамак (стыдиться) и др. [73, стр. 644—648].

В языке юрюков сохранились такие древние слова, как бити (книга), битикчи (писарь) [350, стр. 367], которые исчезли почти во всех других тюркских языках, в том числе и в турецком.

Так обстоит дело с тюркским пластом в турецком языке. Этот пласт, безусловно, является основным, главным, определяющим. Однако в процессе этнической ассимиляции турками других народов (а основу этнической ассимиляции составляет именно языковая ассимиляция) в их язык вошло очень много от языков ассимилированных групп. Ассимиляция — процесс двусторонний, процесс взаимодействия, взаимовлияния двух (по меньшей мере) этнических общностей; и как бы ни была, казалось, полно ассимилирована одна какая-либо этническая общность другой, первая также вносит свой вклад в новообразованный этнос. И это наглядно отражается в языке. Так, если взять семью тюркских языков, то мы увидим заметное влияние на фонетику, грамматику и лексику языка какого-либо конкретного народа языков тех народов, роль которых была значительной в его этногенезе: алтайский язык испытал воздействие монгольских языков, турменский — иранских, чувашский — финно-угорских и славянских, якутский — тунгусо-маньчжурских и монгольских и т. п. [26, стр. 26, 27, 41, 60, 97, 98].

Особенно много материала для этногенетических выводов дает анализ лексики. Это понятно, так как лексические единицы заимствуются зачастую параллельно самим элементам культуры, которые они обозначают. Правда, для выражения новых понятий могут создаваться и новообразования (частный случай такого явления представляют собой кальки), отражающие заимствованные элементы культуры; новые понятия могут выражаться и старыми словами, изменившими прежнее значение. Но для этногенетических выводов особый интерес имеют прямые заимствования иноязычной лексики как наглядный пример взаимодействия между языками.

Однако при анализе заимствованной лексики нужно учитывать довольно большой фонд слов, которые проникают в язык безотносительно к процессам этногенеза, отражая лишь историю культурных влияний, а не историю этнической ассимиляции. Так, в русский язык вошло много греческих слов после распространения на Руси христианства, а многие слова из западноевропейских языков (например, из французского) проникли в него благодаря чисто культурному, но не этническому влиянию. Далее, языки тюркских народов Сибири, воспринявшими монгольскую культуру, заимствовали значительное количество монгольской «культурной» лексики, а языки тюрок Средней Азии, как и турецкий, буквально наводнены арабскими элементами, вошедшими в эти языки под воздействием ислама и арабо-исламской культуры. В турецком разговорном языке, например, арабизмы составляют до 30%, в литературном — не менее 50% [150, стр. 3]. Но такое обилие арабизмов в турецком языке говорит не о какой-то особо крупной роли арабов в этногенезе турок, а лишь о сильнейшем влиянии арабской культуры на турецкую через ислам, просвещение, литературу. Кстати, и большинство арабских заимствований носит «книжный» характер. Так, многие из них связаны с распространением арабской письменности: элифбе (алфавит), харф (буква), ракам (цифра), китап (книга), мектуп (письмо), кятип (писарь, секретарь), сыфыр (ноль), имля (орфография), калем (ручка), талебе (студент) и т. д. Все религиозные термины ислама — также арабские (есть небольшое количество и иранских: пейгамбер — пророк, намаз — молитва и др.). Среди государственно-административной терминологии, несмотря на пуристическую деятельность кемалистов, до сих пор сохранилось немало арабизмов: девлет (государство), хююмет (правительство), мемлекет (страна), идаре (управление), джумхуриет (республика), вали (губернатор) и пр. Почти все отвлеченные понятия тоже обозначаются арабскими словами: хакикат (истина), фикир (мысль), инсаф (справедливость, гуманность, милосердие), адалет (правосудие) и др. Почти все союзы также арабского происхождения: ве (и), факат (однако), амма (но) и др.

Правда, арабы принимали участие и в этногенезе турок: отдельные арабские племена переселялись вместе с

турками на вновь завоеванные османцами земли на Балканах, например [219, стр. 16], а в Османской империи происходило и смешение арабов и турок друг с другом. Но роль арабов в этногенезе турок была гораздо меньшей, чем роль других народов — греков, армян, курдов. Поэтому, если искать в арабской лексике турецкого языка те слова, которые имеют непосредственное отношение к этногенезу, нужно исключить из нее все арабизмы, вошедшие в турецкий язык в связи с распространением ислама, а также благодаря просвещению, литературе, через администрацию (канцелярский язык в Османской империи состоял почти исключительно из арабизмов, да и ныне состоит почти из них), через армию (военная терминология в Османской империи была в основном арабо-персидской) и т. д. После такого ограничения в турецком языке останутся лишь немногие реалии арабского происхождения, например шарап (вино), хамур (тесто), saat (час, часы), нал (подкова) и др., что и отражает действительную роль арабов в этногенезе турок.

Как мы уже видели, одна из особенностей формирования турецкого народа состояла в том, что в его этногенезе приняли участие два основных, но крайне противоположных по своему культурно-хозяйственному типу этнических компонента — тюркские племена кочевников-скотоводов и местные народы Малой Азии и Балкан, характерным типом хозяйства которых было оседлое земледелие и, в приморских районах, — морское рыболовство. Только часть курдов, практиковавших кочевое и отгонное скотоводство, была близка по типу хозяйства тюркам. В процессе смешения с местным населением тюрки-кочевники переходили на оседлость, перенимая навыки земледелия и оседлой жизни у коренных жителей. Можно сказать, что в культурно-хозяйственной ассимиляции побеждали местные народы, обладавшие более высокой по сравнению с кочевниками-скотоводами оседлой земледельческой культурой, имевшие богатый опыт и развитые навыки хозяйства применительно к местным географическим условиям. Но в языковой ассимиляции победителями выходили тюркские диалекты, правда, изменявшие при этом некоторые фонетические и грамматические особенности и заимствовавшие огромное количество местной лексики. Это воздействие местных языков на диалекты тюркских племен в немалой степени

ни повлияло на формирование турецкого языка (в основу которого и легли эти диалекты), обогатив его фонетически, грамматически и лексически.

Тот факт, что в языковой ассимиляции победителями оказались тюркские диалекты, в немалой мере объясняется, наряду с основными причинами (турки были наиболее крупной общностью, турецкая народность была господствующей, турецкий язык стал языком межнационального общения и т. п.), и тем, что тюркский язык является довольно легким для усвоения иноязычным населением. Он прост фонетически, грамматика его тоже не представляет больших трудностей, особенно в разговорном языке. В турецком языке, например, как и в других тюркских языках, нет грамматической категории рода, множественное число образуется очень просто и без всяких исключений из основного правила, отсутствуют неправильные глаголы, спряжение глагола предельно просто, корень-основа во всех словах неизменяем, нет трудностей и при словообразовании. Этого, конечно, нельзя сказать о большинстве местных языков Малой Азии и Балкан. Армянский, например, очень сложен фонетически и грамматически. Грамматики греческого и славянских языков тоже сложны и трудны для усвоения.

Пласти местных заимствований легко выделяются в современном турецком языке. Так, в области лексики их нужно искать среди тех терминов, которые относятся к земледелию, строительству и особенностям оседлых жилищ, мореходству, рыбным промыслам, т. е. среди терминологии, не характерной для хозяйства и культуры кочевников-скотоводов. Тюрками были заимствованы и многие слова, связанные с местными особенностями географической среды, климата, фауны и флоры.

В турецком языке можно выделить несколько конкретных субстратов, восходящих к языкам ассимилированных турками групп малоазийского населения. Одной из таких групп были греки, внесшие громадный вклад в турецкую культуру и оставившие заметный след в турецком языке, особенно в его словарном составе. Греческие в турецком языке классифицируются по следующим тематическим разделам. Прежде всего, это географические и зооботанические реалии: названия морских ветров — пойраз (северный ветер), лодос (юго-западный ветер); морских явлений — талаз (морская волна), яка-

моз (фосфоресцирование моря), анафор (прибой); морских рыб и животных — писи (камбала), пачота (тунец), заргана (морской угорь), ватоз (скат), люфер, леврек, кофана (виды морского окуня), ыстакоз (омар), ахтапот (осьминог), чаганоз (краб) и т. д.¹.

Значительная часть мореходных и рыболовецких терминов в турецком языке также греческого происхождения: эгреп (сеть), прама (тяжелая лодка), пересе (грузило), чапари (перемет), дальян, ливар (типы садков для рыбы), кёрфез (залив), лиман (порт), кеменк (гарпун), ыскармоз (уключина), зока (рыболовный крючок). С рыболовством связаны названия и рыбных блюд: лякерда (соленая рыба), ликориноз (копченая рыба), чироз (сущеная скумбрия), пияки (жареная рыба с остройправой).

К земледельческой терминологии относятся многие заимствованные названия сельскохозяйственных орудий: тырпан (коса), дирен (вилы), дювен (молотильная доска); агротехнические термины: киризма (глубокая пахота), гюбре (удобрение), сыныр (межа), фидан (привой), надас (земля под паром), филиз (всходы), фиде (рассада), демет (спон), тыназ (стог сена), темен (скирда); названия культурных и диких растений: кираз (чerry), дефне (лавр), тафлан (лавровиця), кюкнар (ель), ахлат (дикая груша), далья (виноградная лоза), разакы (сорт винограда), безелье (зеленый горошек), бибер (перец), майданоз (петрушка), ляхана (капуста).

Близко примыкают к земледельческой терминологии и гречизмы, обозначающие элементы материальной культуры, непосредственно связанные с земледелием, например названия мучных изделий: пиде (лепешка из квашенного теста), симит (бублик), сомун (каравай), беле (тесто), пексимат (сухарь).

Терминология, относящаяся к оседлому жилищу, строительству домов, также богата греческими заимствованиями: кулюбе, келиф (типы бревенчатых или дощатых хижин), килер (кладовая), бодрум (погреб), авлу (огороженный двор), темель (каменный фундамент), тонос (свод), киреит (черепица), тугла (обожженный кирпич), молоз (щебень для фундамента), педавра (дранка для покрытия кровли).

¹ В целях экономии места приводятся не исчерпывающие списки заимствованных слов, а лишь наиболее характерные примеры.

Через греческий язык вошли в турецкий и многие итальянские слова, большинство которых также относится к мореходно-рыболовецкой терминологии, например дюмен (руль судна), олта (удочка), искеле (пристань), синтине (трюм), фыртына (буря), гумена (якорная цепь), гюверте (палуба), и лексике, связанной с земледелием и оседлой жизнью: рекольте (сбор урожая), портакал (апельсин), фырын (печь в пекарне), мола (жернов), мандыра (крытый хлев), бадана (штукатурка). Так, итальянское слово «марангоне» (столяр) в греческом языке приняло окончание -ос (маранкос), конечная согласная которого уже в турецком стала звонкой: марангоз. Но многие итализымы проникали в турецкий язык и непосредственно из итальянского (морские, технические, коммерческие и другие термины), они вошли главным образом путем культурных контактов, безотносительно к этногенетическому процессу, если исключить совершенно незначительное смешение с турками части генуэзцев и венецианцев, обосновавшихся в Константино-поле незадолго до взятия его турками.

Обилие грецизмов в турецком языке, причем в лексике, обозначающей важнейшие элементы материальной культуры (например, земледельческая терминология представлена такими основными понятиями, как пахота, уборка урожая, межа, сноп, стог, скирда, коса, вилы, каравай, лепешка), свидетельствуют о сильнейшем влияние местного греческого населения на культуру турок. Подобное влияние объяснимо именно тем, что греки приняли непосредственное участие и в широких масштабах в этногенезе турок, а не только простым культурным заимствованием в процессе длительного общения, хотя последнее тоже сыграло свою роль. О большом вкладе греков в этногенез турок говорит и факт проникновения многих греческих слов в область наиболее консервативной лексики, так называемой интимной, например в названия частей тела и органов человека, продуктов его жизнедеятельности, терминологию, связанную с рождением и воспитанием ребенка. Так, грецизмами являются омуз (плечо), салья (слюна), лёгуса (роженица), нинни (колыбельная). Последние два слова указывают на «женское» влияние, которое шло скорее всего через гречанок, вступавших в браки с турками или взятых в гаремы.

В местных малоазийских заимствованиях турецкого языка, особенно в его восточноанатолийских диалектах, прослеживаются армянский и курдский пласти. Так, турецкий этнограф Х. Сарабоглу сообщает, что в ряде районов Восточной Анатолии крытый хлев, овчарня и скотоводческий хутор называются «ком» [486, стр. 266], молотильная доска — «кам», упряжка в 6—12 быков с плугом — «котан», земля под паром — «херк» [486, стр. 231, 436, 445, 468]. Все эти слова — армянского происхождения [175, ч. II, стр. 464, 466, 498, 648, 649]. Возможно, слово «котан» имеет и грузинское происхождение, так как объединение крестьян для работы на этом плуге называется «модгам» [461, стр. 3148], словом, легко этимологизирующемся из грузинского языка: грузинское «модгам» — приложение. К. П. Патканов считает арменизмами в турецком языке такие слова, как панджар (свекла, свекловица), туп (куст, букет цветов), петек (пчелиные соты), шеи (обитаемый, населенный, веселый) [191, стр. 45—46]. А. З. Будагов приводит еще один арменизм в турецком языке — арастак (потолок) [31, т. I, стр. 25]. Очевидно, что заимствованная армянская лексика тоже связана с земледелием и оседлой культурой. Интересно, что в Западной Анатолии некоторым из этих арменизмов соответствуют грецизмы: мандыра (хлев), дювен (молотильная доска), надас (земля под паром). Турецкий этнограф Х. З. Кошай зафиксировал в восточных вилайетах Турции особое название для стада коров — нахыр и производное от него название коровьего пастуха — нахырджи [458, III, стр. 43]. Это тоже слова армянского происхождения. Эти заимствования из области скотоводческой терминологии объясняются тем, что тюрки-кочевники разводили преимущественно мелкий рогатый скот, а не крупный. Разведение же крупного рогатого скота было свойственно местным оседлым жителям, в частности армянам.

Часть армянских слов могла войти в турецкий язык через курдский, в котором их довольно много. Кстати, многие из отмеченных арменизмов есть и в курдском языке: кам (молотильная доска), гом (овчарня), котан (плуг) [19, стр. 59, 94], петек (улей, соты) [191, стр. 46].

К числу чисто курдских заимствований в турецком языке можно отнести такие скотоводческие термины, как тифтик (ангурская коза и ее шерсть), лор (сорт сы-

ра из козьего молока), так как козоводство вообще, а особенно разведение ангорских коз является характерной и, видимо, древнейшей чертой курдского кочевого скотоводческого хозяйства. Но в подавляющем большинстве скотоводческая терминология в турецком языке — тюркская, ибо основным занятием тюрок было именно скотоводство.

Курдизмы подводят нас к очень широкому пласту заимствований в турецком языке — иранскому. Этот пласт очень сложен: он как бы многослоен по времени и месту своего образования. Во-первых, это сравнительно новые по времени, малоазийские по месту заимствования (например, из курдского языка); во-вторых, более ранние — переднеазиатские (например, из персидского языка) и, наконец, самые древние — среднеазиатские, восходящие к древним иранским языкам (сакским, аланским, согдийскому, хорезмийскому и др.). Волна тюркских племен, начавших в V—VI вв. массовое движение из Центральной Азии в Среднюю и Западную Азию и в Восточную Европу, к XI—XIII вв. постепенно докатилась до современных западных границ распространения тюркских народов — Малой Азии и Балкан. На всем этом долгом историческом пути она вбирала в себя иранские элементы (помимо других, если говорить в более широком смысле, индоевропейских элементов) как в отношении языка, так и культуры.

Об ассимиляции ираноязычных (или шире — индоевропейских) племен Восточного Туркестана и Западного Китая тюрками в конце гуннской эпохи (III—IV вв.) можно говорить как об историческом факте. В свою очередь, в язык тюрок проникали иранские элементы. О контактах и этническом смешении между тюрками и ираноязычным населением этих районов в указанный период свидетельствуют очень древние иранские заимствования в тюркских языках: бёри/бёрю (волк), шад, ябгу (титулы рода-племенных вождей), яшина (этноним тюркского — тюркизированного иранского? — племени) и другие слова [124, стр. 11—13; 123, стр. 278—281; 7, стр. 263].

В древнетюркскую эпоху (V—X вв.) эта ассимиляция продолжалась. Она стала особенно интенсивной с начала VIII в., когда Южный Туркестан со смешанным тюркским и иранским населением был завоеван арабами. В связи с исламизацией местного населения произошло

широкое взаимодействие между тюркскими языками, с одной стороны, и иранскими (в том числе таджикским и персидским) — с другой. Тюркские языки испытали в этот период сильнейшее влияние лексики, фонетической структуры и грамматического строя иранских языков [26, стр. 41—60]. В это же время в тюркские языки (а также и в иранские) началось массовое проникновение арабских слов, о чем уже говорилось выше.

В. В. Бартольд считает, что в VIII в. в Средней Азии в тюркские языки вошли такие иранские слова, как устад (мастер), кёшк (дворец), баг (сад), бостан '(огород), сарай (дворец), хане (дом), кент (селение) [25, стр. 208, 211, 224].

Словарь языков тюркских племен, составленный Махмудом Кашигари в конце XI в., содержит много иранских слов: армуд (груша), армаган (подарок), кешюр (морковь), там (стена), кенд (город), тене '(зерно), акшам (вечер), бамбук (хлопок), сирке (уксус) и др. [386, т. I, стр. 95, 140, 343, 431, т. III, стр. 44, 157; 22, стр. 71, 108, 137]. Э. В. Севорян считает, что слово «акшам» было заимствовано огузами из согдийского языка [209, стр. 74]. Все эти слова есть и в современном турецком языке (как и слова, отмеченные В. В. Бартольдом): армут (груша), армаған (подарок), кешюр (морковь — восточноанатолийские диалекты), кент (городок), тане (зерно), дам (крыша, землянка), акшам (вечер), памук (хлопок), сирке (уксус). Но вошли они, конечно, в турецкий язык, как уже давно освоенные тюрками слова, появившиеся в языках тюркских племен еще до прихода их в Малую Азию.

Иранская лексика в турецком языке относится ко многим сторонам хозяйства и культуры. Но ее преобладающая часть связана опять-таки с земледелием и оседлым бытом. Так, можно выделить названия растений: чавдар (ржань), пирич (рис), нохут (горох), мерджимек (чечевица), шалгам (репа), хыяр (огурец), карпуз (арбуз), шефтали (персик), нар (гранат); даже такие собирательные названия, как себзе (овощи), мейва (фрукты); агротехнические термины: бостан (огород), бахче (сад), бағ (виноградник), харман (молотьба), ренчпер (пахарь), сарпон (яма для хранения зерна); наименования блюд и продуктов, связанных с земледельческой культурой: шепит (пресная лепешка), эриште (лапша), речель (варенье), нишасте (крахмал), майя

(дрожжи), нан (хлеб), чорба '(похлебка)', пияв (плов), хошаф (компот); термины, связанные с постройкой оседлых жилищ: тахта (доска), джам (стекло), дувар (стена), пенджере (окно), баджа (печная труба), перваз (карниз), мердивен (лестница). Этимология большинства этих слов дана в словарях А. З. Будагова, В. В. Радлова и Д. А. Магазаника как персидская. Но это неверно. Эта лексика принадлежит широкому кругу иранских языков, а не только персидскому.

Многие из приведенных слов есть и в среднеазиатских тюркских языках (туркменском, узбекском, киргизском, казахском), некоторые из них зафиксированы и в средневековых тюркских языках (чагатайском, куманском). Это еще раз подчеркивает, что они были заимствованы тюрками в Средней Азии. Правда, эти слова в других языках имеют несколько иную фонетическую окраску и не всегда те же самые значения, что в современном турецком языке, например: туркм.—там (дом), узб.—шурпа (похлебка)ср. с турецкими: дам (крыша, землянка), чорба (похлебка). Но это явление объясняется уже спецификой внутреннего развития самих указанных языков.

Кроме лексического влияния, субстраты в процессе языковой ассимиляции оказывают сильное воздействие и на фонетическую структуру ассимилирующего языка. Иногда это влияние в корне меняет всю звуковую систему победившего языка. Так, узбекский язык под воздействием таджикского (а таджики сыграли огромную роль в этногенезе узбеков) стал окающим и почти полностью утратил гармонию гласных (сингармонизм слова), присущую тюркским языкам. А в азербайджанском, турецком и гагаузском языках появились новые согласные — *v*, *f*, не характерные для тюркских языков. Последнее явление объясняется для турецкого языка, кроме общеираноязычного влияния, еще и курдским. Например, в курдском языке часты случаи перехода *b/n>v/f*: араб. шараб '(вино)>курд. шерав; перс. хошаб (компот)>курд. хошаф. Эта закономерность, видимо, под влиянием курнского языка, усвоена некоторыми диалектами турецкого языка. Так, в диалектах Центральной и Восточной Анатолии слово «отомобиль» (автомобиль, недавнее французское заимствование) превратилось в «томофильт».

Большое влияние оказали иранские языки и на грам-

матическую структуру турецкого языка (словообразование, морфологию, синтаксис): огромно число заимствований иранских предлогов, префиксов и суффиксов, союзов; в «османском» языке широко употреблялась иранская грамматическая форма, так называемый персидский изафет. Персидский изафет сохранился в современном турецком языке в устойчивых словосочетаниях: кюреиарз (земной шар), арзухал (прощение), иляны ашк (признание в любви) и др. Однако основная масса персидских заимствований, как и арабских, носила «книжный» характер — вошла в язык через персидскую литературу, через просвещение, администрацию и т. п.

В XX в., особенно после кемалистской революции, в турецкий язык вошло очень много слов из западноевропейских языков. Это в основном интернациональная лексика — научные, технические и культурные термины. Среди них преобладают французские заимствования: кюльтор (культура), радио (радио), телевизyon (телевидение), тиятро (театр), синема '(кино), отомобиль (автомобиль), трамвай (трамвай) и др. В связи с введением европейской одежды в язык проникли и ее названия: панталон (брюки), джакет (пиджак), жиле (жилет), жюп (юбка), палто (пальто), каскет (кефка), крават (галстук), тренчкот (плащ) и т. п. В турецком языке есть и немало русских слов: шапка (шляпа), семавер (самовар), ведра '(ведро), коса (коса как земледельческое орудие и как заплетенные волосы) [457, стр. 80; 458, I, стр. 42], телятин (сорт кожи), куруш (мелкая монета, грош) и др. Часть их проникла еще в XVIII—XIX вв. через посредство балканских (на собственно балканском, в частности, южнославянском, пласте турецкой лексики мы уже останавливались выше) и кавказских народов. Совсем недавними заимствованиями являются такие слова, как большевик (большевик), колхоз (колхоз), спутник (спутник) и т. д.

Значительный слой составляют неологизмы. Особо много их в официальной — государственной, административной и военной терминологии. В разговорный же язык и даже в литературный они проникают медленно: старые слова более привычны, кроме того, зачастую неологизмы непонятны простому народу, как и прежние арабо-персидские из книжного «османского языка». Например, неологизм «окул» (школа), образованный от турецкого гла-

тала «окумак» (учиться, читать) по форме французского слова «эколь» (школа) долгое время не был понятен крестьянам, которые считали «окул» особого типа училищем и называли ее «окул мектеби», т. е. употребляли арабское слово «мектеп» (школа), давно и прочно вошедшее в обиход, в сочетании с этим неологизмом в качестве определения к нему.

В литературном языке старая лексика сохраняется в качестве резерва синонимов. Так, наряду с неологизмом «учак» (самолет) осталось и прежнее арабское слово «тайяре» в этом же значении, неологизм «деврим» (революция) употребляется наряду и со словом «инкыляп» (революция) и т. д. В какой-то степени это объясняется и требованиями хорошего стиля. Например, фраза «Литератор написал статью», составленная из неологизмов и турецкого глагола «язмак» (писать), стилистически весьма неудачна: «Язар языны язды», тогда как введение в нее арабских слов сразу выправляет стиль: «Эдип макалейи язды».

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В материальной и духовной культуре современных турок, в их повседневном быту и различных обрядах и праздниках смешиваются и переплетаются традиции кочевых тюркских племен, обычаи ислама, местные малазиатские заимствования и европейские нововведения [93, стр. 95—118; 338].

При анализе турецкой национальной культуры необходимо также не забывать известных положений В. И. Ленина о двух национальных культурах в каждой национальной культуре в условиях капиталистического общества [6, стр. 129], о классовости культуры, о том, что «в *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» [6, стр. 120—121].

Структура современного турецкого общества очень сложна: промышленный и сельский пролетариат, весьма

неоднородное по своему социальному положению крестьянство, крупная и мелкая буржуазия города и деревни, в последней выделяются и «средние слои», наконец, интеллигенция и другие социальные группы. Каждому классу, каждой социальной группе, большой и малой, свойственны свои отличительные признаки и в культуре. Особенno это касается идеологии и вообще духовной культуры. Но эти различия проявляются и в культуре материальной. Поэтому нельзя, конечно, говорить о какой-то «единой», «надклассовой» или «бесклассовой» национальной культуре турок.

И действительно, в культуре турецкой нации можно четко различить две, по крайней мере, классовые культуры, обладающие антагонистическими противоречиями между собой: культуру турецкого пролетариата и культуру турецкой буржуазии. Культура пролетариата отличается многими элементами демократической и социалистической культуры, имеет тенденцию к интернационализму, в ней находит наиболее полное отражение все передовое и прогрессивное, проникающее в турецкое общество; в то же время пролетарская культура бережно сохраняет наиболее ценное из турецкой традиционной культуры — народные обычаи и традиции, фольклор и т. п. Культура турецкой буржуазии, наоборот, легко впитывает в себя все реакционное, склонна к национализмовинизму, и в то же время зачастую отвергает национальные традиции, заменяя их космополитическими новшествами, которые рабски перенимаются представителями турецкой буржуазии под влиянием буржуазной идеологии и культуры Запада. Культура турецкого крестьянства отличается консервативностью, цепко держится за все старое, каким бы оно ни было, противится, как правило, любым нововведениям. В турецком обществе, пожалуй, среди крестьянства больше всего распространены различные суеверия, предрассудки и пережитки прошлого, что вытекает из крайне низкого уровня грамотности основной крестьянской массы; до сих пор, причем почти поголовно, турецкие крестьяне отличаются приверженностью к исламской религии, строгим соблюдением мусульманских обычаяй и обрядов и т. д. Наконец, очень заметна в Турции грань между культурой города и деревни вообще.

Городское население Турции в последние годы все больше «европеизируется». Одежда, особенно мужская,

давно стала вполне «европейской» или, лучше сказать, современной — обычные пиджаки, брюки, плащи, шляпы, кепки, береты, рубашки и ботинки у мужчин; пальто, платья, жакеты, юбки, блузки, кофты, туфли у женщин. Национальный колорит проявляется лишь, быть может, в большой популярности среди женщин шалей, распространенных, правда, не только в Турции, но и на всем Востоке, а у мужчин часто задники ботинок подвернуты, чтобы было легче снимать обувь при входе в дом, где ходят босиком или в носках.

В пищу также проникает европейское влияние, однако многие блюда сохраняют национальные особенности и названия: пловы (пиляв), шашлыки (шиш кебабы), различные похлебки (чорба) и т. п. Довольно строго соблюдается исламский запрет на употребление в пищу свинины. Но в отношении спиртных напитков запрет ислама уже почти не соблюдается.

Городские жилища также все больше приобретают обычный «урбанистский» стиль современной архитектуры. Правда, турецкие архитекторы имеют свой творческий почерк: в своих работах они сочетают достижения мировой архитектуры с национальными и историческими традициями, часто увлекаются строгостью форм сельджукской архитектуры. Новые здания, построенные в этом стиле, имеют скромный и простой облик: гладкие стены, оштукатуренные цементной крошкой, широкие окна и большие лоджии, удобные в южном климате, традиционные плоские крыши. Широко распространены балконы и эркеры. Умело используется декоративная керамика. Особняки богачей украшены гладкими колоннами без баз и капиталей, отделаны поливной глазурованной мозаикой традиционных цветов — синего, зеленого, голубого.

Интерьер жилища часто отличается национальным своеобразием: у многих жителей, особенно приверженцев старины, сохраняется деление на селямлык (мужскую половину дома) и харем (женскую половину), распространенное у многих мусульманских народов. Конечно, у городских бедняков такое деление отсутствует уже по той простой причине, что их жилище состоит нередко или из однокомнатной лачуги (гедже конду) или из комнаты в бараке. Мебели в жилище мало, а в провинциальных городах ее почти совсем нет. Мебель, по кочевническим

традициям, заменяют ковры, кошмы, циновки, тюфяки, подушки, сундуки и пр.

В городах меньше соблюдаются мусульманские обычаи. Редко кто придерживается месячного поста рамазана, совершает регулярно пять положенных молитв в день и т. д. Однако такие крупные мусульманские праздники, как шекер-байрамы и курбан-байрамы, отмечаются почти всеми жителями.

В деревне, особенно среди крестьян, старые обычая сохранились лучше, нововведения здесь распространялись меньше. Поэтому для этногенетического анализа больше материала дают именно культура и быт турецкого крестьянства, на отдельных особенностях которых и следует остановиться подробнее.

Как уже показал анализ терминологического материала (например, земледельческой лексики), культура турецкого крестьянства представляет собой сложный синтез, возникший в результате многовекового культурного взаимовлияния и взаимодействия местных народов Малой Азии, издавна имевших тесные связи с народами сопредельных стран (Западной Азии, Кавказа и Балкан), с тюркскими племенами, перекочевавшими на территорию Турции в средние века. В процессе этнического смешения и культурных контактов тюркские племена, имевшие во время своего появления в Малой Азии кочевое скотоводческое хозяйство и соответствующую ему материальную культуру, восприняли по мере перехода к оседлому земледельческому хозяйству почти все элементы древней земледельческой культуры Анатолии. В то же время многое из того, что касается скотоводства, было принесено в Малую Азию тюркскими племенами. Иными словами, культура и быт современного турецкого народа — результат слияния древней оседлой земледельческой цивилизации малоазийских народов со скотоводческой культурой тюрок. Это своеобразие наблюдается в основных занятиях (земледелие, скотоводство, домашние промыслы и ремесла), материальной культуре, в обрядности, фольклоре, верованиях и т. п. Огромное влияние на культуру тюрок, преимущественно духовную,оказал ислам суннитского толка, который до сих пор исповедует подавляющее большинство тюрок — крестьян и горожан.

Среди типов жилищ, бытующих в современной Тур-

ции у крестьян, можно выделить несколько местных, заимствованных турками у оседлого дотюркского населения. В западных и южных районах страны распространен, например, ханай — двухэтажный дом особого типа. Его первый этаж занимают хозяйственно-подсобные помещения для скота, запасов корма и продуктов, хранения средств передвижения и сельскохозяйственных орудий. На втором этаже находятся жилые комнаты и летняя веранда с внешней лестницей [333, стр. 264—270]. Этот тип жилища характерен вообще для Восточного Средиземноморья. Название «ханай» А. Титце возводит к греческому «анойи» (верхний этаж) [346, стр. 211].

На востоке Анатолии распространены подземные полусферические землянки '(дам). Это тоже жилища местного происхождения, они описаны еще Ксенофонтом, участником перехода отряда греческих воинов через восточные районы Малой Азии в 401 г. до н. э. По его словам, дома в горной Армении были «подземные, с верхним отверстием наподобие колодца, но широким внизу» [129, стих 25]. Это сообщение Ксенофона отмечено О. Л. Вильчевским [35, стр. 64]. К местным типам жилища если не одной Малой Азии, то всей Западной Азии нужно отнести и шатер юрюков кара-чадыр, заимствованный ими скорее всего у курдов. Турецкими типами жилища являются алачик — войлочный шатер юрюков и дерим эви — войлочная юрта туркмен.

Рубен отмечал сильное влияние на архитектуру сельских мечетей христианских культовых сооружений. По словам крестьян, мечети строили архитекторы из христиан, которых жители деревень приглашали для этого из ближайших городов [485, стр. 386].

Земледельческие орудия (типы плугов, борон, молотильных досок, серпов и пр.) имеют местное — малоазийское и балканское происхождение [133; 130]. Анатолийский тип арбы (кааны) сходен с аналогичной повозкой хеттов, т. е. также имеет местное происхождение.

Из местного земледельческого календаря, распространенного у христиан Малой Азии, турки-земледельцы заимствовали две основные даты, делившие год на весенний и зимний периоды: хызыр Ильяс или, в просторечии, хыдреллез (6 мая, 23 апреля по старому стилю, день св. Георгия — начало лета) и касым (8 ноября, 26 октябрь).

ря по старому стилю, день св. Димитрия—начало зимы). Это произошло потому, что мусульманский календарь, месяцы которого в разные годы приходятся на различные времена года, не мог служить основой сельскохозяйственного календаря. Календарь кочевников также не годился для этой цели, так как он делил год в зависимости от сезона перекочевок. Другие даты турецкого земледельческого календаря тоже были заимствованы из местных календарей: аустос (греческое название августа), майыс (армянская форма названия мая) и др. Еще раньше, в Средней Азии и Иране, тюрки заимствовали иранское название весны—бахар. В Малой Азии это слово стало обозначать два дождливых сезона—илькбахар (первая весна, т. е. весна) и сонбахар (последняя весна, т. е. осень). В некоторых деревнях турки отмечают и праздник весны невруз (21—22 марта), характерный для ираноязычных народов [397, стр. 61].

Турки заимствовали обрядовую сторону многих греческих обычаяев. Таков обычай имедже (от греческого имедиа, т. е. половина)—особый вид крестьянской взаимопомощи при сельскохозяйственных работах, сопровождаемый многими обрядами древнего земледельческого культа [345, стр. 375]. У местного малоазийского населения заимствован и древний земледельческий праздник весны, которым начинается сезон хыдреллез. Этот праздник тоже носит название «хыдреллез» [135; 432; 126]. В ряде районов Западной Турции среди турецких крестьян распространен магический обряд, связанный с географическими грецизмами лодос (юго-западный ветер) и пойраз (северный ветер): весной крестьяне устраивают праздничное представление—выдачу дочери лодоса замуж за сына пойраза. Это делается для того, чтобы «умилостивить суровый северный ветер и вызвать потепление». Этот обряд описан турецким этнографом Х. Тарханом [497]. Зейбеки (туркоязычное племя Западной Анатолии) почитают лавр как «священное» дерево, а ведь известно, что лавр занимал особое место в культовых обрядах греков. Кстати, и называют зейбеки это дерево «нехтель»—искаженное греческое слово «дафнелайо» (лавр) [346, стр. 215]. Турецкий этнограф А. С. Юнвер пишет, что многие «святые места» одинаковы как для турок-мусульман, так и для греков-православных, и что те и другие совершают к ним паломниче-

ство в одно время [514]. Это отметил еще в 1829 г. французский путешественник В. Фонтанье. Он рассказывает об общих «святых местах» у турок, греков и армян. Например, статуя женщины, ласкающей ребенка, стояла в одной из церквей, превращенной турками в мечеть, и почиталась как «священная» и мусульманами и христианами (район Амасии) [288, стр. 235].

Большую роль в обряде обрезания у турок играет обычай восприемничества — кирвелик. Восприемник — мужчина, который присутствует во время обрезания и совершают над ребенком ряд магических обрядов, должен всю жизнь опекать мальчика, даже когда тот станет совсем взрослым. В некоторых районах Восточной Турции восприемничество считается ближе родства [476, стр. 25]. Обязанности восприемника по отношению к своему подопечному напоминают обязанности крестного отца у христиан. Этот обычай отсутствует у мусульман Средней Азии. Нет его и у юрюков, которые мало подверглись смешению с оседлым населением [519, ч. II, стр. 68]. Все это говорит о том, что этот обычай мог быть заимствован турками у христианских народов Малой Азии. Само слово «кирве» или «кивре» (восприемник) [31, т. II, стр. 125; 519, ч. II, стр. 68; 476, стр. 25] фонетически близко армянскому «кавор» (посаженый отец на свадьбе) или «кынкавор» (крестный отец).

Иногда местные заимствования в духовной культуре турок весьма любопытны. Например, в Стамбуле несчастливым, «тяжелым» днем считается вторник, день недели, когда Константинополь был взят турками-османцами т. е. день, действительно несчастливый для греков-византийцев. Но теперь это поверье перешло и к самим туркам [514].

У турок издавна принято обсаживать кладбища кипарисами. А кипарис был символом скорби у древних греков: на дверях дома, где был покойник, греки вешали ветви кипариса, его хвоей украшали погребальные костиры, сажали кипарисы у могил. Таким образом, здесь налицо преемственность между дотурецким населением Малой Азии и современными турками. Уходит корнями в глубокую древность и сохранившийся до наших дней турецкий обычай мытья ног старшим и уважаемым членам семьи после их возвращения с работы или из поездки. Похожий обычай был распространен у древних греков.

ков: служанка Эвриклея омывает ноги Одиссею после его возвращения из дальних странствий.

Многие малоазийские — греческие, армянские, курдские заимствования в духовной культуре турок отмечены В. А. Гордлевским [47; 54; 56; 57; 58].

С точки зрения этногенетического анализа особый интерес представляет собой обрядовая сторона турецкой свадьбы, особенно крестьянской. В ее народных обрядах можно проследить заимствования из свадебных обычаях разных народов, принимавших участие в этногенезе турок, повлиявших на их быт и культуру. Так, свадебный пир в доме жениха после того, как к нему привезут невесту, перешел к туркам от огузов. Название брачной опочивальни «гердек» (круглая палатка) осталось еще со времен прежней кочевой жизни тюрок. Обычай окраски волос, рук и ног невесты хной заимствован у иранских народов. Ритуал публичного бритья жениха взят турками скорее всего у греков (этот обряд сохранился, например, у греков на о-ве Кипр). Факельное шествие на свадьбе, видимо, тоже имеет малоазийское происхождение². Его, например, устраивают и греки, а у армян на свадьбе есть танец с горящими свечами, во время которого все присутствующие держат в руках зажженные свечи [145, стр. 67]. Некоторые свадебные танцы турок похожи на греческие, например, танец «ромейка», имеющий и греческое название [288, стр. 291], другие — на курдские. У курдов заимствован и обычай класть барабана на дороге невесты, когда ее везут в дом жениха, с целью проверить ее силы — сможет поднять или нет [56]. К числу курдских заимствований относится и военно-спортивная игра джирид. Она устраивается во время свадьбы и других празднеств. В ней участвуют всадники, вооруженные деревянными дротиками. У курдов аналогичная игра называется «таккале» [35, стр. 143, пр. 83]. Наконец, свадебный турецкий обряд смазывания дверей маслом и медом при входе в дом невесты перекликается с хеттским свадебным обрядом: у хеттов маслом и медом мазали невесте лоб. Но турки, конечно, переняли этот обычай не непосредственно у хеттов, исчезнувших как этническая

² Как известно, брачный факел был атрибутом Гименея, бога брака у древних греков. По их поверьям, Гименей летел с горящим факелом впереди свадебных шествий.

общность задолго до появления в Малой Азии первых тюркских племен, а у других малоазиатских народов, предки которых когда-то заимствовали этот обряд у хеттов.

Многие нетюркские и домусульманские обычаи сохранились у ряда этнографических групп турок. Например, у тахтаджей на свадьбе жених и невеста пьют вино; во время похорон гроб покойника у них украшают цветами [62, стр. 58]. У туркмен в районе Килиса на свадебных флагах иногда изображают крест [519, ч. I, стр. 89]. Изображение креста встречается и в народных вышивках, и в ковровых рисунках. Часто узоры ковров представляют собой геометризированные орнаменты, где все же угадываются изображения людей и животных, реалистически изображать которые запрещает догматика суннитского ислама. Иначе говоря, тематика этих орнаментов связана с домусульманским народным искусством. Орнаменты ковров и вышивок приведены в работах турецких исследователей Ю. Дурула и К. Дирика [413, стр. 91, табл. 42; 410].

В турецком прикладном искусстве интересны так называемые роговидные мотивы — крестообразные фигуры с ответвлениями в виде рогов на концах. Их истоки, возможно, ведут к древнему переднеазиатскому искусству [482], но могут быть связаны и с искусством тюрок Центральной Азии [32].

К малоазийским заимствованиям в орнаменте можно отнести изображение «хеттского солнца» (схематическое изображение солнца в виде круга с перекрещивающимися линиями, найденное на многих предметах хеттской культуры), двуглавого орла (византийский герб), оттиснутой ладони с пятью пальцами (этот знак обнаружен на неолитических предметах в Чатал-Хёюке) и т. п. [453, стр. 16; 293, стр. 172; 519, ч. 1, стр. 56, 89].

В турецкий фольклор проникло очень много греческих сюжетов (например, сказания о Гиппократе и Платоне), даже греческие мифы античности, византийские легенды и т. д. [212, 259; 296; 353].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Турецкий народ, как и почти все другие народы, не произошел от какого-то одного предка, какого-то одного, например, тюркского народа или племени, а сложился из многих этнических компонентов. Одним из этих слагаемых были различные тюркские племена — огузы, туркмены, а также, в меньшей степени, узы (западные огузы), печенеги, кыпчаки и другие, перекочевавшие в Анатолию в основном в XI—XIII вв. Другим слагаемым были местные малоазийские и, позднее, балканские народы (вернее, часть их) — греки, армяне, курды, лазы, грузины, славяне и др.

Тюрки-кочевники, переходя на оседлость и контактируя с местным оседлым населением, ассимилировали часть его в отношении языка, но сами переняли у него так много навыков хозяйства и черт культуры (особенно материальной), что, можно сказать, ассимилировались местным населением в отношении хозяйствственно-культурного типа. В какой-то мере здесь применимо высказывание К. Маркса о том, что «согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами оказывались завоеванными более высокой цивилизацией покоренных ими народов» [3, стр. 225]. Но оно справедливо лишь в отношении хозяйства и многих черт культуры турок. Победившим же языком в процессе этногенеза оказался турецкий, хотя и подвергшийся сильному влиянию местных языков. Это произошло главным образом потому, что тюрки уже в XII—XIV вв., а позже и турки — в XV—XVI вв. составили наиболее многочисленную и господствующую политически общность (турки — этнолингвистическую, а турки — уже этническую общность) в Анатолии. Освоение тюрками-кочевниками оседлой земельной культуры местных народов растянулось на очень длительный период, что в какой-то степени затормозило их развитие.

по сравнению с этими народами в социально-экономическом и этническом отношениях.

В сельджукский период, когда тюрки составили господствующую и наиболее крупную этнолингвистическую общность в Малой Азии, не произошло образования тюркской этнической общности: слишком сильно было еще у тюрок сознание принадлежности к отдельным племенам или союзам племен. Правда, близкородственные диалекты племен (их различия, как правило, не выходили за рамки общеогузского языка) и исповедание тюрками Анатолии суннитского ислама усиливали тенденцию к возникновению такой общности. Но основы для ее вызревания — экономических связей, которые охватывали бы всю Анатолию, не существовало. Монгольское нашествие, которое привело к окончательному распаду Сельджукского султаната на отдельные тюркские феодальные княжества, еще более ослабило тенденцию к образованию тюркско-анатолийской этнической общности.

Ядро турецкой народности стало складываться в Османском бейлике, входившем сначала в состав государства Сельджукидов Малой Азии, а с 1299 г. независимом. Во второй половине XV в., когда было завершено объединение в рамках Османского государства всей Малой Азии, большинство тюркских племен уже осело на землю и, смешавшись с местным оседлым населением, дало новую общность — турецкую (а не сельджукскую или тюркско-анатолийскую), вполне оседлую, земледельческую, обогащенную местной культурой. Экономические связи стали вызревать лишь уже между частями этой, вначале тоже еще очень рыхлой, общности, что привело в конечном итоге к образованию турецкой народности. Объединение Малой Азии под властью османцев, превращение Стамбула в крупнейший административный, торговый, политический и культурный центр Турции — все это способствовало развитию экономических, политических и культурных связей между отдельными районами страны. А это сближало этнически отдельные территориальные группы турок, возникшие от смешения тюрок с местным населением; сближало между собой и с оседлым турецким населением оставшиеся тюркские племена, которые все больше переходили к оседлости и смешивались с турками и другим населением. В первой половине XVI в. окончательно сложилась турецкая народность со

своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью.

Формирование турецкой нации было осложнено многими историческими причинами, из которых главными были отставание Турции в социально-экономическом развитии от европейских стран и, как следствие этого, закабаление Османской империи иностранным капиталом, вмешательство империалистических держав в ее внутренние дела. Образование турецкой буржуазной нации тормозилось и феодально-теократическими препятствиями на пути капиталистического развития Турции. Консолидация турок в нацию протекала очень медленно и болезненно. Они отстали в этом отношении от европейских народов на несколько столетий. Окончательное сложение турок в нацию произошло лишь в первые два десятилетия XX в. и завершилось после падения Османской империи образованием буржуазной Турецкой Республики в результате победы кемалистской революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААС — Азия и Африка сегодня

ВВ — Византийский временник

ВГО — Всесоюзное географическое общество

ДАОИОЛЕАЭ — Дневник антропологического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии

ДВ — Древности восточные

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗВОРАО — Записки Восточного отдела Российского археологического общества

ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела императорского Российского географического общества

ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР

ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР

ИАН СССР — Известия Академии наук СССР

ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР

ИАОИОЛЕАЭ — Известия антропологического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии

ИКОИРГО — Известия Кавказского отдела императорского Российского географического общества

ИООН АН ТаджССР — Известия отделения общественных наук
Академии наук Таджикской ССР

ИРГО — Известия Русского географического общества

ИФТЯСАЮС — Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири

КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР

МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук

НАА — Народы Азии и Африки

ПЭС — Переднеазиатский этнографический сборник

ПС — Палестинский сборник

СЭ — Советская этнография

TAO — Труды антропологического отдела

TBOAO — Труды Восточного отдела археологического общества

ТИИАН АзССР — Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР

ТМИВ — Труды Московского института востоковедения

ЭО — Этнографическое обозрение

ЭПСНСПА — Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии

AÜDTCFD — Ankara üniversitesi Dil ve Tarih — Gögrafya fakültesi dergisi

BEL. — Belleten

BYZ. — Byzantion

IÜEFTD — İstanbul üniversitesi Edebiyat fakültesi tarih dergisi

JA — Journal Asiatique

HBH — Halkbilgisi haberleri

REI — Revue des Etudes Islamiques

SI — Studia Islamica

TED — Türk etnografiya dergisi

TFA — Türk folklor araştırmaları

TM — Türkiyat mecmuası

TTAED — Türk tarih, arkeolojya ve etnografiya dergisi

TTK — Türk tarih kongresi

1. Маркс К., Объявление войны.— К истории возникновения восточного вопроса,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 10.
2. Маркс К., Энгельс Ф., Британская политика.— Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
3. Маркс К., Энгельс Ф., Британское владычество в Индии,— Будущие результаты британского владычества в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
4. Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22.
5. Энгельс Ф., Турецкий вопрос,— К. Маркс и Ф. Энгельс, изд. 2, т. 9.
6. Ленин В. И., Кригические заметки по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 24.

7. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958.
8. Аболтин В., Национальный состав Турецкой Республики, — «Новый Восток», 1925, кн. 1 (7).
9. Агаджанов С. Г., Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.
10. Агаджанов С. Г. и Юзбашян К. Н., К истории тюркских набегов на Армению в XI в., — ПС, 1965, вып. 13 (76).
11. Ага Каарыев, В. Т. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954.
12. Агатфий, О царствовании Юстиниана, М.—Л., 1953.
13. Аверьянов П. И., Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи, СПб., 1912.
14. Алькаева Л. О., Очерки по истории турецкой литературы. 1908—1939, М., 1959.
15. Анна Комнина, Алексиада, М., 1965.
16. Арапов С. И., Воспоминания советского дипломата, М., 1960.
17. [Аристакэс Ластивертци], Повествование вардалепта Аристакэса Ластивертци, М., 1968.
18. Аристов Н. А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», 1896, вып. III—IV.
19. Аристова Т. Ф., Курды Закавказья, М., 1966.
20. «Армянская география VII в.», СПб., 1877.
21. [Ататюрк] М. Кемаль, Путь новой Турции, т. II, М., 1934.
22. Ахаллы С., Махмуд Кащарынын сөзлүгү ве түркмен дили, Ашгабат, 1958.
23. Аширалиев К., Древние тюркские элементы в современных языках, — ИФТЯСАЮС, Фрунзе, 1966.
24. Бартольд В. В., Очерк истории туркменского народа, — «Туркмения», т. I, 1929.
25. Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.
26. Басакков Н. А., Тюркские языки, М., 1960.
27. Батманов И. А., Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии, — ИФТЯСАЮС, Фрунзе, 1966.
28. «Библиография Турции (1713—1917)», М., 1961.
29. «Библиография Турции (1917—1958)», М., 1959.
30. Брук С. И., Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии, — ПЭС, I, М., 1958 (ТИЭ АН СССР, нов. серия, т. XXXIX).
31. Будагов А. З., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II, СПб., 1869—1871.
32. Вайнштейн С. И., Орнамент в народном искусстве тувинцев, — СЭ, 1967, № 2.
33. Вейденбаум Е. Г., От Батума до Артвина. Путевые заметки, — ИКОИРГО, 1879—1881, т. VI.
34. Византийские историки, СПб., 1860.
35. Вильчевский О. Л., Курды. Введение в этническую историю курдского народа, М.—Л., 1961.
36. Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.

37. [Вратислав Вацлав], Приключения чешского дворянича Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок, с австрийским посольством в 1591 г., М., 1904.
38. [Вронченко М. П.], Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В., ч. I—II, СПб., 1839—1840.
39. Гарбузова В. С., Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование, М., 1959.
40. Гасанова Э. Ю., Идеология буржуазного национализма в Турции, Баку, 1966.
41. Гасанова Э. Ю., К истории журнала «Тюрк Юрду»,—ИАН АзССР, сер. обществ. наук, 1969, № 6.
42. Гасанова Э. Ю., Об идеологических основах кемализма и их современном толковании в Турции,—НАА, 1968, № 3.
43. Гасанова Э. Ю., Общественная мысль в Турции в период буржуазной революции 1908 г.,—«Современная философская и социологическая мысль стран Востока», М., 1965.
44. Гасанова Э. Ю., Прогрессивные моменты в журнале «Тюрк Юрду»,—ИАН АзССР, сер. обществ. наук, 161, № 3.
45. Гасратян М. А., О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе,—«Проблемы современной Турции», М., 1963.
46. Голобородько (Южанин) И. И., Старая и новая Турция, М., 1908.
47. Гордлевский В. А., Быт османцев в суевериях, приметах и обрядах,—ЭО, 1915, № 3—4.
48. Гордлевский В. А., Внутреннее состояние Турции во второй половине XVII в. (По документам, изданным А. Рефиковым),—ТМИВ, № 2, 1940.
49. Гордлевский В. А., Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941.
50. Гордлевский В. А., Избранные сочинения, т. I—III, М., 1960—1962.
51. Гордлевский В. А., Из жизни современной Турции,—«Восток», 1924, кн. 4.
52. Гордлевский В. А., Из комментариев к старо-османскому переводу хроники малоазийских Сельджукидов, так называемой хроники Ибн-Биби,—ДВ, 1913, т. IV, вып. I.
53. Гордлевский В. А., Из наблюдений над турецкой песней,—ЭО, 1908, № 4.
54. Гордлевский В. А., Из османской демонологии,—ЭО, 1914, № 1—2, кн. 101—102.
55. Гордлевский В. А., К личной ономастике у османцев,—ДВ, 1913, т. IV, вып. I.
56. Гордлевский В. А., Османская свадьба,—ЭО, 1914, № 3—4, кн. 103—104.
57. Гордлевский В. А., Османские исторические сказания,—ЭО, 1915, № 1—2.
58. Гордлевский В. А., Османские сказания и легенды,—ЭО, 1911, № 1—2; 1912, № 3—4.
59. Гордлевский В. А., Турецкие юрюки,—ИКОИРГО, 1913—1914, т. XXII, вып. 3.
60. Гроце Г., По азиатской и европейской Турции, М., 1904.

61. Губогло М. Н., Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы), — СЭ, 1967, № 3.
62. Гуман К., Об этнологии Малой Азии, — ИКОИРГО, 1879—1881, т. VI, прил.
63. Гусейнов Р., К истории тюрок XI—XII вв., — ТИИАН АзССР, 1957, т. XII.
64. Гусейнов Р. А., Сельджукская военная организация, — ПС, 1967, вып. 17 (80).
65. Гусейнов Р., [Рец. на книгу:] Ф. Сюмер, «Огузы (туркмены)», Анкара, 1967, — НАА, 1969, № 3.
66. Гусейнов Р. А., Тюркские этнические напластования XI—XII вв. в Закавказье, — «Семинар по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа» (тезисы), Баку, 1966.
67. Гусейнов Р. А., «Хроника» Михаила Сирийца, — ПС, 1960, вып. 5 (68).
68. Давыдов А. А., Афганская деревня, М., 1969.
69. Данибегашвили Рафаил, Путешествия, М., 1968.
70. Данциг Б., Турция, М., 1949.
71. Даркот Бесим, География Турции, М., 1959.
72. Достян И. С., Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв., — ВВ, 1953, т. VII.
73. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
74. Дука, Византийская история, — ВВ, 1953, т. VII.
75. Дяченко В. Д., Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР, — КСИЭ, 1952, № 15.
76. Елисеев А. В., Антропологическая экспедиция поперек Малой Азии, — ИРГО, 1887, т. XXIII.
77. Елисеев А. В., Антропологические заметки об обитателях Малой Азии, — ДАОИОЛЕАЭ, 1890, вып. 6—7, 9—10 (ТАО, т. XII).
78. Елисеев А. В., Турки-османы, — ДАОИОЛЕАЭ, 1891, вып. 2, 5—8 (ТАО, т. XIII).
79. Евгеньев Д. Е. [Еремеев], Вопросы этногенеза турок в турецкой исторической литературе, — ЭПСНСПА, М., 1963 (ТИЭ АН СССР, нов. серия, т. 83).
80. Еремеев Д. Е., Изменение типов жилищ и поселений юровков при оседании, — КСИЭ, 1963, № 38.
81. Еремеев Д. Е., Изобразительное искусство и архитектура Турции XX в., — «Всемирная история искусств», т. 6, кн. 1, М., 1965.
82. Еремеев Д., Изучение этнографии в современной Турции, — СЭ, 1960, № 2.
83. Еремеев Д. Е., Кемализм и пантюркизм (обзор литературы), — НАА, 1963, № 3.
84. Еремеев Д. Е., Кемализм и пантюркизм, — «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции» (тезисы докладов), М., 1962.
85. Еремеев Д. Е., К этнографии малоазиатских туркмен, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР», Ашхабад, 1963.
86. Еремеев Д. Е., Национальные процессы в Турции (1830—1960 гг.), — «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», М., 1970.

87. Еремеев Д. Е., Новое входит в быт, — ААС, 1967, № 4.
88. Еремеев Д. Е., Оседание юрюков в современной Турции, — СЭ, 1962, № 6.
89. Еремеев Д. Е., Особенности образования турецкой нации, — СЭ, 1969, № 5.
90. Еремеев Д. Е., От тюрков к туркам, — ААС, 1969, № 6.
91. Еремеев Д. Е., Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории, — ЭПСНСПА, М., 1963 (ТИЭ АН СССР, нов. серия, т. 83).
92. Еремеев Д. Е., Проникновение тюркских племен в Малую Азию, — «Доклады VII МКАЭН», М., 1964.
93. Еремеев Дм., Страна за Черным морем, М., 1968.
94. Еремеев Д. Е., Турки, — «Народы зарубежной Европы», т. I, М., 1964.
95. Еремеев Д., Турчанка выходит замуж, — ААС, 1967, № 1.
96. Еремеев Дм., Юрюки Анатолии, — ААС, 1962, № 11.
97. Еремеев Д. Е., Юрюки (турецкие кочевники и полукоочевники), М., 1969.
98. Еремеев Д. Е., Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка), — СЭ, 1967, № 4.
99. Еремян С. Т., Преемники полководца Липарита и вопрос о происхождении Данышмендидов, — ИАН АрмССР, сер. обществ. наук, 1947, № 8.
100. Ерицов А., Опыт статистического очерка народонаселения Турецкой Армении, — ИКОИРГО, 1879—1881, т. VI, прил.
101. Желтаков А. Д., Начальный этап книгопечатания в Турции, — «Ближний и Средний Восток» (история, культура, источниковедение), М., 1968.
102. Желтаков А. Д., Петросян Ю. А., История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века), М., 1965.
103. Жуковский П. М., Земледельческая Турция, М.—Л., 1933.
104. «За рубежом», 1969, № 40.
105. [Ибн-Фадлан], Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956.
106. [Ибн-Фадлан], Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939.
107. Иванов М. С., Племена Фарса кашкайские, хамсе, кухглийе, мамасани, М., 1961.
108. Ивановский А. А., Туркмены и турки по крациометрическим исследованиям, — ДАОИОЛЕАЭ, вып. III, (ТАО, 1891, т. III).
109. Иордап, О происхождении и действиях гетов, М., 1960.
110. «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965.
111. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.
112. «История Болгарии», М., 1954, т. I.
113. «История Туркменской ССР», Ашхабад, 1957, т. I, кн. 1.
114. Казбек И. Н., Три месяца в Турецкой Грузии, — ЗКОИРГО, 1876, кн. 8, вып. 1.
115. Кази-Бек Ю., Современная Турция, СПб., 1897.
116. Кармышева Б. Х., Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, — ИОН АН ТаджССР, 1956, № 10—11.
117. Кармышева Б. Х., О некоторых древних тюркских племе-

- нах в составе узбеков (по этнографическим данным), — «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960.
118. Кармышева Б. Х., Этнографическая группа «турк» в составе узбеков, — СЭ, 1960, № 1.
 119. Карпини Дж. дель Плано, История монголов; Рубрук Г. де., Путешествие в восточные страны, М., 1957.
 120. Карпов Г. И., Племенной и родовой состав туркмен, Ашхабад, 1925.
 121. Каэн Кл., Земельный строй и тюркская оккупация в Анатолии, — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1.
 122. Клавихо Р. Г. де., Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд, СПб., 1881.
 123. Кляшторный С. Г., Проблемы ранней истории племени турк (ашина), — «Новое в советской археологии», М., 1965.
 124. Кляшторный С. Г., Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.
 125. «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос», М.—Л., 1962.
 126. Коев И., Турецкий народный весенний праздник «Идреллез». (По материалам из деревни Севар Разградского округа Болгарии), — СЭ, 1963, № 1.
 127. Кононов А. Н., Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958.
 128. Косвен М. О., Семейная община и патронимия, М., 1963.
 129. Ксенофонт, Анастасис, кн. IV, гл. V, Л., 1951.
 130. Курьялев В. П., К истории земледелия в Малой Азии (основное земледельческое орудие современной Турции — карасабан), — «Доклады Восточной комиссии ВГО», 1968, вып. 3.
 131. Курьялев В. П., Об общенных отношениях в деревнях современной Турции, — СЭ, 1969, № 4.
 132. Курьялев В. П., Одежда анатолийских турок, — «Традиционная культура и быт народов Передней и Средней Азии», Л., 1970 (Сборник МАЭ АН СССР, т. 26).
 133. Курьялев В. П., Очерки хозяйства и материальной культуры турецкого крестьянства (новейшее время). Автореф. канд. дисс., Л., 1969.
 134. Курьялев В. П., Поселения, жилища и хозяйственные постройки современной Турции, — «Народы и страны Востока», т. 8, М.—Л., 1969.
 135. Курьялев В. П., Хыдырэллез — пережиток древнего земледельческого культа в Малой Азии, — «Филология и история тюркских народов» (тезисы докладов), Л., 1967.
 136. Крымский А., История Турции и ее литературы, т. I, М., 1916.
 137. Крымский А. Е., История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка, М., 1910.
 138. Крымский В., Пантюристы — фашистская агентура в Турции, — «Большевик», 1944, № 10—11.
 139. Камилев Х., Общественные мотивы в турецкой поэзии (конец XIX — середина XX века), М., 1969.
 140. Лавров М. И., Происхождение балкарцев и карачаевцев, — КСИЭ, 1959, № 32.

141. Ламанский В. М., О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, СПб., 1859.
142. Латышев В. В., Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 3; т. II, вып. 2, СПб., 1890.
143. Левченко М. В., История Византии, М—Л., 1940.
144. Лежан Г. М., Этнография Европейской Турции, СПб., 1868.
145. Лисициан С. С., Танцевальный и театральный фольклор армянского народа, — Труды VII МКАЭН, т. VI, М., 1969.
146. Лудшувейт Е., Вступительная статья к I т. сочинений В. А. Гордлевского, — «Академик В. А. Гордлевский». Избранные сочинения, т. I, М., 1960.
147. Лудшувейт Е. Ф., Турция. Экономико-географический очерк, М., 1955.
148. Людвиг Г. М., Архитектура древних хеттов (по материалам двух экспедиций автора в древнюю Каппадокию 1924—1926 гг.), — «Академия архитектуры», 1934, № 1—2.
149. Магазаник Д. А., Турецко-русский словарь, М., 1945.
150. Майзель С., Арабские и персидские элементы в турецком языке, М., 1945.
151. Мак-Коап, Дж. К., Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии, М., 1884.
152. Малов С. Е., Древние и новые тюркские языки, — ИАН СССР, отд. лит. и яз., 1952, т. XI, вып. 2.
153. Манандян Я. А., Краткий обзор истории древней Армении, М., 1943.
154. Маринов В., Принос към изучаването на произхода, бита и културата на Каракачаните в България, София, 1964.
155. Марков Г. Е., Из этнической истории туркменского народа, — КСИЭ, 1958, № 29.
156. Марр Н. Я., Еще о слове челеби, — ЗВОРАО, т. XX, вып. II—III, 1911.
157. Марр Н. Я., Из поездки в Турецкий Лазистан (впечатления и наблюдения), — «Известия Имп. АН», VI серия, 1910, № 7.
158. Марр Н. Я., О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье, — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1934, вып. 89.
159. Массэ А., Ислам. Очерк истории, М., 1963.
160. Матвеев С. Н., Турция (азиатская часть — Анатolia). Физико-географическое описание, М.—Л., 1946.
161. Меликset-Бек Л. М., Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского, — «Исследования по истории культуры народов Востока», — М.—Л., 1960.
162. Микаэлян Г. Г., История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952.
163. Миллер А. Ф., Буржуазная революция 1908 г. в Турции, — «Советское востоковедение», 1955, № 6.
164. Миллер А. Ф., Краткая история Турции, М., 1948.
165. Миллер А. Ф., Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века, М.—Л., 1947.
166. Миллер Ю. А., Искусство Турции, М.—Л., 1965.
167. Михајл Константиновић, Србина историја или летопис

- турски Михајла Константиновића из Островице,— «Гласник Серпскога ученого друштва», 1865, кн. 18.
168. Михов Никола, Населението на Турция и България през XVIII и XIX в., т. III, София, 1929.
169. [Мовсес Каганкатваци], История агван Моисея Қаганкатваци, СПб., 1861.
170. [Мовсес Хоренаци], История Армении Моисея Хоренского, М., 1858.
171. Моисеев П. П., Аграрные отношения в современной Турции, М., 1960.
172. Мордтман А. Д., Население Азиатской Турции по официальным турецким источникам,— ИКОИРГО, 1879—1881, т. VI, прил.
173. Мoshков В. А., Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г.— ИРГО, 1904—1905, т. XI, вып. З.
174. Мутафчиев П. Н., Мнимото преселение на сельджукски турци в Добруджа в XIII в.
175. «Народы Кавказа», ч. II, М., 1962.
176. Неклюдов А., Начало сношений России с Турцией. Посол Иоанна III-го Плещеев,— «Сборник Московского главного архива МИД», М., 1888, вып. 3—4.
177. [Нестор Искандер], Повесть о Царьграде, его основании и взятии турками в 1453 году Нестора Искандера XV века. Сообщил архимандрит Леонид, СПб., 1886.
178. [Никита Акоминат], Никиты Акомината история, начинаящаяся с царствования Иоанна Комнина, т. I—II, СПб., 1859—1862.
179. Никитин С. А., Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства,— «Вестник МГУ», 1952, вып. I.
180. [Никифор], Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия,— ВВ, 1950, т. III.
181. Новичев А. Д., История Турции. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII века), Л., 1963.
182. Новичев А. Д., Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.
183. Новичев А. Д., Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции,— СЭ, 1951, № 3.
184. Новичев А. Д., Турки,— «Народы Передней Азии», М., 1957.
185. Новичев А. Д., Турция. Краткая история, М., 1965.
186. Новичев А. Д., Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935.
187. Осмоналиев Б., Иранские элементы в тюркских языках,— ИФТЯСАЮС, Фрунзе, 1966.
188. Ошанин Л. В., Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен,— «ИАН ТуркмССР», 1952, № 4.
189. Ошанин Л. В., Зезинкова В. Я., Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.
190. Пальгрев В. Дж., Анатолийские области. Консультационные отчеты о восточных причерноморских провинциях Турции за 1869 и 1872 гг.,— ИКОИРГО, 1882, т. VII, № 2, прил.
191. Патканов К. П., О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских,— ИКОИРГО, 1879—1881, т. VI.

192. Паткаян К. П., Опыт истории Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями, — ТВОАО, 1869, т. XIV.
193. П. Б., Плен и страдания россиян у турков, СПб., 1790.
194. Першиц, А. И., Некоторые особенности этнического развития арабов Саудовской Аравии, — «ЭПСНСПА», М., 1963.
195. Петросян Ю. А., «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.
196. Петрушевский И. П., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI и начале XIX в., Л., 1949.
197. Пигулевская Н., Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.
198. Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева П. В., Беленицкий Д. М., История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958.
199. Покровская Л. А., Термины родства в тюркских языках, — «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.
200. [Поло, Марко], «Книга» Марко Поло, М., 1955.
201. Прокопий из Кесареи, Война с готами, М., 1959.
202. Путята Дм. В., Записка о Малой Азии СПб., 1896.
203. Радлов В. В., Опыг словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб., 1893—1911.
204. Рахмати А. А., «Сельджук-намэ» Захир-ад-Дина Нишапури как источник по истории Азербайджана, — «ИАН АзССР», сер. обществ. наук, 1963, № 3.
205. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952.
206. Римская история Никифора Григоры, начинаящаяся со взятия Константинополя латинянами, т. I—II, СПб., 1862.
207. Росляков А. А., Туркмены и огузы, — «Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького», 1955, вып. 3.
208. Северак Ж. де, Описание чудес, — «После Марко Поло», М., 1968.
209. Севортии Э. В., Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков, М., 1966.
210. Сиясет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька, М.—Л., 1949.
211. Смирнов В. Д., Очерк истории турецкой литературы, СПб., 1891.
212. Смирнов В. Д., Турецкие легенды о святой Софии и о других византийских древностях, СПб., 1897.
213. «Современная Турция (справочник)», М., 1965.
214. «Сочинения Константина Багрянородного „О фемах“ и „О народах“», М., 1899.
215. Станчев С., Славяни и прабългари в старобългарската култура, — «Археология», 1962, година IV, кн. 4.
216. «Тарих-и Ал-и Осман, рукопись ИВАН, С-1046».
217. Тверитинов А. С., Аграрный строй Османской империи. Документы и материалы, М., 1963.
218. Тверитинов А. С., К вопросу о домениальном землевладении феодалов-ленников в Османской империи в XV—XVI вв., — КСИВ, 1960, т. XXXVIII.
219. Тверитинов А. С., Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии, — ВВ, 1953, т. VII.

220. Тевяшов Е., Осада Константинополя аварами и славянами в 626 году, — ЖМНП, 1914, № 52.
221. Тенишев Э. Р., Глаголы движения в тюркских языках, — «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.
222. Толстой С. П., Города гузов (историко-этнографические этюды), — СЭ, 1947, № 3.
223. Томилов П. А., Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г., ч. I, СПб., 1907.
224. Трофимова Т. А., Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, — М.—Л., 1949.
225. Трофимова Т. А., Гинзбург В. В., Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита, — «Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции», т. X, Ашхабад, 1961.
226. Губецкой В. В., Бахтиары (расселение, хозяйство, общественные отношения), — «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», М., 1963.
227. Тыркова А., Старая Турция и младотурки, Пг., 1916.
228. Убичини А., Изображение современного состояния Турции в географическом, статистическом, религиозном и военном отношении, СПб., 1854.
229. Убичини А., Куртейль П. де, Современное состояние Оттоманской империи, СПб., 1877.
230. Успенский Ф. И., Движение народов из Центральной Азии в Европу, — ВВ, 1947, т. I (XXIV).
231. [Фавстос Бузанд], История Армении Фавстоса Бузанда, — «Памятники древнеармянской литературы», т. I, 1953.
232. [Феофан], Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта, М., 1844.
233. Феофилакт Симокатта, История, М., 1957.
234. Фрунзе М. В., Доклад о поездке в Ангору на объединенном заседании Совнаркома и ЦИКа Украины, — Собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1926.
235. Халатянц Г. А., Армянские Аршакиды, М., 1903.
236. [Хуршид М.], Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе, СПб., 1877.
237. Чебоксаров Н. Н., Антропологические типы населения Передней Азии, — «Народы Передней Азии», М., 1957.
238. Шамсутдинов А. М., Вакфнамэ Ибрагима бея из княжества Караман, — КСИВ, 1956, № 22.
239. Шамсутдинов А. М., К вопросу об образовании Османского княжества, — ТМИВ, 1947, сб. 5.
240. Шафарик П. И., Славянские древности, М., 1847, т. I, кн. 2.
241. Щербак А. М., Названия домашних и диких животных в тюркских языках, — «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.
242. Эвлия Челеби, Книга путешествия, вып. I. Земли Молдавии и Украины, М., 1961.
243. «Экспедиция инженера Иосифа Черника для исследования в техническом отношении бассейнов Евфрата и Тигра», — ИКОИРГО, 1879, т. VI, прил.
244. Эмин Ф. А., Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Османской Порты, М., 1828.

245. Якубовский А. Ю., Сельджукское движение и туркмены в XI в., — ИАН СССР, отд. обществ. наук, 1937, № 4.

* * *

246. Alflaki, Manaqib al-Arifin. *Les Saints des derviches tourneurs*, Paris, 1918—1922, vol. I—II.
247. Arfa H., *The Kurds*, London, 1966.
248. «Asie Française», 1917, № 171.
249. Atabinen R. S., *Les apports turcs dans le peuplement et la civilisation de l'Europe Orientale*, İstanbul, 1952.
250. Atabinen R. S., *Les Turcs à Constantinople du V-ème au XV-ème siècle*, — «Les Tures occidentaux et la Méditerranée», Istanbul, 1956.
251. Baecker D. de, *L'Extrême Orient au moyen âge*, Paris, 1877.
252. Band W. und Marquart J., *Osttürkische Dialektstudien*, — «Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», phil.-hist. Klasse, N. F., Bd XIII, 1914, № 1.
253. Bans E., *Das Arabische Element in der Türkei*, Leipzig, 1916.
254. Bans E., *Die Länder und Völker der Türkei*, Westermann, 1916.
255. Bergeron P., *Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles*, Le Haye, 1735.
256. Berkes N., *The Development of Secularism in Turkey*, Montreal, 1964.
257. Bianchi A., *Viaggi in Armenia, Kurdistan et Lazistan*, Milano, 1863.
258. «The Birth of the Turkish Nation», — «New Outlook», III, № 6 (28), 1960.
259. Bittei K., *Legenden von Kerkeness-Dağ (Kappadokien)*, — «Oriens», 1960—1961, vol. 13—14.
260. Brice W. G., *The Turkish Colonization of Anatolia*, — «Bulletin of the John Rylands Library», 1955, vol. 38, № 1.
261. Broquière B. de la, *Le voyage d'outre-mer*, — «Recueil de voyages et de documents», Paris, 1892, t. XII.
de son patriotisme, — «Revue de psychologie des peuples», 1962,
«Mémoires de l'Académie des sciences de St. Petersburg», 7-ème
série, t. 13, № 5.
263. Burnouf D., *La formation de la nation turque et le caractère de son patriotisme*, — «Revue de psychologie des peuples», 1962,
année 17, № 3.
264. Busbecq O. Ch., *Travels into Turkey*, London, 1744.
265. Cahen Cl., *La campagne de Mantzikert*, — «Byz.», 1948,
t. XVIII.
266. Cahen Cl., *The Historiographie of the Saljuqid Period*, London, 1962.
267. Cahen Cl., *Les Malik-namés et l'histoire des origines Seldjoukides*, — «Orient», 1953, vol. 6, № 2.
268. Cahen Cl., *Notes pour l'histoire des Turcomans d'Asie Mineure au XIII siècle*, — «JA», 1951, t. CCXXXIX, fasc. 3.
269. Cahen Cl., *La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XI-e siècle)*, — «Byz.», 1934, t. IX, fasc. 2.
270. Cahen Cl., *Le problème ethnique en Anatolie*, — «Cahiers d'histoire mondiale», 1954.
271. Cahen Cl., *Quelques textes négligés concernant les Turcomans*

- de Rûm au moment de l'invasion mongole, — «Byz.», 1939, t. XIV.
272. Cahen Cl., *Les Seldjouks de Rûm*, Brussel, 1950.
273. Cahen Cl., *Les tribus d'Asie Occidentale pendant le période seljukide*, — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 1950, Bd 51, Hft. 3.
274. Charanis P., *Slavic element in Byzantine Asia Minor in the thirteenth century*, — «Byz.», 1948, t. XVIII.
275. «Chronique de Matthieu d'Edesse», Paris, 1858.
276. «Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche», t. I—IV, Paris, 1889—1924.
277. [Collier J.J.] *Journal du voyage de M. Collier, résident à la Porte*, Paris, 1672.
278. Colombe M., *La Turquie et l'Islam*, — «Revue française de science politique», 1955, vol. V, № 4.
279. Creasy E. S., *History of the Ottoman Turks*, Beirut, 1961.
280. Defremery M., *Histoire des Seldjoukides*, — «JA», 1848, vol. 2.
281. «Die altosmanischen anonymen Chroniken. (Tevarih-i Al-i Osman)», Leipzig, 1925.
282. «Ducae Historia byzantina», Bonn, 1834.
283. Eberhard W., *Nomads and Farmers in Southeastern Turkey. Problems of Settlement*, — «Orient», 1953, vol. 6, № 1.
284. «Encyclopédie de l'Islam», t. IV, 1934.
285. Thé H., *Die Fahrten des Sajjid Battâl. Ein alttürkischer Volks- und Sittenroman*, Leipzig, 1871.
286. Feière M., *L'État présent de la Turquie*, Paris, 1675.
287. Feilberg C. G., *La tente noire*, Copenhague, 1944.
288. Fontanier V., *Voyages en Orient*, Paris, 1829.
289. «Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée», Venise, 1881.
290. Gökalp Z., *Turkish nationalism and Western civilization*, New York — London, 1959.
291. Grégoire H., *L'Epopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane*, — «Bulletin de la Classe des Lettres» (Académie royale de Belgique), 5-e série, t. XVII, 1951, № 2.
292. Guér M., *Mœurs et usages des Turcs*, Paris, 1747, t. 1—2.
293. Hamdi Bey, Launay M. de, *Les costumes populaires de la Turquie en 1873*, Constantinople, 1873.
294. Hammer-Purgstall J. von, *Histoire de l'Empire Ottoman*, Paris, 1835—1843, t. I—XVIII.
295. Hasluck F. W., *Christianity and Islam under the Sultans*, Oxford, 1929, vol. I—II.
296. Hasluck F. W., *Plato in the Folklore of the Konya Plain*, — «Annual of the British School at Athens», № XVIII.
297. Hommel F., *Ethnologie und Geographie des alten Orients*, München, 1926.
298. Hostler Ch. W., *Turkism and the Soviets. The Turks of the World and Their Political Objectives*, New York — London, 1957.
299. Hostler Ch. W., *The Turks and Soviet Central Asia*, — «The Middle East Journal», 1958, vol. XII, № 3.
300. Hostler Ch. W., *Türken und Sowjets*, Berlin — Frankfurt a. M., 1960. [rez.: «Zeitschrift für Geopolitik», 1961, Jg. 32, № 11—12].

301. [Ibn Battuta], *The Travels of Ibn Battūta*, vol. II, Cambridge, 1961.
302. [Ibn Fadlan], *Relation du voyage d'Ibn Fadlān chez les Bulgares de la Volga*, — «Annales de l'Institut des Etudes orientales», vol. XVI, 1958.
303. Inalcik H., *Ottoman Methods of Conquist*, — «SI», 1954, № 2.
304. Izeddin, Deux voyageurs du XV-e siècle en Turquie: Bertrand de la Broquière et Pero Tafur, — «JA», 1951, t. 239, fasc. 2.
305. Johansen U., Zur volkskundlichen Forschung in der Türkei, — «Der Islam», 1967, Bd 43, Hft. 1—2.
306. Kavadias G. V., Pasteurs-nomades méditerranéens. Les Saracatsans de Grèce, Paris, 1965.
307. Kerestedjian B., Quelques matériaux pour un dictionnaire étymologique de la langue turque, London, 1912.
308. Kinneir J. M., Voyage dans l'Asie Mineure, l'Arménie et le Kourdistān dans les années 1813 et 1814, Paris, 1818, t. I—II.
309. Kyriakides S. P., Éléments historiques byzantins dans le roman épique turc de Sayyid Battal, — «Byz.», 1936, t. II, fasc. 2.
310. Kowalski T., Les Turcs balkaniques, — «Revue internationale des études balkaniques», 1936, an II, t. II(4).
311. Köprülü F., Les origines de l'Empire Ottoman, Paris, 1935.
312. Langlois V., Voyage dans la Cilicie, Paris, 1861.
313. Laurent J., Byzance et les origines du Sultanat de Roum, — «Mélanges Ch. Diehl», vol. I, Paris, 1930.
314. Laurent J., Byzance et les Turcs seldjoucides dans l'Asie Occidentale jusque 1081, Nancy, 1913.
315. Laurent J., Sur les émir Danichmendites, — «Mélanges offerts à M. Nicolas Jorga», Paris, 1933.
316. Leunclavius J., Mösülmänischer Türkischer Histori, Frankfurt a.M., 1955.
317. Lloyd S. and Storm Rice D., *Alanya (Ala'iyya)*, London, 1958.
318. Maçoudi, Le livre de l'avertissement et de la révision, Paris, 1897.
319. Mansuroğlu M., Some Titles and Names in Old-anatolian Turkish, — «Ural-Altaische Jahrbücher», 1955, t. XXVII.
320. Marquart I., Über das Volkstum der Komanen, — «Abhandlungen der k. Akademie der Wissenschaften», philologisch historische Klasse, Bd XIII, № 1, 1914.
321. Ménage V. L., *Neshri's History of the Ottomans*, Oxford, 1964.
322. Meyer G., Türkische Studien, I. Die griechischen und romanischen Bestandtheile im Wortschatze des Osmanisch-Türkischen, — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der k. Akademie der Wissenschaften», 1893, Bd 128, Abh. 1.
323. Moltke H., Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei, Berlin, 1882.
324. Moravcsik Gy., Attilas Tod in Geschichte und Sage, Berlin, 1936.
325. Moravcsik Gy., *Byzantinoturcica*, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkenvölker, Budapest, 1942.
326. Moravcsik Gy., *Byzantinoturcica*, II. Sprachreste der Türkenvölker in der byzantinischen Quellen, Berlin, 1958.

327. Neşri M., *Kitab-ı Cihannüma*. Die altosmanische Chronik des Mehemed Neschri, Bd I—II, Leipzig, 1951—1955.
328. Ohsson I. M. d', *Tableau général de l'Empire Ottoman*, t. I—VII, Paris, 1788—1824.
329. Ottin Merry, Camilly Jérôme, Le nomadisme en Anatolie. Les Yuruks, — «Connaissance du monde», 1961, № 31.
330. Paoli *Historia Langobardorum*, Hannoverae, 1878.
331. Pierce Y. E., *Life in a Turkish Village*, New York, 1969.
332. Pittard E., L'arrivée des brachicéphales en Europe Centrale et Occidentale, Florence, 1929.
333. Planhol X. de, De la plaine Pamphylienne aux lacs Pisidiens. Nomadisme et vie paysanne, Paris, 1958.
334. Reid J., *Turkey and the Turks*, London, 1840.
335. Ricaut P., *History of the Turks*, 1687.
336. Roux J.-P., La sédentarisation des nomades Yürük du vilayet d'Antalya (Turquie méridionale), — «Ethnographie», 1961, № 55.
337. Saint-Quentin S. de, *Histoire des Tartares*, Paris, 1965.
338. Sperco W., Turcs d'hier et d'aujourd'hui. (D'Abdul-Hamid à nos jours), Paris, 1961.
339. Stirling P., *Turkish village*, London, 1965.
340. Şenyürek M. S., A Note on the Human Skeletons in the Alaca Höyük Museum, — «AÜDTCFD», 1951, t. 9, № 1—2.
341. Şenyürek M. S., Fluctuation of the Cranial Index in Anatolia, from the Fourth Millennium B. C. to 1200 B. C., — «Bel.», 1951, t. XV, № 60.
342. Tachau F., The Face of Turkish Nationalism, — «Middle East journal», 1959, vol. 13, № 3.
343. Tachau F., The Search for National Identity Among the Turks, — «Welt des Islams», 1963, vol. 8, № 3.
344. Talbot Rice T., *The Seljuks in Asia Minor*, London, 1961.
345. Titze A., Einige weitere griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, — «Nemeth aramağanı», Ankara, 1962.
346. Titze A., Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, — «Oriens», 1955, t. VIII, № 2.
347. Togan A. Z. V., Die Vorfahren der Osmanen in Mittelasien, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1941, Bd 95, Hft. 3.
348. [Tott F. de], Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares, pt. 1—4, Amsterdam, 1784—1785.
349. Traeger P., Die Jürük und Konjaren in Makedonien, — «Zeitschrift für Ethnologie», 1905, J. 37, Hft. I.
350. Tsakiroglous M., Die Jürük, — «Das Ausland», 1891, № 19.
351. Turan O., L'islamisation dans la Turquie du Moyen âge, — «SI», 1959, № 10.
352. Turan O., Les souverains Seldjoukides et leurs sujets non-musulmans, — «SI», 1953, № 1.
353. Unver A. S., Hippocrates et sa grande place dans la mythologie turque, Paris, 1940.
354. Vallois H., Les ossements humains de Sialk. Contribution à l'étude de l'histoire raciale de l'Iran ancien, — «R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, près de Kashan», vol. II, Musée de Louvre — Département des antiquités orientales, série archéologique, t. V, 1939.

355. Volney C. F., *Voyage en Syrie et en Egypte pendant les années 1783, 1784, 1785*, vol. II, Paris, 1787.
356. Wittek P., *De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople*, — «REI», 1938.
357. Wittek P., Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Roum, — «Byz.», 1936, t. XI, fasc. 1—2.
358. Wittek P., *Das Fürstentum Mentesche*, Istanbul, 1937.
359. Wittek P., *The Rise of the Ottoman empire*, London, 1938.
360. Wittek P., *Yazijioglu Ali on the Christian Turks of the Dobruja*, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1952, t. XIV, № 3.
361. Wittek P., *Zur Geschichte Angoras im Mittelalter*, — «Festschrift G. Jacob», Leipzig, 1932.

* * *

362. Açıpayamlı O., *Türkiye'de doğumla ilgili âdet ve inanımların etnolojik etüdü*, Erzurum, 1961.
363. Açıpayamlı O., *Açıpayam ve çevresinde mesken ve mesken ile ilgili etnografik araştırmalar*, — «AÜDTCFD», 1954, c. XII, № 3—4.
364. Ahmet N., *Anadolu'da Türklerle ait yer isimleri*, — «Türkiyat mecması», 1928, c. 2.
365. Ahmet Tevhid, *Menteşe oğulları*, — «Tarih-i Osmanî Encümeni mecması», 1913, c. 12, czuz. I.
366. Akın Hımmet, *Aydinoğulları tarihi hakkında bir araştırma*, İstanbul, 1946.
367. Akkok M. ve Gökoğlu A., *Eski Ankara evleri*, Ankara, 1945.
368. Akurgal E., *Tarih ilmi ve Atatürk*, — «Bel.», 1956, t. XX, № 80.
369. Aksaraylı Mehmedoğlu Kerimüddin Mahmut, *Müsameret-ül-Ahbar Moğollar zanianında Türkiye Selçukluları tarihi*, Ankara, 1944.
370. Aksaraylı Mehmedoğlu K. M., *Selçukî devletleri tarihi*, Ankara, 1943.
371. Altınay A. H. Refik, *Anadolu'da Türk aşiretleri*, İstanbul, 1930.
372. Altundağ Ş., *Osmanlıların ilk devirlerinde Türklerin kültür ve sosyal durumları hakkında bir kaç not*, — «AÜDTCFD», 1944, c. II, № 4.
373. Andreasyan H. D., *Türk tarihine ait Ermenî kaynakları*, — «İUEFTD», 1949, c. I, № 1; 1950, c. I, № 2.
374. Anıt A. K., *Türk tarihi. Milattan 250 yıl evvelinden 1950 yılına kadar*, İstanbul, 1950.
375. Ar M. S., *Çivî yazılı kaynaklara göre Türkçe — Etice — Hurriçe arasındaki bağlar*, — «Bel.», 1944, c. VIII, № 32.
376. Ar M. S., *Çivî yazılı kaynaklara göre Türkçe — Etice — Hurriçe arasındaki bağlar üzerinde yeni araştırmalar*, — «AÜDTCFD», 1944, c. II, № 4.
377. Arık R. O., *Proto — Etilere dair*, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
378. Arık R. O., *Türk inkılâbı ve milliyetçiliğimiz*, Ankara, 1958.
- 379 [Aşık Paşaزادe], *Die altosmanische Chronik des Aşikpaşa-zade*, Leipzig, 1929.
- 380.atabeyli N. K., *Antalya tahtacılara dair notlar*, — «TTAED», 1940, № 4.

381. Atabeyli N. K., Teke (Antalya) Yürükleri hakkında notlar, — «TTAED», 1940, № 4.
382. [Atabeyli] Naci Kum, Türkmen Barakları, — «TED», 1965, № 6.
383. [Atabinen] Reşit Saffet, Türkük ve Türkçülük izleri, ktp. 1, Ankara, 1930.
384. [Atatürk], Kemal Atatürk tarafından nutuk, c. II, İstanbul, 1934.
385. «Atatürk'ün söylev ve demeçleri», c. I, İstanbul, 1945.
- 386.atalay B., Divanü Lügat-it Türk tercumesi, c. I—III, Ankara, 1939—1941.
387. Aygen N., Türklerin antropolojik tarihleri bakımından kan grupları hakkında, — «III. TTK», Ankara, 1948.
388. Aygen N., Türklerin kan grupları ve kan gruplarının antropolojik karakterlerle ilgisi üzerine bir araştırma, — «AÜTCFD», 1944, c. II, № 1.
389. Aykut Ş., Kamâlîzm (C. H. Partisi programının izahı), İstanbul, 1936.
390. Balcioglu T. H., Edremit civarında Türk aşiretleri, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
391. Barlas U., Kayseri düğünleri üzerine bir araştırma denemesi, İstanbul, 1963.
392. Barlas U., Maraş düğün adelleri üzerine bir araştırma denemesi, İstanbul, 1964.
393. Bayatlı O., Bergama'da şifalı otlar ve Lokman Hekim, İstanbul, 1952.
394. Bayrı M. H., Halk adetleri ve inanmaları, İstanbul, 1939.
395. Bayrı M. H., İstanbul folkloru, İstanbul, 1947.
396. Bayur H., Kuvay-i Milliye devrinde Atatürk'ün dış siyasa ile ilgili görüş ve davranışları, — «Bel.», 1956, c. XX, № 80.
397. Berkes N., Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, Ankara, 1950.
398. [Büşe] Enver M., Safranbolu'da ve çevresinde göçebeler, — «HBH», c. III, № 4, 1934.
399. Bozka ya E. A., Anadolu'nun pamuk — çeltik — mısır — fındık — afyon ve bağcılık bölgelerinde kullanılan ziraat alet ve düzenleri üzerinde araştırmalar, Ankara, 1936.
400. «CHP programı», Ankara, 1951.
401. Çağatay N., Osmanlı İmparatorluğunda reyadan alınan vergi ve resimler, — «AÜTCFD», 1947, c. V, № 5.
402. Çetintürk S., Osmanlı İmparatorluğunda Yürük sınıfı ve hukuki statüler, — «AÜTCFD», 1947, c. V, № 5.
403. Danışmand İ. H., Türkiye ve İslâmîyat tedkkileri külliyesi, 2. fasikül, Medenî kiyafetin teşekkülünde Türk irkin rolü, İstanbul, 1956.
404. Daver B., Türkiye Cumhuriyetinde lâyiklik, Ankara, 1955.
405. Demirci Y. Z., Anadolu'da eski düğün ve evlenme adetleri, İstanbul, 1938.
406. Demirtaş F., Bozulus hakkında, — «AÜTCFD», 1949, c. VII, № 1.
407. Demirtaş F., Osmanlı devrinde Anadolu'da kayılar, — «Bel.», 1948, c. XII, № 48.
408. Demirtaş F., Osmanlı devrinde Anadolu'da Oğuz boyları, — «AÜTCFD», 1949, c. VII, № 2.

409. D il m e n İ. N., Türk tarih tezinde Güneş-Dil teorisinin yeri ve değeri, «II. TTK», İstanbul, 1943.
410. D i r i k K., Eski ve yeni Türk halıcılığı ve hali tipleri panorama-sı, İstanbul, 1938.
411. D u k a s, Bizans tarihi, İstanbul, 1956.
412. D u r a n F. S., Türkiye coğrafyası, İstanbul, 1929.
413. D u r u l Y., Hali ve kilimlerde kız motifleri, — «TED», 1956, № 1.
414. E f e S. ve B a r l a s U., Kütahya düğün adetleri üzerine bir araştırma metodu denemesi, İstanbul, 1964.
415. E n g i n A., Atatürkçülük ve Moskofluk — Türklük savaşları. Atatürk yalnız Türkiye Türklerinin değil, bütün Türklüğün atasıdır, İstanbul, 1953.
416. E n g i n M. S., Eti ve Grek dinî sistemlerinin mukayesesı, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
417. E r i ş i r g i l M., Türkçülük devri, milliyetçilik devri, insanlık devri, Ankara, 1958.
418. E r z i A. S., Akköyuncu ve Karaköyuncu tarihi hakkında araştır-malar, — «Bel.», 1954, c. XVIII, № 7.
419. [E v l i y a Ç e l e b i], Evliya Çelebi seyahatnamesi, İstanbul, 1896, c. I—V.
420. F r e i l i h ve R a u l i g, Türkmen aşiretleri, İstanbul, 1918.
421. G a z a v a l ' i S eyyid Battal Gazi, İstanbul, 1870.
422. «1955 Genel nüfus sayımı», Ankara, 1956.
423. «23 Ekim 1960 Genel nüfus sayımı», Ankara, 1963.
424. «24 Ekim 1965 Genel nüfus sayımı», Ankara, 1969.
425. G ö k a l p Z., Türkçülüğün esasları, İstanbul, 1952.
426. G ö k b i l g i n M. T., Rumeli'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-ı Fâtihan, İstanbul, 1957.
427. G ö k b i l g i n T., Rumeli'nin iskânında ve Türkleşmesinde Yü-rükler, — «III. TTK», Ankara, 1948.
428. [G ö k o ğ l u], A h m e t B a h a, İstanbul etnoğrafyası (İstanbul halkını kimler teşkil ediyor), İstanbul, 1934.
429. G ö k y a y O. Ş., Dede Korkut, İstanbul, 1938.
430. G ü n a l t a y Ş., Abbasoğulları imparatorluğunun kuruluşu ve yükselişinde Türklerin rolü, — «Bel.», 1942, c. VI, № 23—24.
431. G ü n a l t a y Ş., Türk tarih tezi hakkındaki intikatların mahiye-ti ve tezin katî zaferi, — «Bel.», 1938, c. II, № 7—8.
432. G ü n g ö r K., Anadolu'da Hızır geleneği ve Hıdûrellez törenle-rine dair bir inceleme, — «TED», 1956, № 1.
433. G ü n g ö r K., Cenubî Anadolu Yürüklerinin etno-antropolojik tetkiki, Ankara, 1941.
434. I b n B i b i, Anadolu Selçukî tarihi, Ankara, 1941.
435. [I b n B i b i], Selçukname, — Histoire des Seldjoucides de l'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi, Leide, 1902, — H o u t s m a T h., Re-cueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, vol. III.
436. I n a l c i k H., Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar, Anka-ra, 1954.
437. I n a l c i k H., Stefan Duşan'dan Osmanlı İmparatorluğuna, — «Melanges Fuad Köprülü», İstanbul, 1953.
438. [I n a n] A b d ü l k a d i r, Birinci ilmî seyahate dair rapor, İstanbul, 1930.
439. I n a n A f e t, Türkiye halkın antropolojik karakterleri ve Tür-kiye tarihi, Ankara, 1947.
440. «İslam ansiklopedisi», İstanbul, 1944, czuz 40.

441. İzmirli I. H., Şark kavnaklarına göre Mislümanlıktan evvel Türk kültürünün Arap yarımadasında izleri, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
442. «Kalkınma plâni. İlkinci beş yıl (1968—1972). Özeti», Ankara, 1967.
443. Kafesoglu I., Selçuklu tarihinin meseleleri, — «Bel.», 1955, c. XIX, № 76.
444. Kafesoglu I., Selçuk'un oğulları ve torunları, — «TM», 1958, c. XIII.
445. Kafesoglu I., Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu İmparatorluğu, İstanbul, 1953.
446. Kafesoglu I., Türkler ve medeniyet, İstanbul, 1957.
447. Kansu Ş. A., İnsan ve medeniyet tekâmül tarihinde Anadolu'nun yeri, — «III. TTK», Ankara, 1948.
448. Kansu Ş. A., Selçuk Türkleri hakkında antropolojik ilk bir teşkil ve neticeleri, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
449. Kansu Ş. A., Tunakan S., Karaoglan höyükünden çıkarılan Eti, Frik ve Klâsik devir iskeletlerinin antropolojisi, — «IV. TTK», Ankara, 1952.
450. Karal E. Z., Osmanlı İmparatorluğunda ilk nüfus sayımı 1831, Ankara, 1943.
451. Kemal K., Anadolu'nun Doğu ve Cenupdoğusu, Ankara, 1933.
452. Kemali A., Erzincan. Tarihi, coğrafi, içtimâî, etnoğrafi, idârî, ihsâî tetkikat tecrübesi, Erzincan, 1932.
453. Koşa y H. Z., Alaca-Höyük. (Anadolu'nun etnoğrafya ve folkloruna dair malzeme), Ankara, 1951.
454. Koşa y H. Z., Ankara budun bilgisi, Ankara, 1935.
455. Koşa y H. Z., Bask dili ile Türkçe arasındaki münasebetlere dair yeni deliller, — «Bell.», 1959, c. XXIII, № 92.
456. Koşa y H. Z., Dil mukayeselere göre Basklarla Türklerin temasları, göç yolları ve zamanı hakkında, — «Bel.», 1957, c. XXI, № 84.
457. Koşa y H., Kılıç S., Güzelova (Erzurum) etnoğrafya ve folkloruna dair notlar, — «TED», 1965, № 6.
458. Koşa y H. Z., Türkiye halkının maddî kültürüne dair araştırmalar, I (Çiftilik), — «TED», 1956, № 1; II (Kap-kaçak, ocak v. s.), «TED», 1957, № 2; III (Hayvancılık), — «TED», 1959, № 3.
459. Koşa y H. Z., Türkiye Türk düğünleri üzerinde mukayeseli malzeme, Ankara, 1944.
460. Koşa y H. Z., Ulkücan A., Anadolu yemekleri ve Türk mutfağı, Ankara, 1961.
461. Köse M., Kars'ta kotan, — «TFA», 1963, № 169.
462. Köprülü F., Anadolu beylikleri tarihine ait notlar, — «TM», 1928, c. 2.
463. Köprülü M. F., Anadolu Selçukluları tarihinin yerli kaynakları, — «Bel.», 1943, c. VII, № 27.
464. Köprülü M. F., Kay kabilesi hakkında yeni notlar, — «Bel.», 1944, c. VIII, № 31.
465. Köprülü M. F., Oğuz etnolojisine dair tarihî notlar, — «TM», 1925, c. 1.
466. Köprülü M. F., Oğuz kabile isimleri, — «TM», 1925, c. 1.
467. Köprülü F., Osmanlı devleti'nin kuruluşu, Ankara, 1959.

468. K ö p ü l ü M. F., Osmanlı İmparatorluğunun etnik menşei meseleleri, — «Bel.», 1943, c. VII, № 28.
469. «Köylerimizin adları», İstanbul, 1928.
470. K ö y m e n M. A., Selçuklu devri Türk tarihi, Ankara, 1963.
471. M a n s e l A. L., Ege tarihinde Akalar meselesi, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
472. M a n s e l A. M., Preistorik boyalı keramik kültürleri, — «Bel.», 1937, c. I, № 3—4.
473. [M e h m e d N e s r i], Kitab-ı cihannüma. Neşrî tarihi, c. I—II, Ankara, 1949.
474. «Millî mücadele ve inkılâplarla ilgili kanunlar», c. I, Ankara, 1957.
475. M ü n e c c i m b a ş i, Sahaif al-Ahbar, İstanbul, 1868.
476. N e s i n A., Böyle gelmiş, böyle gitmez, İstanbul, 1966.
477. O n u r N., Kan grupları bakımından Türk irkının menşei hakkında bir etüd, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
478. O r k u n H. N., Anadolu'da Oğuz boyları, — «Ülkü», c. V, № 27, 1935; c. XI, № 124, 1946.
479. O r k u n H. N., Oğuzlara dair, — «Ülkü», 1935, c. V, № 26.
480. O r k u n H. N., Türk tarihi, c. I—IV, Ankara, 1946.
481. O r u ç b i n A d i l, Tevarih-i Al-i Osman, Hannover, 1925.
482. Ö z b e l K., El sanatları, c. I, Ankara, 1949.
483. Ö z g ü ç T., Birinci Truva'yı kim kurdu? — «AÜDTCFD», 1944, c. II, № 5.
484. Ö z t e l l i C., XVII yüzyılda büyük folklorcu Evliya Çelebi, — «TTA», 1958, № 107.
485. R u b e n W., Anadolu'nun yerleşme tarihi ile ilgili görüşler. Koçhisar'ın Tuz gölü Batosındaki step köylerinde 1946 Eylülünde yapılan bir araştırma gezisinin sonuçları, — «AÜDTCFD», 1947, c. V, № 4.
486. S a r a c o ğ lu H., Doğu Anadolu, c. I, İstanbul, 1956.
487. S ü m e r F., Avşarlara dair, — «60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı», İstanbul, 1953.
488. S ü m e r F., Döğerlere dair, — «TM», 1953, c. X.
489. S ü m e r F., Karakoyunlular, — «İslâm ansiklopedisi», 1953, czuz 58.
490. S ü m e r F., Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilatı, destanları, Ankara, 1967.
491. S ü m e r F., Yiva oğuz boyuna dair, — «TM», 1951, c. IX.
492. S a p o l y o E., Ziya Gökalp, İstanbul, 1943.
493. Ş e n y ü r e k M. S., En eski Anadolu halkın kraniyolojik tetkiki, — «III. TTK», Ankara, 1948.
494. Ş e n y ü r e k M. S., Türk Tarih Kurumu adına yapılan Kara höyük kazısından çıkarılan kafataslarının tetkiki, — «Bel.», 1949, c. XIII, № 49.
495. Ş e n y ü r e k M. S., Truva civarında Kumtepe'deki bulunmuş olan iskeletlere dair bir not, — «AÜDTCFD», 1949, c. VII, № 2.
496. T a n s e l F., Arap harflerinin İslahı ve değiştirilmesi hakkında ilk teşebbüsler ve neticeleri, — «Bel.», 1953, c. XVII, № 66.
497. T a r h a n H., Isparta'da Lodos'un kızını Poyraz'a gelin etmek, — «HBH», 1930, № 5.
498. «Tavarih-i âli Osman», İstanbul, 1332 (hicre).
499. «Tevarih-i Al-i Osman», Breslau, 1922.
500. T o g a n Z. V., Moğollar, Çingiz, Türkük, [S. L.], 1940.
501. T o g a n Z. V., Umuını Türk tarihine giriş, c. I, İstanbul, 1949.

502. Tunakan S., Türk çocukların ve yeni doğmuşlarda Mongol lekesi, — «AÜDTCFD», 1956, c. XIV, № 3—4.
503. Turan O., Celâleddin Karatay, vakıfları ve vakfiyeleri, — «Bel.», 1948, c. XII, № 45.
504. Turan O., İstanbul'un fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Ankara, 1954.
505. «Türkçe sözlük», 3, baskı, Ankara, 1959.
506. «I. TTK», İstanbul, 1932.
507. «Türkiye karayolları haritası», İstanbul, 1966.
508. Uzuncarsılı İ. H., Osmanlı devleti teşkilatına medhal, İstanbul, 1941.
509. Uzuncarsılı İ. H., Osmanlı tarihi, c. I—IV, İstanbul, 1947—1952.
510. Uzuncarsılı İ. H., Teke oğulları, — «TTAED», 1933, № 1.
511. Uraz M., Türk edip ve şairleri, İstanbul, 1939—1940, c. I—IV.
512. Ülkütaşır M. Ş., Türk halkbilgisine ait araştırmalar, İstanbul, 1938.
513. Ünal T., Karamanoğulları tarihi, Ankara, 1957.
514. [Ünver] Süheyl A., Türkiye'de tıbbî folklor hakkında rapor, — «HBH», 1936, № 56.
515. «Vahdettin Anzavur'u silâhlandırmıyor», — «Akşam», 27.III.1968.
516. Vallois H. V., Garbî Asya'nın ırklar tarihi, — «II. TTK», İstanbul, 1943.
517. Yalgin A. R., Anadolu'da yağcılık, — «Ülkü», 1946, c. IX, № 103, 106.
518. [Yalgin] A. Rıza, Cenupta Bozdoğanlılar, — «Ülkü», 1934, c. III, № 17.
519. [Yalgin] A. Rıza, Cenupta Türkmen oymakları, İstanbul — Ankara, 1931—1933, k. 1—3.
520. Yalgin A. R., Hayvancılık, — «TED», 1959, № 3.
521. Yalgin A. R., Toroslarda Karatepeli bölgesi. Yurt ve etnografiya, Ankara, 1950.
522. Yalgin A. R., Uludağ çevresinde Türk damgaları, — «III. TTK», Ankara, 1948.
523. Yazıcıoğlu Ali, Oğuzname yahut Selçukname, İstanbul, [S. A.]
524. Yener E., Eski Ankara kadın kıyafetleri, — «AÜDTCFD», 1955, c. XIII, № 3.
525. Yinanç M. H., Danışmendiler, — «Islam ansiklopedisi», İstanbul, 1944, c. II, cüz 21.
526. Yinanç M. H., Türkiye tarihi. Selçuklu devri, İstanbul, 1944.
527. Wittek P., Menteşe beyliği (XIII—XV asır), Ankara, 1944.
528. Ποσταγού Αρι, Η προελεγεν τεν Ελληνεν, 'Αδηνα, 1962.
529. Χατζημιχάλη Α., Σαρκαρτσανοι, 'Αδηνη, 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>Обзор основных источников и литературы</i>	5
<i>Г л а в а I. Этнический состав населения Анатолии до массового переселения тюркских племен</i>	45
<i>Г л а в а II. Переселение тюркских племен в Анатолию в XI—XIII вв. и их этническая история</i>	74
Огузы и туркмены в Румском султанате (74). Расселение огузов и туркмен в Анатолии (83). Численность тюрок в Анатолии XI—XII вв. (89). Этнический состав тюркских племен Анатолии (91). Смешение тюрок с местными кочевниками Анатолии (95). Этнический состав населения Малой Азии в XI—XIII вв. (101). Этнические процессы в Анатолии в XI—XIII вв. (103). Этнические корни сельджукской культуры Малой Азии (114)	
<i>Г л а в а III. Образование турецкой народности</i>	125
Особенности этнической истории Анатолии в период монгольского владычества и феодальной раздробленности (125). Возышение Османского государства и образование турецкой народности (132). Колонизация турками ряда балканских стран (136). Роль юрюков в колонизации Румелии (138). Ассимиляция турками части местного населения Анатолии и Балкан (142). Особенности развития культуры и языка турок в XV—XVI вв. (150). Племена в составе турецкой народности XV—XVI вв. (157)	
<i>Г л а в а IV. Формирование турецкой нации</i>	160
Особенности развития Турции в XVII—XVIII вв. (161). Некоторые черты турецкой народности в начале XIX в. (163). Переселение турок и мусульман с бывших османских и сопредельных территорий в Турцию (171). Особенности языковых ассимиляционных процессов в Турции XIX в. (172). Зарождение капиталистических отношений и особенности национального развития народов Турции в первой половине XIX в. (176). Превращение Турции в полуколонию иностранных держав в конце XIX — начале XX в. и национальные процессы (188). Младотурецкая революция, первая мировая война и их влияние на национальные процессы в Турции (199). Кемалистская революция и завершение национальной консолидации турок (206). Развитие турецкой нации в 1930—1965 гг. (211)	
<i>Г л а в а V. Этническая характеристика современных турок</i>	221
Антропологические типы (222). Язык (226). Некоторые особенности материальной и духовной культуры (240).	
<i>Заключение</i>	249
<i>Библиография</i>	251

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
63	12 св.	тюрских	тюрских
170	5 св.	ассирийцев, униатов	ассирийцев-униатов

И С П Р А В Л Е Н И Е

На стр. 221 строки 17 — 19 сверху следует читать:
 занятие крестьян — земледелие, на втором месте по значению стоит
 скотоводство. Этнографические группы (юрюки, туркмены и др.)
 занимаются в основном ско-

Зак. 980